

ВОСПОМИНАНИЯ
Нина Аносова

“Adieu Russie”, Librairie des Cinq Continents, 1978.

Перевод с французского: Тамара Курбатова

Часть первая

Перед бурей

Аносовы

Меня зовут Нина. Родилась я в России, в Саратове, 28 февраля 1903 года. Мой отец – Ефим Аносов, мама – Елена Мария Керн. У них была еще одна дочь – Ксения, на два года старше меня.

Про отца мне известно очень мало. Еще в детстве я желала знать о нем, об его происхождении, и мне удалось, в общих чертах, восстановить историю семьи Аносовых, начиная с 18 века от старообрядцев. Однако для понимания религиозных и исторических событий, игравших важную роль в судьбе этой семьи, рассказ следует начать с более далеких времен, с эпохи татаро-монгольского нашествия.

В тринадцатом веке орды татарских всадников волной прокатились по юго-западу Азии и всей Восточной Европе, за исключением крайнего севера России. Татар не интересовало богатство городов и сельское хозяйство. В первую очередь они искали огромные пространства для скачек и пастбищ. С налета они грабили и сжигали все на своем пути.

Кочевники лугов и степей, татары не решались проникать в густые леса, где не могли пройти лошади. Спасаясь, местные жители бежали на север, в лесистые районы. В результате этой миграции мои предки Аносовы обосновались в северных лесах верховья Волги.

Ревностные защитники *старой веры*, в середине семнадцатого века они отправились на Восток, чтобы избежать гонения, и остановились в лесистой области недалеко от реки Енисей, пройдя более двух с половиной тысяч километров.

Здесь эти суровые и храбрые люди поначалу жили рыбалкой и охотой, затем они организовались, построили деревню и церковь.

Преследования и лишения наложили на старообрядцев отпечаток, они выковали род людей храбрых, трезвых и цепких, исключительно высокой нравственности. Благодаря своей строгой морали и труду они вскоре уже не находились в нужде. Некоторые вернулись в европейскую часть России, другие остались. В восемнадцатом веке Аносовы в Сибири уже вели преуспевающий образ жизни, занимаясь скупкой, транспортировкой и продажей

меха. Всегда в дороге, в любую погоду – летом в палящий зной континентального климата, зимой в трескучие морозы – они кочевали по тропинкам и дорогам на небольших, но надежных сибирских лошадках, запряженных в телеги или сани, или же следовали по рекам на лодках. Они построили стоянки для замены усталых лошадей на свежие, а по берегам рек причалы для лодок. Торговали по бартеру, бухгалтерию и учет вели в записях на бересте на славянском языке. В последующих поколениях Аносовы, которые всегда работали семьей, расширили свое поле деятельности: организовали доставку меха в Москву. Караваны шли по несколько месяцев. Дороги были полны опасностей: разбойники, волки, метели. Сыновья Аносова были вооружены. Они ехали день и ночь, сменяя друг друга.

Позже они оставили пушнину и занялись перевозкой соли. Москва плохо снабжалась солью. Аносовы купили у государства право на использование двух соляных озер, Эльтон и Баскунчак, расположенных к северу от Каспийского моря. Опираясь на опыт, приобретенный во время торговли пушниной, они начали строить более вместительные суда.

Затем Аносовы отказались и от этой деятельности, чтобы обосноваться на Волге, в Саратове, где начали строить большой флот торговых судов для перевозки пшеницы по Волге и ее притокам.

У Аносовых был свой взгляд на ведение бизнеса. По семейной традиции они не полагались на ценность денег и сразу же вкладывали прибыль в землю или инвестировали ее в торговлю. Они никогда ничего не покупали и не продавали в кредит. Когда в 1878 году родился мой отец, его родители владели несколькими тысячами гектаров земли. Я помню, как мама говорила мне, в частности, об одном поместье, где был сахарный завод, и о другом, где разводили лошадей.

Аносовы принадлежали к классу «купцов первой гильдии». Разделение русского населения на социальные группы в соответствии с феодальной структурой началось в пятнадцатом веке, когда Иван III начал серию реформ по реорганизации нищей и еще не оправившейся после нашествия татар страны. Крестьяне часто переезжали с места на место, бросая свои хозяйства. С другой стороны, старые княжеские роды почти не сотрудничали с руководством страны.

Своей реформой Иван III прикрепил к земле крестьян. Наряду со старыми княжескими семьями, он создал новое дворянство, за которым он закрепил наследуемые поместья с соответствующей нагрузкой – управление, защита крестьян, формирование и

содержание армии. В то же время были утверждены две купеческие гильдии. Вторая гильдия была создана для внутренней торговли. А первая гильдия соответствовала национальному и международному уровню торговли, промышленности и транспорта. Она продолжала традиции старинного Ганзейского двора в Новгороде. Эти купцы владели большими складами, судами, важными отраслями промышленности. В случае войны они участвовали в обороне страны за счет добровольных пожертвований, с честью служа своей родине. В «Войне и мире», в этой замечательной картине русского общества первой четверти девятнадцатого века, Толстой описывает Ассамблею купцов первой гильдии, совещание, созванное императором Александром I, который хотел получить от них добровольный взнос для продолжения войны.

Купцы первой гильдии были патриотами, славянофилами и хранителями религиозных традиций. Насколько высшее общество, особенно в столице, подвергалось притяжению и влиянию зарубежья, часто говорило на английском, французском или немецком языках, настолько же купцы были враждебно настроены к иноземному влиянию и оставались страстно влюбленными во все русское: старину, историю и искусство.

Не поддавшись влиянию Европы, они в своих манерах, стиле одежды остались ближе к народу, который разделял также и их горячую приверженность к традициям богослужения. Они сохранили старые русские обычаи и были верны им долгое время: так, войдя в дом, они сначала кланялись иконам и только потом приветствовали хозяина дома. Русское высшее общество держало их за людей отсталых и смотрело на них с оттенком презрения.

Это сообщество людей являлось величайшим богатством и потенциальной силой нации. Их надежный здравый смысл был подобен фундаменту, на котором покоилась финансово-промышленное могущество страны. Меценаты и коллекционеры, они уже несколько веков собирали произведения искусства.

Почти все нынешнее богатство музеев России – Эрмитажа, Третьяковского музея – из Новгородских и других частных собраний купцов. То, что купцы, имеющие опыт управления в крупном бизнесе, знающие организацию промышленности и экономические потребности страны, не занимали ответственных должностей в правительстве России, а большинство чиновников, за немногими исключениями, традиционно выбиралось из знати, нанесло огромный вред экономике государства.

Со своей стороны, купцы широко занимались благотворительной деятельностью. За

их счет строились больницы, открывались и работали школы, детские дома, дома для престарелых. Эта щедрость была частью их религиозных убеждений: чтобы предстать перед лицом смерти с миром в сердце, им нужно было дать Богу отчет в том, что они делились с бедными приобретенным имуществом.

Староверы часто носили библейские или архаичные имена, такие как Онисим, Наум, Елисей. Моего дедушку звали Исая, а отца – Ефим.

Однажды, приехав верхом в городок под Москвой, Исая Аносов увидел на главной площади красивую юную девушку, которая, заметив, что он смотрит на нее, сразу же ушла домой. В тот день он не продолжил свой путь, пока не узнал, кто она такая. Девушку звали Софья Муратова. Она стала его женой.

Софья Муратова принадлежала к среднему классу, ее родители были бедны. Но это было в традиции Аносовых – жениться на молодых, красивых и бедных девушках. А также никогда не использовать в своем деле влияние семьи жены, потому что они не хотели быть никому обязанными. Это было частью их кодекса чести. Запрещалось обсуждать дела в конце обеда или званого ужина. В целом, все они вели очень строгий образ жизни. Закваска старообрядцев была еще сильна в их традициях.

Именно от бабушки Софьи я унаследовала большой лоб и глаза. Из всех изображений семьи Аносовых мама сохранила у себя только портрет бабушки в медальоне размером около двадцати сантиметров в овальной рамке. Иногда, перед зеркалом, она закрывала рукой нижнюю часть моего лица, чтобы показать мне, как верхняя часть его похожа на этот портрет. Но, к сожалению, у меня нет ни бабушкиной красоты, ни ее роста. Мама любила свою свекровь и говорила, что она была очень красива и обладала широким кругозором для того времени.

Один из предков бабушки Софьи был евреем, и в семье Аносовых говорили, что это отдаленное родство объясняло ее живой ум, энергичность и сильный характер. Она смогла очень быстро адаптироваться к социальному положению, которое занимали Аносовы в Саратове, наладить и твердой рукой вести хозяйство в большом доме, в котором было множество слуг и несколько экипажей. Мама рассказывала мне, с какой легкостью она принимала губернатора области и знатных жителей города, когда, по обычаю, они наносили ответные визиты вежливости по большим праздникам.

У бабушки было много детей. Только восемь из них достигли зрелого возраста, детская смертность была тогда очень большой. Овдовев в сорок пять лет, она взяла бразды

правления семейным бизнесом, но опасалась за будущее, думая о времени, когда при достижении младшими сыновьями совершеннолетия, состояние Аносовых будет разделено. Казалось, боевой дух Аносовых ослаблен жизнью на широкую ногу, легкими деньгами, продолжительным обучением. Старшие стремились продолжить свое образование в университетах Москвы или за рубежом, они хотели выбрать другие профессии, а не те, которые укрепили бы семейный бизнес.

В 1899 году моему отцу был двадцать один год. Он учился в Московском университете и в рождественские каникулы вернулся в Саратов, чтобы провести праздники с семьей. Для городской молодежи самым любимым зимним развлечением было катание на коньках. Однажды на катке друзья представили его одной из учениц лицея по имени Елена Керн. Было принято кататься парами, переплетая руки крест-накрест. Часто отец возвращался с катания вместе с мамой, которая ходила на каток каждый день после занятий. И как только мама окончила лицей, они были помолвлены.

Мама часто с улыбкой рассказывала нам, что у нее были уникальные выпускные экзамены, потому что ее отец был региональным инспектором лицеев. Она ничего не делала на занятиях и думала только о развлечениях. Она любила наряды, развлечения, катание на коньках; для себя она рассчитывала только на приятную сторону жизни.

Видя, что Аносов ищет с ней встреч, подруги подшучивали, говоря, что он никогда на ней не женится. Уязвленная в своем тщеславии, бросив вызов подругам по лицу, она вскружила ему голову, но, захваченная собственной игрой, польстилась на богатство молодого человека и уважение окружающих к его имени. Моя бабушка Аносова, считая их обоих слишком юными, предпочитала отложить свадьбу. Но мама была красива, отец влюблен, это было в традиции Аносовых ...

Как было принято, мама принесла в приданое несколько больших сундуков, наполненных серебром, мехами и бельем. Там было двенадцать дюжин каждого вида белья: простыни, скатерти, рубашки, и т.д. ... Это приданое и частые приемы гостей в период помолвки легли бременем на семейный бюджет Керн. Мама знала о денежных затруднениях своих родителей и торопилась со свадьбой, чтобы больше не вводить их в эти издержки, а ее подруги говорили ей, что помолвка еще может быть расторгнута в последнюю минуту.

Она была очень довольна, когда пришел день венчания: идя к алтарю в прекрасном свадебном платье, она улыбалась, не понимая, что это высокомерная и торжествующая

улыбка. Позднее она рассказывала нам: «Я была так счастлива, что все мои тревоги рассеиваются, и поэтому шла к алтарю с широкой улыбкой удовлетворения, демонстрируя всем, что я сделала лучшую партию в городе». Эта улыбку мама никогда не простила себе. У нее был очень ясный ум и способность оценивать себя с юмором и проницательностью.

Свадьбу отпраздновали роскошно. Большой дом Аносовых наполнился людьми, банкет был чудовищный. Затем молодоженов проводили на вокзал. Их купе утопало в цветах. Шампанское опять полилось рекой. Выпив бокал, его бросали под колеса вагона, и поезд тронулся под хруст битого стекла. Такой отъезд опечалил маму – ей хотелось большей сдержанности и изысканности.

После медового месяца на Лазурном берегу и итальянской Ривьере они вернулись в Саратов. Однажды бабушка Аносова взяла маму к лучшим поставщикам города за покупками, и, поскольку мама спросила о ценах на некоторые товары, сделала ей внушение: Аносовы не спрашивают о цене, они только велят доставить выбранное. Впрочем, не спрашивая, нужны ли маме деньги, каждую неделю отец клал в ее портмоне несколько золотых. В то время в России этикет требовал, чтобы женщина никогда не просила деньги у мужа. Чаще всего, когда мама отправлялась в магазин, счет отправляли в контору компании, где автоматически оплачивались все покупки семьи.

Мама знала, что ее собственные родители не могли без затруднений идти на значительные расходы. Поэтому, сославшись на внезапную прихоть, говоря только о любви к модным вещам, она мало-помалу обновила свое приданое, а то, которое получила, отдала своей сестре Жене, достигшей брачного возраста. Но она сохранила столовое серебро семьи Керн, украшенное буквой "К" с многочисленными завитками. Дома я всегда узнавала это столовое серебро.

Когда мои родители поженились, отцу, студенту юридического факультета, оставался еще один год до конца учебы. Но мама не хотела ехать в Москву, где она была бы женой студента, в то время как в Саратове считалась женой важного человека. К тому же здесь у нее были родственники и друзья. У отца был покладистый характер, он уступил. Позже мама строго осуждала себя, сожалея, что помешала отцу завершить образование.

Сначала родители жили в большом доме Аносовых, где им выделили квартиру. Мама страдала от ограничений, налагаемых патриархальной жизнью семьи. Надлежало точно соблюдать время завтрака, обеда и ужина, проходивших за большим столом под

председательством моей бабушки. Требовалось быть внимательным ко всему, что говорилось, не смеяться слишком громко, не перебивать старших. Кроме того, надо было участвовать в нескончаемых молебнах в домашней церкви по поводу годовщин здравствующих родственников и в молитвах за упокой души дедушки. Мама хотела жить в своем собственном доме и быть более независимой.

В 1902 году отец построил большой особняк¹, один из лучших и самый современный в городе, первый, в котором было электричество (оно вырабатывалось несколькими электрогенераторами, размещенными в подвале). Это был также первый в Саратове дом с зимним садом. С приходом зимы через двойные окна можно было наблюдать за падающими снежинками изнутри, где было очень мило находиться среди экзотических растений и пальм.

Когда дом был роскошно оформлен в стиле эпохи, с обилием шелковых драпировок, позолоты и хрустальных люстр, молодые хозяева устроили в нем большой прием. Легко представить, какое впечатление произвели эти анфилады залов, залитых светом, на людей, которые все еще пользовались керосиновыми лампами. Встречая гостей наверху величественной мраморной лестницы, мама чувствовала удовлетворение: она имела все, о чем мечтала в девичестве. Позже она расскажет нам, как была тогда легкомысленна и неразумна.

На одном из приемов в этом доме мама познакомилась с архитектором. Его звали Александр Легран, он был французом, родившимся в России. Ему было сорок восемь лет, маме – двадцать три года, моей сестре Ксении – два, а я только что родилась. Это событие изменило нашу судьбу. Мама говорила нам, что в тот вечер она словно пробудилась от сна. Вся окружающая роскошь, весь успех в мире предстали суетными и ничтожными. Впервые она увидела, что мой отец очень молод, с его неловкими манерами и застенчивостью.

¹ Самым романтичным и загадочным домом Саратова является особняк Э.Борея который находится на пересечении улиц Гимназической (ныне Некрасова) и Армянской (ныне Волжская). Построенный в 1901 г. в стиле модерн компактный особнячок со сложной многофасадной композицией и лоджией в виде замочной скважины просто завораживает. Его первыми владельцами была купеческая чета Ефим Исаевич и Елена Александровна Аносовы, при которых в здании был установлен двигатель для электрического освещения. Благодаря красоте своей хозяйки дом был известен как “замок Елены Прекрасной”. После развода Аносовых особняк был продан П. И. Карепанову, который через год перепродал его представителю рода крупных саратовских мукомолов Александру Эммануиловичу Борелю. Советской властью особняк был национализирован. Ныне в Саратове он известен в первую очередь как городской ЗАГС (с 1961 года). В 2000-х годах здание, памятник градостроительства и архитектуры федерального значения, реставрировалось, после чего в нём разместилось Управление по делам ЗАГС Правительства Саратовской области (зам. Изд.).

В течение зимы 1904 мама поняла, что ее брак был ошибкой и глупостью. Она попросила отца дать ей развод. Она была лютеранкой – это не представляло для нее никакой трудности в религиозном плане. Позже она говорила нам, что сама не понимает, как ей хватило сил и храбрости бросить вызов общественному мнению в этой провинции, где традиционно развод считался предосудительным и позорным. В голове у нее была только одна мысль: заново начать свою жизнь с Леграном. Что касается моего отца, он отказался дать развод в надежде, что однажды мама переменит свое решение. Они оба поженились слишком молодыми, оба были ослеплены легкостью и блеском жизни, а теперь оказались на краю пропасти. В конце концов, не выдержав напряжения бесконечных споров, отец согласился на развод, при условии сохранения опеки над детьми.

Мой отец был замкнутым и довольно застенчивым человеком, а также очень мягким. Видя отчаяние мамы, он отдал ей детей. Мама отправилась вместе с нами в столицу, и бабушка Керн поехала с нами, потому что в то время было неприлично, чтобы молодая женщина жила одна.

Раннее детство

1906 году мама снова вышла замуж за того, кого мы стали называть «папа». По ходу повествования, говоря о своем настоящем отце, я буду говорить «мой собственный отец» или «мой отец Ефим». Папа по происхождению был французом. Его отец, Жосеф Легран, приехал в Петроград дирижировать оркестром Императорской оперы и, как многие из приехавших в Россию иностранцев, не захотел больше уезжать. Его дети родились в России. Папа унаследовал музыкальный талант своего отца, играл по памяти и сочинял на фортепиано и скрипке, однако никогда не занимался музыкой серьезно, так как предпочел посвятить себя архитектуре. В двадцать один год он окончательно выбрал российское гражданство.

Бабушка жила с нами, так же как ее сын Николай, еще студент. В доме всегда было многолюдно: родители, две мои сестры, бабушка Керн и молодой дядя Николай. Кроме того, тетя Женя, сестра мамы, жившая в своем имении в Самарской губернии близ Саратова, часто и надолго приезжала к нам со своей дочерью Алисой, моей ровесницей. И у нас был повар, две горничные и гувернантка для детей.

Первые детские воспоминания, возникающие в моей памяти, относятся к трехлетнему возрасту. Я помню большую коляску, в которой няня везет нас на прогулку, и мы с сестрой Ксенией сидим напротив друг друга. Я помню также нашу комнату, этажерку с аккуратно разложенными на ней игрушками и широкие подоконники двух окон, на которых я любила сидеть и смотреть на улицу. Мама рассказывала мне, что я часто оставалась там, напевая всегда одну и ту же детскую песенку, монотонную и немного грустную. Я рассматривала арабески ветвей, покрытых снегом, закутавшихся прохожих, сани, лошадей, дворников, которые скребли тротуары, убирая снег. Каждую минуту на улице происходило что-то новое.

Иногда снег опускался медленно, как вуаль, и почти удавалось проследить глазами за хлопьями, парившими в воздухе, иногда он падал наискось и был очень мелким. В некоторые дни он полностью покрывал все белым ковром, в другие – исчезал как по

волшебству, едва коснувшись земли.

Я могу точно датировать свои воспоминания. Я вспоминаю о времени, когда главный вход в наш дом был заколочен, дверь заперли набитыми поперек досками: чтобы подняться домой, надо было пересечь двор и пройти по черной лестнице. Это было в 1906 году, и мы предприняли эти предосторожности во время беспорядков, последовавших за бунтом 1905 года. Тогда мне было чуть больше трех лет.

В мае мы всегда покидали Петроград и все лето проводили на даче на одном из курортов, расположенных вдоль железной дороги, соединяющей столицу с Хельсинки. Однажды летом, в возрасте четырех лет, я заболела менингитом. В то время это заболевание еще не лечили, оно почти всегда заканчивалось смертельным исходом. Однажды ночью думали, что я не доживу до утра, и бабушка оставалась у моей кровати. Когда я застонала, показывая на голову, бабушка взяла ее в свои руки, и это, казалось, меня успокоило. Всю ночь бабушка держала мою голову в своих руках. По-видимому, ближе к рассвету боль утихла, и я заснула. Я всегда думала, что это добрые и сильные руки бабушки спасли меня.

Менингит замедлил мой рост, я похудела, очень быстро уставала. Возможно, по этой причине я стала впечатлительной и сильнее других детей переживала свои и чужие горести.

Бабушка заботилась обо всем в доме, командовала слугами, вела счета и решала все наши маленькие проблемы. Мама не заботилась ни о чем. Все старались оградить ее от малейшего беспокойства. У нее всегда были наряды, которые шли ей необыкновенно, она всегда была красивой, свежей, хорошо причесанной, бодрой. Ни ее сестра Женя, ни ее брат Николай не обладали такой красотой. У нее были большие сине-голубые глаза. Все в ней было изящным и элегантным. Мы привыкли видеть, как люди на улице оборачивались, чтобы посмотреть на нее.

Мама просыпалась очень поздно, завтракала в постели, и нас подводили, чтобы она могла нас поцеловать. Она много времени тратила на туалет и выходила из своей комнаты только к полудню. Раз и навсегда было принято, что мама ничего не умеет делать: ни шить, ни заниматься домом и детьми – и что для нее совершенно невозможно было посвятить себя какому-либо занятию. От всех этих забот она была избавлена обожавшей ее семьей.

Такая красота, как у мамы, создает своего рода ореол поклонения, это осложняет и искажает отношения с людьми. Как удержаться и не возвеличиться в своих глазах, когда для вас все легко, все идет гладко, только потому, что вы красивы и полны очарования?

В начале нашего пребывания в Петрограде мы называли второго мужа мамы «дядя Саша». Мама предложила ему, чтобы мы звали его «папа», но он хотел, чтобы это произошло естественно, когда мы почувствуем, что он для нас стал настоящим отцом. Он хотел заслужить, чтобы мы называли его папой.

Поскольку мы привыкли говорить «дядя Саша», было совершенно невероятно, что внезапно, по наитию, мы назовем его «папа». Тогда, устав от этой ситуации, мама сказала нам, чтобы мы устроили сюрприз дяде Саше, назвав его папой. Было решено, что Ксения в тот же вечер скажет фразу, в которой назовет его папой. Папа был глубоко тронут, поверив, что она сделала это непроизвольно.

Позже, когда мы начали больше понимать, мы спросили маму, почему она обманула папу, сказав ему, что инициатива исходила от нас. Она ответила, что папа всегда слишком много требовал от жизни. Невозможно ждать от детей, чтобы они различали такие тонкости, и было бы неправильно продолжать огорчать его, называя дядей Сашей.

Я отчетливо помню прогулку в зоопарк. Там недавно родились очаровательные медвежата, и нам обещали показать их. Это первое мое воспоминание не только о событиях, но и о впечатлениях, и связанных с ними эмоциях.

Мы пошли в зоопарк всей семьей. Была хорошая погода, воскресенье, везде было празднично и многолюдно. Я снова вижу желтый песок аллея, газоны и бассейны из искусственных камней для водных животных.

Вдруг в одном из этих бассейнов я заметила нечто невообразимое. Оно было большое с блестящей черной спиной, которая заканчивалась огромной мордой с выступающими ноздрями, придающими ей квадратную форму. Когда эта немыслимая пасть открылась в чудовищном зевке – о, ужас! – внутри она оказалась бледно-розовой. Я поняла, что эта гора плоти была живым существом, наполовину погруженным в воду. Оно было живым, оно зевало, значит, оно могло страдать. Как должно быть ужасно, быть настолько огромным и уродливым. Помню, как я подумала, что такой урод не может быть любимым кем-либо, и мучительное сострадание охватило меня. Окаменев, я долго стояла на краю бассейна, пока не заметила возле себя сторожа. Мне не понравилось, как властно он взял меня за руку, и я расплакалась. Сторож отвел меня к родителям, которые искали меня повсюду.

Когда меня спрашивали, что мне показалось самым интересным в зоопарке, я всегда отвечала: бегемот. У нас считалось, что это ненормально. Хрупкая девочка из хорошей

семьи должна была любить маленьких животных, забавных и милых. Что симпатичного можно найти в гиппопотаме? Я не могла объяснить, что, напротив, он показался мне очень некрасивым, очень несчастным, и мне его жалко. Эта мучительное чувство жалости, впоследствии я испытала при многих обстоятельствах своей жизни. Я даже физически заболела. Какие глупости, какие промахи совершала я из-за этой болезненной жалости, которая заставляла меня терять контроль над собой и бросаться, подобно Дон Кихоту, часто бесполезным и всегда смешным защитником на ветряные мельницы воображаемых невзгод.

Когда в ноябре 1907 года родилась моя сестра Наташа, бабушка просто сияла от счастья. Помню, как она пришла утром, взяла меня из постели и отнесла в свою комнату, где стояла детская кроватка. Она сказала мне: «Вот твоя сестра, твоя новая маленькая сестренка. Не правда ли, ты рада, что у тебя есть маленькая сестренка? Посмотри, какая она милая».

Это было так неожиданно, и я все еще была в полудреме. Почему бабушка несла меня на руках, а не одела, как делала это каждый день? Я не знала, лежало там живое существо или кукла. У нее были блестящие широко раскрытые глаза, как большие черные пуговицы. Я протянула вперед палец, чтобы потрогать и убедиться, что они принадлежали живому существу. Бабушка вовремя остановила меня. Об этом случае в семье говорили, что я хотела проткнуть глаза своей маленькой сестре. Это было не так, у меня не было намерения причинить ей боль. Но легенда осталась, и Наташа упрекала меня, даже когда мы выросли.

Бабушка обожала Наташу, она называла ее «мой маленький ангел». У нее было четверо детей и четверо внуков, но ни один ребенок в мире не был для нее столь прекрасным, как Наташа.

Я спрашивала себя, почему бабушка любила Наташу больше меня и прощала ей все капризы. Я находила для этого несколько причин: она была красива, у нее были вьющиеся волосы, бабушка очень любила папу и не любила моего родного отца. Я не понимала, почему Наташу находили такой замечательной девочкой. На самом деле она была очаровательна, потому что в ней была безграничная жизненная сила. Она злилась, плакала и успокаивалась быстро и спонтанно, как ребенок, который чувствует себя любимым. Несмотря на нашу разницу в возрасте у нее было больше умения держаться, чем у меня, и тысячи женских уловок, чтобы понравиться. Я думаю, совсем маленькой она уже знала, что

она красивая и обаятельная, в то время как я была неуклюжей, застенчивой и всегда витала в облаках.

Так как я была маленькая, тощая и часто мерзла, папа назвал меня «воробушек». Когда со мной случалась неприятность, он говорил: «Воробушек мой, почему именно на тебя падают все шишки?»

На фотографиях, где мне шесть или семь лет, тоненькая девочка с большим лбом и двумя длинными косами. В России говорили, что у девушки длинные волосы, если она может сесть на свои косы, держа голову прямо. Я могла сидеть на своих, но вместо легких, волнистых и пепельно-белокурых волос, как у мамы и сестер, мои волосы были жесткие и темные. Я думала, что очень некрасиво иметь прямые волосы.

По возрасту я была ближе к Ксении, она на два года старше, чем к Наташе, которая, в моих глазах, была еще младенцем, так как была на пять лет младше меня. Ксения считалась большой, у нее была своя комната, она могла благоустраивать ее по-своему, и ее распорядок дня отличался от нашего. Вероятно, из-за моего маленького роста и заботы о моем здоровье нас с Наташей считали «маленькими». Говорили: «Пойдем, погуляем с маленькими, пойдем купаться с маленькими ...» Я должна была рано ложиться спать, потому что Наташа не хотела идти спать одна, и ходить мелкими шагами, чтобы она успевала за мной. Я смотрела на нее, как на истинную обузу.

Очень скоро я поняла, что от посторонних скрывают развод мамы, что развод был вещью предосудительной, и моя фамилия Аносова, отличающаяся от фамилии моих родителей, говорит обо мне как о дочери разведенной женщины. Я также знала, что никто в семье не любил моего отца, его имя было окружено своего рода презрением, и пришла к выводу, что меня тоже презирают. Но почему я думала, что стыд причитается только мне, а не маме и Ксении? Теперь я не понимаю этого, но тогда приняла его как неизбежность. Тем не менее, что-то меня оскорбило, задело.

Когда мой отец Ефим Аносов приезжал в Петроград повидаться с нами, он останавливался у своих сестер, Ольги и Маргариты, и требовал, чтобы нас приводили туда. Гувернантка отводила нас к нему и уходила, чтобы затем вернуться за нами. Мне рассказывали, что мама была в эти моменты в настоящей панике. Мы были еще маленькими, когда отец отказался от опеки над нами. Она боялась, чтобы он не привязался к своим подросшим дочерям и не отнял бы их.

На протяжении всех наших визитов бабушка стояла на углу улицы, чтобы предотвратить это возможное похищение. Если бы отец посмотрел в окно, думается, он не узнал бы ее, так как по этому случаю, она надевала на голову толстый шерстяной платок. Однажды она простудилась, простояв несколько часов под сильным снегопадом.

Эти визиты оставили во мне лишь незначительные воспоминания, такие, как платье из шуршащей шотландской тафты, которое носила одна из моих теток, и огромный кусок торта, который мне дали на полдник: я не осмелилась сказать, что не голодна и с ужасом думала, смогу ли с ним справиться. Я также помню высокого молодого человека, который там был. Я не осознавала, что это мой отец. Дома, когда разговаривали о нем, говорили просто: Аносов.

Мне было шесть или семь лет, когда отец написал, что приедет повидать нас к нам домой. Нам сказали, что Аносов нанесет визит и одели в праздничные платья.

Я не думала ни о чем особенном, но чувствовала, что взрослые встревожены и озабочены. Когда нам велели пройти в гостиную, мы вошли и, как обычно, сделали реверанс. Мой отец поднял нас и обнял. Он взял меня к себе на колени, сестра сидела рядом с ним на диване. Я помню его светлые волосы, серые глаза, которые тревожно вглядывались в нас, его пенсне и прямой нос (такой же, как у моего второго внука Михаила-Александра). Все это высечено одним целым в моей памяти так же, как его светлый костюм, шершавое прикосновение которого я почувствовала, когда прислонилась щекой к его плечу. Он сказал мне: «Доченька моя дорогая, ты очень худенькая, ты хорошо себя чувствуешь?» или что-то в этом роде.

Он задавал нам вопросы, и мы коротко отвечали, глядя на него во все глаза. Сестра сидела рядом с ним очень напряженно. Я поняла, что он говорит нам что-то очень нежное, что ему грустно из-за нас. Когда он сказал мне: «Доченька моя», – я почувствовала, что это правда, я на самом деле была его, а он был моим отцом.

Из соседней комнаты можно было видеть все, не заходя в гостиную, через отражение в большом зеркале. Так что мама и бабушка знали все, что происходило. После отъезда отца они сказали, что Ксения держалась с достоинством, а я вела себя глупо, когда обнимала его и повисла у него на шее самым нелепым образом.

Всего этого я не помню, помню только чувство глубокой защищенности, которое испытывала рядом с ним.

Мама была счастливой и веселой, она часто подшучивала над собой и другими и говорила все, что приходило в голову. Она была частью очень дружной семьи: бабушка, мама, тетя Женя и дядя Коля образовали клан, в котором никогда не было места формальностям, а папу единодушно признавали самым умным и самым замечательным человеком во всем Петрограде.

За столом часто собиралось множество народа. В России можно прийти к друзьям в любое время без предупреждения и сесть с ними за стол без всяких церемоний. Это называлось «заглянуть на огонек», по аналогии со светом, который глубокой ночью издалека видит путник в окне дома.

Обедали в три часа после полудня. Около четырех или пяти часов на стол ставили горячий самовар, и можно было попить чаю, если захочется. Ужинать садились в восемь часов вечера, когда самовар снова появлялся на столе: угли долго сохраняли воду теплой. Каким наслаждением было, придя домой с мороза, выпить чашку горячего чая!

Стены во всей квартире были оклеены бумажными обоями или полотном нейтральных тонов. Папа говорил, что цвет стен всегда нужно подбирать, как фон для портрета красивой женщины, фон, который гармонирует с цветом ее лица. Чтобы продемонстрировать нам это, он взял лист бумаги для рисования, который по-русски называется «дымчатый», и поместил его за головой мамы. И в самом деле, он подчеркнул ее светлые пепельные волосы, голубые глаза, а лицо ее, казалось, засияло.

Между двумя окнами столовой на небольшом столике стоял красный самовар. Мы никогда не пользовались им, потому что он был слишком большим. Он весь был покрыт резными листьями и желудями. Они были выполнены так прекрасно, что каждый маленький кусочек узора казался драгоценным камнем. Я любила проводить пальцем по сложным переплетениям ветвей.

Обеденный стол освещался лампой под огромным шелковым абажуром восхитительного золотого цвета, с длинной бахромой, он имел форму перевернутой чаши и опускался над столом довольно низко. Мама повесила его таким образом, чтобы яркий свет падал на хрусталь и серебро, а лица гостей вокруг стола оставались в рассеянном свете. Она любила красивое освещение и умела его сделать, знала, как выделить нужные предметы и создать настроение. Она говорила, что люстра с плафонами убирает с потолка тени и придает праздничный вид, а светильники, которые были у нас то тут, то там среди мебели, делают обстановку более интимной.

Чтобы создать впечатление большего пространства, двойные двери между гостиной, маленькой гостиной, прихожей и столовой сняли, и на их место повесили ламбрекены.

Мебель часто переставляли, потому что мама любила, по ее словам, «сменить обстановку». Самая красивая мебель прибыла из Франции, от родителей папы.

Родители чаще всего находились в маленькой гостиной с небольшим роялем, на котором папа импровизировал по вечерам, или в комнате с окнами, выходящими на улицу и Большой Проспект, которую мы называли угловой. Там папа устроил свой рабочий кабинет и библиотеку.

В большой гостиной царил чуть более официальная атмосфера. Оконные шторы и дверные ламбрекены были атласными цвета морской воды, кресла в стиле Людовика XVI покрыты шелковой парчой. Огромные цветы на ковре напоминали раскрытые пасти и выглядели как живые. Я усаживалась повыше, чтобы наблюдать за ними, думая, что если бы они были живыми, то могли бы проглотить меня.

На одной из стен большой гостиной висели портреты «предков». Там были фамильные портреты Легран и Керн. От рода Аносовых мама сохранила только один овальный медальон с портретом моей бабушки Аносовой, написанный известным итальянским художником.

Я внимательно рассматривала ее. Она была моей бабушкой так же, как бабушка Керн, но знала меня только совсем маленькой. Я пыталась представить себе, что она могла бы сказать мне, своей внучке, похожей на нее, и что она подумала бы обо мне. Может быть, она любила бы меня так же, как бабушка Керн любила Наташу.

В то время девочки часто носили темно-синие юбки с большими складками и прямые блузки из той же ткани с «матросским воротником». Для праздников у нас были платья из тонкого белого шерстяного муслина, украшенные кружевными воланами и широким поясом из белой атласной ленты, завязанной сзади большим бантом с концами, спадающими до низа юбки. В косы вплетали ленты, а концы волос, накрученные на ночь на папильотки, образовывали кудри.

За окнами детских комнат всегда висел наружный термометр. Когда он показывал двадцать семь градусов мороза, ученики младших классов не ходили в школу, если было минус тридцать три градуса, старшеклассники тоже оставались дома.

Зимой дни были короткие, в декабре смеркалось уже в половине четвертого. Нам не разрешалось выходить на улицу после заката солнца, но иногда мама делала исключение и

решала прогуляться с нами перед сном. Освещенные улицы выглядели празднично. Снег кружился вокруг газовых ламп, воздух был холодным и сухим. Нам запрещали разговаривать и дышать через рот, чтобы не простудиться. Это были прекрасные и радостные моменты. Вечерние прогулки по освещенным улицам Петрограда – одно из лучших воспоминаний моего детства.

Перед наступлением холодов, в октябре, законопачивали окна. Внизу между рамами клали зеленые веточки искусственного мха и сверху два цветных стаканчика с кислотой: она не давала стеклам замерзнуть из-за скапливающейся влаги.

В день, когда законопачивали окна, в доме внезапно наступала тишина, больше неслышно было шума с улицы. Для проветривания в верхней части рамы имелись двойные форточки; дымоходы печей также способствовали вентиляции. Квартиры очень хорошо отапливались. Дома никогда не носили теплые платья, дамы всю зиму ходили в легких блузках и шелковых платьях.

Наши печи были сделаны по образцу Эльзасских. Встроенные в стену между двумя комнатами, они немного выступали в помещение и были покрыты плиткой от пола до потолка. Придя с мороза, хорошо было прислониться спиной к теплой изразцовой печке. Топили рано утром, затем дымоходы закрывали, и печи оставались теплыми до самого вечера. Топили дровами. Почти всегда это была береза.

Ранним утром, когда все еще спали, горничная растапливала печь. Иногда, проснувшись, я видела, как она, присев на корточки, дует на разгорающиеся ветки, и снова засыпала.

Зимой мы ходили гулять в сквер на Васильевском Острове, и каждый тащил за собой маленькие санки, чтобы кататься с «ледяной горки», залитой в сквере. На спуске перехватывало дыхание, но скорость наполняла нас глубокой радостью, давала чувство отваги и свободы. Казалось, что мы летим.

Когда вставал лед, на Неве устраивали несколько открытых катков. Вечером катки освещались, и оркестр играл популярные мелодии. Ксения научилась кататься на коньках, а мне этого не разрешили из опасения, что я могу разбить очки и поранить глаза при падении.

В летние дни мы иногда брали лодку и отправлялись на прогулку в парк под названием «Летний сад». Лодка, идя зигзагом, по очереди подходила к обоим берегам Невы.

Возвращаясь к левому берегу, шла вдоль набережных, где находилось большинство иностранных посольств и правительственных учреждений. Ансамбль набережных левого берега в центре Петрограда, со строгой элегантностью их стиля, признается архитекторами всего мира выдающимся достижением. Этот ансамбль продолжался высокой и красивой кованой чугунной решеткой Летнего сада, возле которого мы причаливали.

Я помню круглую площадку в этом саду и в середине нее статую русского поэта и баснописца Крылова, окруженного животными, главными персонажами его басен. Помню также «Гигантские шаги» и широкие аллеи.

В Летнем Саду мы встречали знакомых детей. Одним из них был мальчик моего возраста по имени Павел. Он был очень высоким для своих лет, с веселым и буйным характером. Я редко играла с ним, потому что он был сильнее меня и дружил со старшими мальчиками.

Тогда я не могла даже предположить, что гораздо позже, в эмиграции, я встречу его вновь, и он займет такое большое место в моей жизни: мы поженились в Париже в 1926 году.

Ближе к Великому посту на улицах появлялись нарядные сани с упряжками, украшенными колокольчиками и цветными лентами. Их возницы были финнами. Лица их были загорелыми, и, улыбаясь во весь рот, они говорили: «Вейка, вейка». Их так и называли – вейка.

У вейка давно уже вошло в привычку приезжать накануне поста, но я так и не смогла узнать, когда и при каких обстоятельствах возник этот обычай.

Гуляния вейка были неразлучны с «блинами», которые ели во вторник масленичной недели или в последующие дни. Блины пекли из смеси пшеничной и гречневой муки. Ели их с лососем или копченой осетриной, с икрой, со сметаной или просто с растопленным сливочным маслом. Это традиционное блюдо служило также поводом для праздника. Друзей приглашали на блины, а затем брали вейка и катались по улицам Петрограда и на островах в устье Невы.

После Великого поста вейка со своими санями возвращались в Финляндию до следующего года.

Пасха празднуется в России с особой силой, не так как везде. Церковная служба

преображает жизнь каждого дня, она сияет в домах и на улицах. Пасха часто приходится на время таяния снега, когда ветви вербы покрываются пушистыми сережками, первыми знаками обновления. Эти веточки освящают в Вербное воскресенье, поэтому и неделя называется Вербной.

Большинство людей редко исповедуются. Исповедь требует серьезной подготовки. Прежде чем идти на исповедь, следует также попросить прощения у всех домашних. Говорят: «Прости меня Христа ради, если я обидел тебя», или просто «Прости меня Христа ради». На что надо ответить: «Бог простит».

Перед праздником Пасхи можно выбрать одну из недель Великого поста. В эту неделю каждый день надо ходить на службу в церковь, не есть мясо, рыбу, яйца и молочные продукты, отказаться от забав и развлечений, читать только благочестивые книги и идти на исповедь.

Когда наши слуги шли на исповедь, они одевались во все самое чистое и новое. В тот день их движения становились неторопливыми и мягкими, и этот торжественный настрой сохранялся весь день.

Вечером Великого Четверга улицы оживлялись множеством огоньков, когда верующие несли домой новый огонь, возвращаясь из церквей, где читали «двенадцать Евангелий». Они шли осторожно, защищая свечу рукой от ветра, и по их лицам, освещенным снизу мерцающим пламенем, пробегали розовые и золотистые блики.

Придя домой, гасили лампадки перед иконами и вновь зажигали их от принесенных свечей.

В нашей семье не брали детей на Пасхальную вечернюю службу, но, как и во всех домах, готовили пасхальный стол. На столе в столовой были два традиционных блюда: кулич и пасха, и крашеные яйца.

Нас не укладывали спать, и мы дожидались полуночи. Ближе к полуночи приоткрывали форточки, чтобы лучше слышать колокола: чуть раньше других начинали звучать колокола с противоположного берега Невы, глухой и глубокий тон Исаакиевского собора, затем высокий и светлый звон колоколов нашей приходской церкви. И вот мы уже ничего более не могли различить в радостном многоголосье всех церквей.

Талый снег был первым предвестником весны. Снег становился серым и скользким. На смену саням приходили экипажи, и улицы становились более шумными. Когда вскрывался лед на Неве, слышались как бы выстрелы, а затем хруст сухариков. Говорили:

«лед идет», и все шли на берег смотреть на Неву с огромными плитами льда, громоздящимися друг на друга, а затем рушащимися и погружающимися в воду.

Со Стрелки Васильевского Острова, перегнувшись через гранитный парапет, мы смотрели, как нос корабля, идущего по направлению к нам по вспенивающимся водам Невы, борется с льдинами, словно освобождаясь от зимних оков. На расстоянии, на правом берегу, виднелась Петропавловская крепость с ее золотой иглой, а на левом берегу, в пылающем весеннем свете, золотая игла Адмиралтейства.

В то самое время, когда перелетные птицы возвращались из дальних стран, булочки пекли маленькие хлебцы в форме птичек с двумя изюминками вместо глаз. Говорили: «Жаворонки вернулись», и к чаепитию на столе появлялись корзинки, полные этих маленьких хлебцев.

Снег сходил. По водосточным трубам с радостным журчанием сбегали потоки воды. Мы вновь наслаждались ощущением – уже забытым – солнечного тепла на своем лице. Без теплой зимней одежды мы чувствовали себя в жизни легче и счастливее.

Семья Керн

редки моей бабушки по материнской линии вышли из Померании. Они обосновались в Саратовской губернии во времена правления Екатерины II, которая, будучи сама родом из Померании, способствовала переселению своих соотечественников на территорию России. В России они назывались «колонистами».

Мой дед Керн был родом из Прибалтики. Я была едва знакома с ним и почти ничего о нем не знаю. У меня была возможность расспросить о нем бабушку, но все, что касалось Аносовых, интересовало меня больше. Семья Керн была частью моей повседневной жизни, в то время как Аносовы в моем воображении принадлежали к героическому и таинственному миру, миру мечтаний и сожалений.

Бабушка воспитывалась в женской гимназии в Самаре, выпускницы которой становились хорошими хозяйками дома. Она рассказывала нам, что завершила свое образование самостоятельно, уже в замужестве, восполнив пробелы обучения. Она вышла замуж в шестнадцать лет. Это от нее мама унаследовала чувство юмора и дар беспристрастно оценивать свои собственные действия.

Комната бабушки выглядела старомодно. Кровать была покрыта белым пикейным покрывалом с широкой кружевной каймой, связанной крючком, и подушки лежали одна на другой в порядке убывания размера. Последняя, совсем маленькая, называлась «думка».

На столике у изголовья лежали три большие книги: *Библия*, *Подарок молодым домохозяйкам*, поваренная книга, которую бабушке подарили на свадьбу, и *Круг чтения*, составленный Толстым, с выдержками из произведений религиозных писателей и философов для ежедневного чтения.

Как я уже сказала, бабушка взяла на себя все заботы по дому. Она никогда не оставалась без дела. Она вязала нам коричневые шерстяные юбки, отделанные синими фестонами, в которых было очень уютно в морозы. Когда мы болели, она часто спала с нами на большом диване в своей комнате, чтобы удобнее было ухаживать за нами.

Бабушка была настроена мистически. Она думала, что видимый мир и невидимый

общаются непрерывно. Она верила в ангелов хранителей и покровительство умерших родителей. Она говорила: «Детки, надо верить, что кто-то из наших предков усиленно молился, чтобы наши сыновья не пошли на войну». И действительно, насколько я помню, ни одного человека из нашей семьи не взяли на фронт. Во время войны 1914-1918 гг. дядю Николая не мобилизовали. Бабушка повторяла: «Кто-то молился и молится, ибо молитва не умирает».

Она рассказывала нам таинственные семейные истории, в которых передача мыслей на расстояние, предчувствия и предостережения играли важную роль.

Бабушка не слишком далеко продвинулась в своем образовании, но обладала глубокой мудростью. Свое мнение относительно любого события она высказывала обоснованно, уверенно и с неподражаемым остроумием. В каждом случае она знала, что нужно делать. У нее был целый букет принципов, в которые она непогрешимо верила, и их можно было применить при любых обстоятельствах.

Она говорила: «Лучше иметь оплачиваемую работу, чем свой собственный бизнес, это менее рискованно и не приносит в жизнь тревогу и беспокойство. Всегда лучше сидеть за уже накрытым столом, чем самому готовить еду».

«Нужно заставить людей понять, что ты – это нечто важное. Если ты не будешь себя ценить сам, никто этого не будет делать».

«Любят богатых, веселых и счастливых. Если вы бедны, грустны или разочарованы, не показывайте этого. Это не трудно скрыть, достаточно держать проблемы в себе и не жаловаться. Иногда нужно потребовать, но никогда нельзя жаловаться».

«Не нужно откровенничать. Никогда. Ни с кем. Если ты скажешь кому-нибудь то, что хочешь сохранить в тайне, рано или поздно пожалеешь, так как будешь бояться, как бы этот человек не сообщил тому, от кого ты хочешь скрыть, и это повредит вашим отношениям. Если ты думаешь, что никто не ценит тебя, помни, что для себя самого ты самый важный человек в мире. Не позволяй другим подавлять себя».

Я думаю, что у бабушки был пессимистичный взгляд на человечество. Она, несомненно, много страдала в своей жизни.

Супружество было для нее источником тяжелых страданий, и в момент полного смятения она стала думать об уходе от мужа. Она обратилась за советом к матери, и та сказала ей: «Замужняя женщина должна все сносить с терпением и послушанием». Страдать молча, нести все с покорностью – это предписывалось религиозными нормами и правилами поведения женщин в семье моей бабушки, но она не предъявляла тех же

моральных требований к своим детям, так как поддерживала маму во время ее развода.

Бабушка рассказывала нам о нашей тете Жене. Она говорила: «Моей бедной малышке не везло в жизни».

Тетя Женя была намного миниатюрнее мамы, круглолицая, с каштановыми волосами. Она была бодрой и милой, но не имела маминых изящных манер. Она очень добросовестно отучилась в лицее, любила читать и прекрасно играла на фортепиано.

Приходя к нам, она почти все вечера музицировала с папой, который играл на скрипке. Произведения великих композиторов для фортепиано и скрипки сделались частью моих детских воспоминаний. Слушая их, я возвращаюсь в уютную атмосферу нашей гостиной и вспоминаю внимательное лицо тети Жени, склонившейся к клавиатуре.

Тетя Женя стала невестой в восемнадцать лет. Она очень любила своего жениха, ее друга детства. Он был вынужден на два года покинуть Саратов. Они решили вступить в брак по его возвращении, и, ожидая этого времени, часто писали друг другу. В своих письмах молодой человек рассказывал о новых знакомых, и тете Жене казалось, в частности, что он интересовался одной девушкой, с которой часто встречался. Ревнуя, она хотела заставить его думать о себе, в свою очередь, вызвав ревность. Она написала, что близко общалась со своим кузеном Александром Бауэром, и как это было забавно. В дальнейшем это привело к такому разладу в их переписке, что помолвка была расторгнута. С горя тетя Женя заболела. Затем она назло вышла замуж за своего кузена Александра Бауэра, которого не любила. В то время девушки должны были выходить замуж, для них не было никаких других вариантов.

Ее бывший жених не вернулся в Саратов. Прошли годы. Тетя Женя была уже замужем, и у нее была дочка Алиса. В воскресенье она пошла с бабушкой в лютеранскую церковь и случайно села рядом со своим бывшим женихом. Когда тетя Женя узнала его, она побледнела как полотно. Бабушка говорила: «Она стала такой бледной, что я думала, она сейчас упадет в обморок. Бедняжка, она так любила его, бедная девочка. Ее жизнь была разрушена из-за глупого недоразумения. Поверьте мне, девочки, никогда не пишите писем мальчику, которого любите».

Из-за разбитой жизни своей дочери бабушка не любила Александра Бауэра и обвиняла его в том, что тетя Женя круглый год жила в сельской местности, вдали от города. Тетя Женя, казалось, хорошо приспособилась к сельской жизни, я думаю, ей было все равно.

Наше воспитание

начала ходить в детский сад при частной школе Кепке, лучшей в Петрограде. Мы очень любили свою учительницу, которую называли тетя Шура.

Я не знала, что меня записали под фамилией Аносова; на мой взгляд, официально, я была Легран. Однажды тетя Шура сказала, раздавая нам маленькие детские книжки: «А это для девочки, которую зовут Нина Аносова». Я покраснела. Я думала, что нужно скрывать от всех, что меня зовут Аносова, и ответила: «Когда я была маленькой, меня звали Аносова, теперь мама снова вышла замуж, и моя фамилия Легран». – «Твою маму зовут Легран, но ты, ты навсегда останешься Аносовой. Дети всегда носят имя своего отца», – сказала тетя Шура.

Почему мои родители хотели, чтобы меня звали Легран, а в школе сказали, что я – Аносова? Я не понимала.

Тетя Шура, заметив мое состояние, сказала мне, что она очень любит исконно русские фамилии, и моя понравилась ей, потому что это очень древнее великорусское имя, почетное и известное.

Однажды, когда занятия в детском саду и в классе, где училась моя сестра, заканчивались в разное время, мне пришлось сидеть одной в классе и ждать, когда за нами придет гувернантка. Тетя Шура посадила меня за маленький низкий столик с играми и картинками, и сказала, что оставляет меня одну, так как знает – я буду умницей. Спустя некоторое время пришли два школьника постарше и начали шумно играть, запрыгивая на столы, бегая по скамейкам и возясь. Преподаватель из класса этажом ниже пожаловался директору, и тетя Шура сделала мне строгий выговор, полагая, что это я так шумела. Я ничего не ответила. Я знала по своему опыту о невозможности спорить с взрослыми, потому что они всегда все понимают по-своему. В конце концов, выяснилось, что я не виновата.

«Почему ты не сказала, что это не ты?» – спросила тетя Шура. – Когда тебя обвиняют в том, чего ты не делала, нужно объясниться. Нужно защищаться, надо говорить, что ты думаешь». Она поговорила обо мне с родителями и сказала им: «Этот ребенок слишком

послушный, она во всем уступает своим товарищам. Она совсем не умеет защищаться. Если она продолжит быть такой уязвимой, то будет безоружна перед жизнью».

Тетя Шура была очень хорошим педагогом, потому что никогда не упускала случая укрепить мою веру в себя.

Я была очень счастлива в школе Кепке. Я оставалась там только один год. Папины дела пошли хуже, и так как это была очень дорогая школа, я туда больше не вернулась.

Не знаю, почему меня не отправили в другую школу, и мама взялась сама учить меня читать, писать и считать. Этого было явно недостаточно, и я сильно отставала в занятиях.

Нас воспитывали очень строго. Я думаю, так было в большинстве семей Петрограда. Очень рано нам начали прививать «хорошие манеры». Помимо игр на открытом воздухе, никогда нельзя было бегать, никогда нельзя было громко говорить, кричать, проявлять несдержанность, нельзя было никого разглядывать или первыми начинать разговор со старшими, никогда нельзя было делать личные замечания. Не следовало проявлять ни восторга, ни недовольства.

Когда в гостиной были приглашенные, дети должны были появляться следующим образом: войти, держа обе руки соединенными на уровне талии, пройдя несколько шагов вперед, сделать реверанс, придерживая низ юбки обеими руками, и, если им не предлагали остаться, выйти в противоположную дверь, не поворачиваясь к гостям спиной, насколько это возможно.

Один или два раза в месяц у нас устраивали званый обед, на который не допускали детей. В тот день мы обедали с бабушкой на игровом столе в нашей комнате. Бабушка не любила большие приемы, она говорила, что тонкости этикета высшего общества утомляют ее, и она слишком стара, чтобы затягиваться в корсет.

Папа считал, что никто не умел принимать гостей лучше мамы. Она хотела создать у них великолепное впечатление об ее доме. Все должно было быть идеально: цветы располагались так, что не привлекали излишнего внимания и вносили утонченную нотку, сервированный со вкусом стол, быстрое, сдержанное и стильное обслуживание, лучшие вина, уютная и гармоничная атмосфера, ослепительная хозяйка дома и ее дочери, словно сошедшие с картины великого живописца.

В 1912 году сестра Ксения в возрасте двенадцати лет была принята на пансион в Павловский институт благородных девиц, бывший под высочайшим покровительством вдовствующей императрицы Марии Федоровны, и моя кузина Алиса присоединилась к ней в следующем году. Мы навещали Ксению каждое воскресенье. Стоимость обучения была не намного выше, чем в лицее, хотя институт был роскошный как дворец: повсюду зеркала, хрустальные люстры, кованое железо, мрамор. И на стенах залов, которые служили гостиницами, большие портреты царей и цариц династии Романовых.

Ксении там было очень хорошо. В целом, она чувствовала себя свободно во всех ситуациях и всегда находила, что уместно сказать в данный момент. Она была высокой и зрелой для своего возраста. Ее прекрасное лицо было типично русским, у нее были большие серые глаза, светлые и легкие волосы. Она хорошо занималась в классе, играла на фортепиано и обладала красивым голосом. Представляя ее, мама с гордостью говорила: «Это моя старшая дочь».

Ко дню визита вдовствующей императрицы в Павловский институт Ксению выбрали, чтобы прочесть вступление к поэме Пушкина «Медный всадник», которое воскрешает в памяти основание города Петром Великим. Поэма начинается с описания печальных пейзажей пустынных берегов Невы и показывает Петра, погруженного в свои мысли перед несущимися волнами широкой реки, представляющего себе город, который он хочет возвести в этом месте.

И Пушкин добавляет:

Прошло сто лет, и юный град,
Полнощных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво;
Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,
Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхой невод, ныне там,
По оживленным берегам,
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен; корабли
Толпой со всех концов земли
К богатым пристаням стремятся;

В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Темно-зелеными садами
Ее покрылись острова ...

Ксению научили постепенно повышать тон, чтобы к концу отрывка он стал патетическим. К сожалению, волнуясь, она с самого начала взяла слишком пафосный тон и, форсируя его все больше и больше, почти с рыданием произнесла последнюю строфу:

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо как Россия ...

«Кто эта девушка? – спросила вдовствующая императрица. – Кажется, у нее сильное чувство патриотизма», – и велела позвать ее, чтобы поздравить.

Ксения провела в Павловском Институте два года, затем, не желая больше быть интерном, поступила в лицей. Она вернулась из Павловского Института убежденной монархисткой и пламенной православной верующей.

Вечером, перед сном, она долго оставалась перед иконами в своей комнате, стоя на коленях, медленно совершая крестные знамения, низко кланяясь, произнося вполголоса вечерние молитвы. Затем она целовала иконы и падала ниц перед ними. Ксения, как и все дети, надевала длинную и свободную ночную рубашку и со сложенными руками и возведенными к иконам глазами выглядела впечатляюще.

Однажды папа вошел в ее комнату, когда она молилась, и нашел смешным и лицемерным такой способ молитвы, говоря, что молитва идет из глубины души и не требует всей этой театральной постановки. Он был очень недоволен, что Павловский Институт дал Ксении такие обрядовые привычки.

К нам часто приезжала двоюродная сестра папы, тетя Лиля. Мы очень любили ее. Ей было сорок лет. Высокая и стройная, с голубыми глазами и каштановыми волосами она была похожа на папу. По словам мамы, из всех друзей папы она лучше всех понимала его и была наиболее близка ему интеллектуально. Она часто подолгу беседовала с папой на самые разные темы, и их единственное разногласие касалось именно религиозных привычек Ксении.

Тетя Лиля говорила: «Ты не имеешь права вмешиваться в ее духовный мир. Внешнее

выражение ее молитвы, несомненно, соответствует серьезности духовных требований, и ее вечерняя молитва согласуется с обычаями православной Церкви».

«Я не могу допустить, чтобы она разыгрывала спектакль перед самой собой. Я не хочу, чтобы эта манерность приучила ее выставлять напоказ религиозные чувства», – отвечал папа.

Тетя Лиля горячо защищала Ксению. Она говорила, что папа, воспитанный вне каких-либо религиозных традиций, не мог понять, что принадлежность к Церкви это самое ценное, что можно пожелать ребенку, и что нужно предоставить ей полную свободу молиться так, как она того пожелает.

Я считала, что тетя Лиля права, и восхищалась, как правильно она выражает то, что я сама чувствовала, не будучи в состоянии сформулировать. Более того, я думала, что Ксения имела право в своей комнате делать то, что ей хочется. На ее месте, я продолжала бы тайно молиться по-своему, но Ксения была послушна и в дальнейшем просто произносила, как и я, короткие молитвы, стоя на коленях на кровати.

Очень рано став вдовой, тетя Лиля зарабатывала себе на жизнь в качестве преподавателя русской литературы. Она жила одна, но часто оказывала гостеприимство бедным студентам или давала приют кому-нибудь из нуждающихся. Папа говорил ей, что пришло время немного подумать и о себе, но она отвечала, что заниматься собой ей не интересно.

Она очень любила детей. Когда она делала нам подарки, то не довольствовалась покупкой нескольких игрушек, она сама составляла забавные комплекты в зависимости от вкуса каждого из нас. Однажды она дала мне большую деревянную шкатулку, которая закрывалась на ключ. Внутри нее она положила рулоны папиросной бумаги и все необходимое для изготовления искусственных цветов. Бумага была всех цветов, и ее там было столько, что запас казался мне неисчерпаемым. Ни одна игрушка не могла доставить мне большего удовольствия, и я целыми часами делала яркие букеты, имитируя живые цветы или придумывая несуществующие формы.

Когда я начала читать и играть на фортепьяно, выяснилось, что буквы и ноты двоились у меня в глазах. Меня направили к окулисту, и я услышала, как дома говорят: «Бедная девочка, у нее близорукость, как у Аносовых, и, более того, она видит левым глазом хуже, чем правым». Я была довольна, что у меня есть что-то общее с моим отцом. Я

не понимала, почему меня жалеют; в те времена для девушки, необходимость носить очки была равноценна катастрофе.

Когда мне было семь или восемь лет, две молодые мамы кузины приехали в Петроград учиться в университете. Обе они были очень веселые и милые и часто приезжали к нам обедать. Они беседовали с мамой о своей семье и общих друзьях в Саратове. Зная, что они приехали из моего родного города, я была очень внимательна ко всему, что они говорили. Однажды я была поражена разговором, темой которого был Аносов. Я услышала, как мама сказала, что в тот момент, когда она повторно вышла замуж, мой отец Ефим послал папе чек на наше содержание. Он написал папе, что дал распоряжение в своем банке, чтобы ему ежемесячно перечисляли такую же сумму. Это казалось довольно важным. Мама хотела принять деньги, но папа, очень гордый, увидел в этом переводе что-то оскорбительное, и ответил, что, беря на себя заботу о маме, он взял на себя заботу также и о ее детях, и вернул чек. Мама сказала также кузине, что сейчас, в связи с финансовыми трудностями папы, ежемесячные поступления были бы очень полезны для нашего воспитания.

Этот разговор ранил меня прямо в сердце. Значит, у меня отобрали мое личное право жить на средства моего отца, и всем этим я была обязана папе Леграну, ему, кто испытывал денежные затруднения. Все, что было потрачено на меня, было не от моего отца, даже то, что я ела, оплачено другим. Я не могла больше ничего есть, пища вызывала у меня отвращение. Будучи уже худенькой, я становилась скелетом. Пригласили доктора. Меня мучили лекарствами, заставляли есть, лежать после еды. Я не была больна, но, как мне казалось, в то время я ничего больше не хотела от жизни.

Мы должны были быть идеальными, всегда думать о других прежде, чем о себе, не судить родителей, не иметь своего собственного мнения. Наше поведение всегда должно было соответствовать тому, как наши родители представляли себе девочек из хорошей семьи.

Кто-то однажды сказал маме, что мы – хорошо воспитанные девочки, и мама ответила, что это заслуга папы, который вложил много сил в наше образование. Говоря о педагогических усилиях папы, она использовала слово «работать», и это глубоко возмутило меня. Я не хотела быть продуктом труда, я не хотела быть выдрессированной. Я знала, что взрослые ожидали от нас совершенства, которым сами они не обладали, и мне казалось, что мое чувство собственного достоинства требовало противоположного тому, что хотели мне внушить.

Нас никогда не наказывали. Папа имел свое собственное представление о воспитании детей. По его мнению, дети были в состоянии понять то, что им четко и подробно объяснили. Чтобы оградить маму от любых беспокойств, папа сам делал нам внушения, приводя все развернутые аргументы. Относительно себя, я думала, что он не понимал истинных мотивов моих поступков и излишне ругал меня. Чтобы не слышать его, я пыталась думать о чем-то другом, стремясь поскорее преодолеть унижительное чувство того, что не только не имею права оправдаться, но даже не умею это делать.

Когда, наконец, мне позволяли удалиться в свою комнату, успокоившись, я начинала напевать, так как знала, что мама придет сказать мне: «Ты огорчила родителей и поешь, словно ничего не случилось!» Тогда я была удовлетворена, я предвидела, что мама придет и скажет мне эту фразу, всегда одну и ту же. Я была сильнее ее, потому что заставляла ее сделать то, что хотела, это было моим реваншем. Я действительно была невыносима. Теперь я понимаю, что, в сущности, я хотела, чтобы мама сделала мне внушение вместо папы, ей самой легче было бы обратить мое внимание на то, что мне не следовало делать.

Была одна вещь, которую я не понимала в то время: папа всегда думал, что это его обязанность – учить других, как они должны думать и действовать. Много позже мама проговорила, что сразу же после их бракосочетания папа начал поднимать ее до своего интеллектуального уровня. И если нам нравилось перепадала время от времени, ей он читал их каждый вечер. Из-за этой жалкой привычки он потерял многих друзей. Он действительно думал, что служит людям, указывая им на их недостатки. На самом деле, люди просто стали избегать его. Однако хоть это и было трудно, они возвращались повидаться с ним, потому что он был очень добрым и всегда был готов помочь и услужить.

Однажды моя старшая сестра заболела, и доктор прописал ей есть мороженое. Я помню, как все мы были вокруг ее постели, должно быть, ей было плохо, и папа утешал ее, говоря, что ей дадут вкусное мороженое, которое только она одна будет есть. Он взглянул на меня, чтобы увидеть мою реакцию, не завидую ли я из-за того, что не получу мороженого?

Я не была жадной и не особенно любила мороженое, это для меня лично не имело значения, но я не могла перенести такую ситуацию. Я покраснела, глаза наполнились слезами и, когда это заметили, я заплакала. К моему огромному огорчению, все думали, что я плакала, потому что осталась без мороженого. Они думали именно так, поскольку папа произнес нравучение на тему, что зависть это скверный порок, что очень глупо плакать из-за пустяков. Потом последовало утешение: скоро на десерт будет мороженое. Чем

больше он говорил, тем сильнее я плакала от отчаяния и стыда. Я так и не забыла его, тот момент тяжелого как свинец детского горя.

Все, что для меня было трагедией, с Наташи скатывалось, как с гуся вода, она не раздражалась так легко, как я, и была веселым и непосредственным ребенком. Однажды, когда папа сделал ей выговор, она сказала со вздохом, глядя в окно: «Снег идет», – явно с провокационным намерением. Это было естественно, смешно и очаровательно. Все засмеялись и сказали: «Этот ребенок просто очарователен». Что же это такое – обладать очарованием? В любом случае, я знала, что у меня его нет. Я была из тех людей, которые лишены очарования.

Беспокоясь, что от меня скрывали вещи, имеющие ко мне непосредственное отношение, я была настороже и пыталась узнать как можно больше из того, что говорили взрослые. В нашей квартире, где по русскому обычаю все двери широко открыты, а некоторые даже сняты, легко было найти уголок, в котором можно остаться незамеченным и услышать, что говорят в гостиных и угловой комнате. Я не знала слова «подслушивать» и не думала, что это плохо. Я хотела быть в курсе того, что мне казалось совершенно необходимым знать. И таким образом узнала многое, не соответствующее моему возрасту.

Мне было девять лет, когда я услышала, как в маленькой гостиной несколько раз произнесли слово «разорен», и по доверительному тону разговора поняла, что речь идет о моем отце Ефиме. Мамина кузина сказала: «Он занялся бизнесом и рисковал всем своим состоянием, у него ничего больше не осталось, он разорен». Я не знала, что это значило – разорен. Поскольку слово «раз» по-русски напоминает слова разбить, разложение, разделение и все это негативные вещи, то я поняла, что с ним произошло несчастье по его ошибке, но эта ошибка была неизбежна, и он стал жертвой судьбы, и поэтому не приезжал больше повидать нас.

Значительно позже я узнала от мамы, что случилось. После смерти моей бабушки Софьи Аносовой наследство Исаяи Аносова, по достижении совершеннолетия его младшего сына, было разделено между его восемью детьми. Большую часть выделенного ему состояния мой отец вложил в серию инноваций. В то время, когда в России многие мельницы были еще водяными, он построил паровую мельницу. Эта мельница имела успех, и первые годы ее эксплуатации была источником значительной прибыли. Мой отец начал строить эти мельницы в ряде других мест.

Его дело было хорошо задумано, и должно было иметь успех. Но он мечтал о большем, а опыта не хватало. Капитал его был израсходован, он взял кредиты и имел дело с недобросовестными людьми. Две мельницы были проданы на стадии строительства и как всегда в таких случаях с большими убытками. Он получил плохие советы от людей, которым доверял и, в конце концов, разорился. Денег от продажи его имущества, его частного дома в Саратове и остатков наличных средств едва хватило, чтобы покрыть долги.

В Аносовых всегда жил дух авантюризма, но его сдерживало и направляло традиционное устройство семьи. Мой отец, одинокий и слишком молодой, потерпел неудачу.

Новость о катастрофическом разорении моего отца заставило маму вновь посмотреть на себя. Она сказала кузине: «Ты не можешь себе представить, как я жалею, что стала для него злым гением. Я даже помешала ему вернуться в Московский университет, чтобы закончить изучение права, и у него нет никакого диплома. Он мог жениться на благоразумной девушке, которая побуждала бы его закончить учебу. Он поступил бы на государственную службу и сохранил бы свое состояние. Без денег и без диплома жизнь не будет для него легкой».

Я испытывала по отношению к своему отцу очень сложные чувства. Они накатывали на меня волнами, непрерывно. Иногда я внезапно начинала думать о нем. Я обижалась на него за то, что он отдал меня другому. Я по-дурацки говорила себе: «На его месте я боролась бы не на жизнь, а на смерть, но не отдала бы свою маленькую дочку другому». Я думала: «Почему он не придет за мной?» И с гневом и печалью: «Никто не отдает свою дочь другому, а он отдал меня. И теперь другой имеет все права на меня, даже может делать мне бесконечные несправедливые замечания и говорить обидные слова». В те минуты я забывала, что папа был очень добр ко мне, я забывала, как он тревожился, когда я болела, как он жалел меня.

Любопытно, что это душевное состояние было совершенно чуждо моей сестре Ксении. Она никогда не беспокоилась по этому поводу. Дома раз и навсегда было установлено, что папа нас очень любит и не делает различия между нами и своей родной дочерью Наташей, что он считает нас своими дочерьми, и поэтому все хорошо.

Однако можно сказать, что когда мы ходили куда-нибудь вместе – на радость моей кузине и сестрам – у него всегда находились колкости в мой адрес.

Однажды, во время рождественских праздников, мы пошли в цирк. Это был мой первый поход в цирк, и я все находила там прекрасным и волшебным. Но мне не понравился номер со львами. Человек, который казался себе красивым, принимал эффектные позы и щелкал бичом перед львами, а они, рыча, повиновались ему. Мое сочувствие перешло на сторону львов: они были такими сильными, почему они не загрызут этого нелепого дрессировщика? У меня было чувство, что львы смотрели на меня волнующим, почти человеческим взглядом.

Заключительный номер был самым поразительным. Три юные девушки перекручивали свои тела, изгибаясь самым невероятным образом. Кто заставил их это делать? Под какими угрозами они научились этим движениям, которые должны были быть ужасно болезненными и которые они выполняли с натянутой улыбкой? Затем их подняли на карусели с тремя тросами, закрепленной под куполом цирка. Освещение арены уменьшили, направив прожекторы вверх. Тросы заканчивались зубниками. Ухватившись за них ртом, девушки висели в пространстве. Это должно было быть ужасно! Наконечник должен был заполнять рот, давить на язык, их шеи – растягиваться, стремясь порваться, и как у них, должно быть, кружилась голова!

Карусель начала вращаться, и вуаль, закрепленная на их плечах, развевалась. Музыка становилась все тревожнее, затем прекратилась, и слышна была только барабанная дробь. Тогда, словно живые факелы, девушки начали вращаться вокруг своей оси.

Остановите, остановите же. Как это прекратить?... Люди вокруг меня с интересом наблюдали за представлением, сестры и кузина безмятежно восхищались. Из-за трусости я не стала кричать, чтобы они остановились, я была заодно с другими, мы все были соучастниками жестоких махинаций: ради забавы мучили бедных девушек. Я не стала ничего говорить в знак протеста, потому надо мной стали бы еще и насмехаться, а я ненавидела, когда люди надо мной смеялись. «Не следует брать Нину вместе с другими детьми на такие представления, – сказали родители, – она слишком быстро устает. Посмотрите, какая она бледная. Наташа, хоть и намного младше, бодрая и румяная».

Боже мой, сделай, чтобы я забыла. Я не могу жить, зная, что каждый вечер девушки, почти дети, вынуждены зацепляться ртом и вращаться наверху, в пустоте.

Наша Василиса прекрасная

В начале нашего пребывания в Петрограде мы жили на широкую ногу, но затем пришлось отказаться от гувернантки француженки, и за мной и Наташей присматривали бабушка и горничная.

Однажды на прогулке Василиса встретила знакомого человека и остановилась поговорить с ним. Она взяла нас за руки, и мы были вынуждены неподвижно стоять перед человеком, которого я расценила, как простого «мужика».

Вернувшись домой, я пошла к маме жаловаться, что устала долго стоять на одном месте из-за Василисы, которая разговаривала с мужчиной. Я смутно понимала, что неправильно было говорить с этим человеком в то время, когда она занималась с детьми. Мама немедленно позвала Василису и сделала ей строгий выговор. Я присутствовала при этом, но Василиса ни разу не взглянула на меня. Она стояла, опустив глаза, и плакала. Мама закончила словами: «Теперь иди», и Василиса вышла, пряча лицо в передник. Вскоре она вернулась, одетая для выхода на улицу, и с поклоном сказала маме: «Простите меня ради Христа, я не буду больше так делать. Не вспоминайте обо мне плохо. Я всегда буду благодарна Вам за Вашу доброту». Из слов «теперь иди» она поняла, что мама окончательно прогоняет ее, тогда как велели только вернуться к своей работе.

Василиса на меня зла не держала и не упрекнула ни словом. Всегда спокойная, улыбчивая и добрая, она заботилась о нас с одинаково хорошим настроением. Я со своей стороны не могла себе простить, что наябедничала и заставила ее плакать. После этого случая я всеми средствами пыталась показать ей, как сильно люблю ее, держала дверь открытой, когда она несла поднос, и заранее шла в свою комнату, когда знала, что она придет туда наводить порядок.

Однажды ночью у меня было расстройство желудка, и меня вырвало. Комната Василисы была довольно далеко от моей, тем не менее, она услышала и пришла успокоить меня и перестелить постель. Затем она стала готовить мне теплое питье, и я слышала, как она затопила плиту. Все это заняло немного времени, и когда она поила меня, стоя на

коленях перед кроватью, сказала: «Спите спокойно, моя маленькая хозяйюшка, мне уже некогда ложиться, скоро надо растапливать печки». Я видела, какая она сонная и, думая о том, что она будет работать, когда все в доме еще спят, обняла ее, говоря: «Василиса, ты самая хорошая, ты самая красивая в нашем доме». На что она ответила: «Да благословит Вас Бог, хозяйюшка, я только прислуга».

Василиса была высокая, широкоплечая, держалась очень прямо и передвигалась бесшумно, без лишних жестов, словно скользя по паркету. Мама сказала однажды, что у Василисы походка королевы.

Когда мы с ней оставались дома одни, к нам в комнату приходила повариха. Она была лучшей подругой Василисы и поэтому была вхожа к нам. Она была вдовой, молодой и веселой, и между собой мы называли ее «Веселая вдова». Замечательно было оставаться с ними дома. Они весело болтали, предаваясь воспоминаниям, иногда вместе пели популярные песни, которые я старалась запомнить наизусть. У «Веселой вдовы» был чистый вибрирующий голос, я говорила ей, что она поет лучше, чем в Оперном театре, и это всегда смешило ее. Я очень любила эти спокойные и счастливые моменты, и когда звонил входной колокольчик, время, проведенное с ними, всегда казалось мне слишком коротким.

Я спросила Василису про ее детство и узнала ее печальную историю. Она была старшей в большой семье. Отец ее был рабочим. В дни зарплаты он часто возвращался домой пьяным, готовым к ссорам и потехам. Его забавляло, что Василиса боялась его, смотрела на него испуганными глазами. Он хватал ее за нос двумя пальцами и дергал его как колокольчик, приговаривая: «Динь, динь, динь». Нос распухал и краснел. Когда отец возвращался, мать прятала Василису под кроватью, но однажды он поймал ее и свернул ей нос, потекла кровь, нос так и остался немного на сторону. Мама сказала ей: «Тебе нужно уходить из дома, бедная моя девочка, отец, в конце концов, искалечит тебя, и никто не захочет на тебе жениться. Кто возьмет девушку с кривым носом?» И она отдала Василису в прислуги, едва ей исполнилось двенадцать лет.

Я спросила: «Почему мама не защищала тебя?»

– Она ничего не могла сделать. Он был моим отцом. Отец – это хозяин, он имел право делать со мной все, что ему заблагорассудится.

– Василиса, ты ненавидела своего отца?

– Упаси Вас Господь, хозяйюшка, как это можно, ненавидеть своего отца? Это

большой грех. На самом деле, отец не был злым, это вино ударило ему в голову.

– Почему ему позволяли пить?

– Возвращаясь с завода, он покупал водку в винной лавке, выпивал на улице и приходил домой уже пьяным.

Весь день я размышляла о том, что она рассказала мне, а ночью мне приснились кошмары. Громадные и злые мужчины били девочек, таскали их за волосы и выкручивали им носы. На следующий день я спросила Василису, почему ее мама не развелась.

– Как это – развелась? Сочетаются браком в церкви перед Богом, и после этого люди больше не принадлежат себе. Только могила может разлучить мужа и жену.

Когда стало необходимо еще больше сократить наши расходы, Василису и «Веселую вдову» уволили и на их место взяли одну прислугу.

Уход Василисы принес мне много горя. Ее доброжелательное терпение, ее простое благочестие дало мне представление о подлинной реальности веры в Бога, которой, я чувствовала, не хватало в обществе, которому принадлежала моя семья. Василиса была искренней. Она жила по-настоящему. С детской прямолинейностью я делила людей на две группы: на тех, кто действительно жил, и тех, кто просто делал вид, что живет.

Василиса была подлинной, как алмаз и настоящий бриллиант, как цветок, и реальный цветок, а не бумажный. Она первая подготовила меня к радостному принятию позднее восторженных идей молодежи моего времени, молодежи, которая хотела идти в народ, слиться с ним, служить ему, призывая к великодушию и жертвенности.

На фоне моего детства и юности развивалось движение современной мысли, политической и социальной, и благодаря тому, что у меня было время на размышления, я глубоко ощущала, что это имеет отношение ко мне.

Наша религия, наш патриотизм

Мои мама и бабушка были лютеранками, но на лютеранское богослужение ходили редко – они находили его атмосферу слишком холодной и строгой. Зато они любили маленькую часовню православного монастыря недалеко от дома. Эта небольшая часовня вся светилась от горящих перед иконами свечей. Там всегда были люди, которые молились, одни стояли на коленях, другие кланялись, некоторые плакали. Казалось, что все бедствующие в окрестностях стекались к часовне с чудотворным образом Богородицы с Младенцем.

За столиком у входа всегда стояла молодая монахиня, которая продавала свечи, брошюры и маленькие иконы. Строгий монашеский апостольник обрамлял ее круглое, немного детское лицо; когда она улыбалась, на щеках появлялись ямочки, но глаза ее всегда оставались серьезными. Между собой мы называли ее «маленькая монашка с ямочками».

Иногда мы обменивались с ней несколькими словами. Мама хотела знать, почему она сделалась монахиней. Она ответила, что еще ребенком тяжело болела, и мать дала обет отдать ее в монастырь, если она поправится. Таким образом, в четырнадцать лет ее привели в монастырь, где она и осталась. «Разве Вы не были вольны уйти однажды, став взрослой, – спросила ее мама, – разве Вы не хотите узнать жизнь за пределами монастыря?» «С Божьей помощью я смирилась, все возможно через молитву» – сказала монахиня. Она была такой милой и доброжелательной, что мне хотелось обнять ее и сказать ей что-нибудь приятное.

Мне казалось, что мамины вопросы докучали ей, что это было тайной, на раскрытии которой не следовало настаивать, но, тем не менее, она любезно ответила, сказав, что милосердие Божие беспредельно и пути Его неисповедимы.

Летом мы несколько месяцев не заходили в часовню, а когда вернулись, маленькой монашки с ямочками там больше не было. На ее месте сидела другая монахиня, старше и строже. Она сказала нам, что маленькая монахиня с ямочками заболела и умерла.

Ее смерть не опечалила меня. Я думала, что может быть, она была счастлива умереть. Была таинственная гармония между всей ее ангельской личностью, горящими свечами перед иконами, тишиной часовни и тем фактом, что она умерла молодой.

На спинке моей кровати, в изголовье, висела крохотная икона. Это была икона Спасителя, держащего в левой руке открытую книгу и благословляющего правой рукой. Она была частично скрыта искусно выполненным серебряным окладом, а с обратной стороны обтянута красным бархатом. Сколько я себя помнила, я всегда видела эту маленькую иконку в изголовье моей кровати.

В этом году на Пасху среди подарков я нашла икону побольше моей. На ней также был благословляющий Спаситель, но оклад ее был из обычного блестящего металла, и на лице Господа не было такого же выражения. Мне объяснили, что мама с бабушкой купили ее для Наташи, но заметили, что она больше, чем моя. Тогда ее отдали мне, как старшей, а мою отдали Наташе. Действительно, в Наташиных подарках была моя чудесная маленькая икона. Когда ее повесили в изголовье у Наташи, для меня это было поистине горем. В тот момент я думала, что мама и бабушка отдали ее Наташе, потому что она была красивее; теперь я уверена, что все проще, они не могли себе представить, насколько я любила свою икону и как горевала, лишившись ее.

Вечером, стоя на коленях на кровати, отныне я молилась перед новой иконой со смутным чувством вины: она не нравилась мне, и я думала, что не любить икону — это грех.

Ксения и я были крещены в православной церкви, как и мой отец. Бабушка и Наташа были лютеранами, папа – католиком. Поскольку в моей семье были три конфессии, в конечном счете, можно сказать, что не было никакой, и я росла вне какой-либо религиозной традиции. Тем не менее, на меня наложила отпечаток теплая обстановка среды, заполненной русскими обычаями и атмосферой литургических праздников.

Православные обязательно справляли Пасху, поэтому во время Великого поста нас водили к причастию. Таинство покаяния не дается до восьми лет. Дети младше этого возраста причащаются без исповеди, причащают даже новорожденных. Подходя к причастию, надо внутренне повторять молитву, которую читали священник и диакон вместе перед своим причащением и которая начинается словами: «Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос, Сын Бога Живаго, пришедый в мир грешные

спасти, от них же первая есмь аз...» Причащают двумя видами: маленькой ложечкой священник кладет в рот причастникам кусочек хлеба, смоченный в вине. Дьякон, стоящий рядом со священником, перед этим сказал: «Назовите Ваше имя». Тогда я сказала: «Нина», и священник, причащая меня, добавил: «Причащается раба Божия Нина во оставление грехов ее и в жизнь вечную». Быть названной по имени для меня было настолько бесконечно хорошо, как если бы мне дали подарок, только лично мне предназначенный. Меня переполняла радость быть рабой Божией. Вернувшись домой, я с восторгом повторяла: «Раба Божия Нина ...»

Дословно священник сказал: «во оставление *грехов ее*», но я поняла «во оставление *грехов*», как если бы я причащалась для прощения грехов всего мира. В восточной литургии часто упоминается присутствие ангелов, и я так истолковала слова священника: «В присутствии ангелов раба Божия Нина причащается во оставление грехов мира».

Странное дело: слова, которые я понимала неправильно, по-своему, были именно теми, которые больше всего трогали меня. Например, в молитве «Отче наш ...», вместо «да святится Имя Твое», я понимала «да светится Имя Твое». Я видела в своем воображении мягкий и теплый свет Имени, прогоняющий холод и мрак.

Ксении и мне очень нравилось пение в нашей приходской церкви. Но папа решил, что пришло время формировать наш музыкальный вкус, и заставлял нас слушать пение высшего класса. В воскресенье нас взяли на мессу в музыкальную Консерваторию.

Церковь Консерватории больше походила на зал, чем на церковь, в ней пели не в традиционном стиле, а как в опере. По дороге домой папа спросил меня, понравилось ли мне пение, и я ответила, что оно не было красивым. «Как ты можешь так говорить? Хоры были великолепны, и солист пел как соловей». Я просто считала, что не надо петь молитвы, как соловей, но я не знала, почему. К моему изумлению Ксения ответила, что пение было очень красивым.

«Воробушек, – добавил папа, – у тебя еще нет настоящего чувства музыки, ты не понимаешь, что действительно прекрасно. Если бы ты только могла перестать упорствовать и согласилась, что тебе есть чему поучиться!»

Дома я спросила Ксению: «Зачем ты сказала папе, что тебе понравилось пение? Ты прекрасно знаешь, что это неправда».

– Он был доволен, что показал нам Консерваторию и посвятил нам все утро. Он хотел доставить тебе удовольствие, а ты сказала: «Нет, мне это не понравилось». Это не вежливо. Что плохого в такой маленькой неправде?

– Это очень гадкая ложь.

– А ложь во благо, что это такое, по-твоему?

Итак, Ксения полагала, что нужно быть милосердным по отношению к папе. Мне казалось, что я должна быть милосердной только к тем, кто слабее и несчастнее меня. Я слишком заботилась о своем достоинстве, чтобы идти на уступки. Не лучше было бы мне научиться милосердию из вежливости, вместо того чтобы противоречить всем домашним?

Нам объяснили, что Россия – самая большая и самая сильная страна в мире. Достаточно взглянуть на карту полушарий, чтобы увидеть какое огромное место она там занимает: от льдов Белого моря на севере до побережий Черного моря, от туманного Балтийского моря до Тихого океана. Это шестая часть всей обитаемой земли.

Мы гордились, что мы русские. Мы были убеждены, что из всех людей, русский народ самый одаренный, что его язык самый красивый в мире. Нам нравилось сравнивать Россию с героем нашего фольклора, с исполином, богатырем Ильей Муромцем. Парализованный от рождения, он жил, чтобы пробудиться в возрасте сорока лет и обрести сверхчеловеческую силу, «силу, которая не от мира сего». Мы были убеждены, что русский народ, подобно этому богатырю, когда проснется, будет способен на необычайные подвиги.

За полвека Россия сделала гигантские шаги в сторону сокращения своего долгого отставания от Запада, благодаря росту численности населения: если в 1878 году было 96 миллионов жителей, то накануне войны 1914 года в этой огромной стране насчитывалось около 175 миллионов человек.

Стремительно развивалась сеть железных дорог, и по мере ее расширения ежегодно росло число шахт и заводов. Последние реформы облегчали приобретение крестьянами земли, которую они обрабатывали, поэтому неуклонно возрастало сельское хозяйство, и Россия становилась житницей Европы. Во всех регионах были построены хранилища для зерна, которое по закону запрещалось использовать до следующего урожая с тем, чтобы иметь запас в любой неожиданной ситуации.

Императорская семья символизировала для нас величие и мощь России. У нас в комнате была фотография царя, царицы, их четырех дочерей и маленького царевича, мальчика, который страдал от гемофилии.

Говорили, что четыре великие княжны, очень изящные, были исключительно скромными. Они были чуть старше нас, и у каждой из нас была своя любимица. У моей кузины Алисы это была Ольга, старшая, мечтательная, с выдающимися дарованиями, она писала стихи и хорошо играла на фортепьяно. Татьяна, как и я, была второй дочерью, так что я чувствовала больше расположения к ней. О ней говорили, что она практичнее своей старшей сестры, обходительнее и благоразумнее. Иногда я смотрела на ее открытое лицо и думала, что ее родным повезло, что они живут вместе с ней. Любимицей Ксении была Мария, самая веселая из четырех сестер, она была проста в обращении, любила песни и крылатые выражения. Что касается Наташи, она предпочитала Анастасию, младшую, импульсивную и озорную.

Великая княжна Татьяна – воплощение моей мечты, моего идеала. Она обладала всеми качествами, которые недоставало мне и которые мне так хотелось иметь. Она была красива, спокойна, уверена в себе. Я часто искала и не находила правильную форму поведения, а Татьяна была естественна и совершенна.

Дома о нас с Наташей говорили «две *маленькие*»: «нужно погулять с маленькими..., маленькие, ложитесь спать...» Я повиновалась, но была в ярости, что на меня смотрят как на маленькую.

Я думала о том, как в императорской семье говорили: «Татьяна, ты старше Анастасии и можешь пойти спать позже», но Татьяна, всегда добрая и предупредительная, отвечала: «Я могу ложиться спать одновременно с ней, если это доставит ей удовольствие». У Татьяны спрашивали: «Ты хочешь присматривать за младшей сестрой на прогулке?» и Татьяна заботилась о сестре, которая любила ее и была о ней высокого мнения.

Воображая отношения Татьяны с ее семьей, я всего-навсего мысленно воспроизводила те связи, которые хотела бы иметь в своей.

В 1913 году с большой помпой праздновали трехсотлетие царствования династии Романовых. На улицах Петрограда повсюду виднелись портреты императорской семьи на фоне скрещенных флагов и имперской эмблемы – золотого двуглавого орла со скипетром и державой. Во всех храмах отслужили благодарственные молебны, прошли войсковые парады, приемы, были выпущены специальные почтовые марки... Орудийные выстрелы салюта прозвучали на главной военно-морской базе в Кронштадте. Вечером на берегах Невы вспыхнули тысячи тысяч огней фейерверка.

По этому случаю нас повели на патриотическую оперу «Жизнь за царя», в которой говорилось, как старый крестьянин жертвует собой, чтобы сорвать заговор поляков против молодого царя Михаила Романова.

Я видела некоторые оперы и предпочитала среди них русские, такие как «Садко», «Снежная королева», «Князь Игорь» и «Борис Годунов».

Тема последнего произведения – восшествие на престол и смерть; в шестнадцатом веке Борис Годунов, согласно легенде, убил законного наследника, молодого царевича Димитрия, и до конца жизни царя мучили ужасные угрызения совести.

Дома нам объяснили: долгое время считалось, что это Борис убил маленького Димитрия, но позже было доказано, что заговор был организован другим претендентом на трон.

На следующий день после спектакля возник спор между мною, Ксенией и моей кузиной Алисой:

– Как можно продолжать показывать эту оперу, если известно, что это не правда? Это клевета.

– Но опера написана, это прекрасное произведение, нельзя ее просто уничтожить для твоего удовольствия.

– Тогда перед началом нужно говорить: «Дамы и господа, того, что мы покажем вам, никогда не было, это вымысел».

– Это смешно. Борис Годунов умер три века назад, какая ему разница, поверят или нет, что он убил маленького царевича?

– Очень большая разница. Я не хотела бы, чтобы кто-нибудь сказал, даже через сто тысяч лет, что я убила невинного ребенка.

– Замолчи, это очень хорошая опера.

– Нет, это клевета.

– То есть, ты хочешь сказать, что мне нравится клевета и что я дура?

– Да, совершенно верно. Никто не имеет права показывать эту оперу.

– Мама, Нина говорит, что я глупая, потому что я люблю оперу «Борис Годунов»!

– Девочки, не спорьте из-за пустяков!

– Папа, Нина хочет, чтобы запретили «Бориса Годунова».

– Почему?

– Потому что это клевета, это не он убил царевича. Это несправедливо!

– Воробушек, ты не закончишь ни одного дела, если посвятишь себя устранению несправедливостей. Ты слишком категорична. Откуда у тебя эта тенденция все преувеличивать? Во всем есть золотая середина.

Я хотела ответить, что золотая середина это всегда низость, но знала, что меня упрекнут в упрямстве. Я устала сражаться за реабилитацию Бориса Годунова, продолжая думать, что не защищать далее его память от клеветы было малодушием.

Из-за своей тенденции все преувеличивать я реагировала на злые насмешки, потому что обычно насмеваются на счет кого-то другого. Я переносила издевательства над собой, но когда издевались над другими в моем присутствии, я действительно страдала от этого. Я не понимала бесчувственности и беззаботной веселости моей матери, ее непринужденности, доходившей порой до бестактности. Будучи серьезным, замкнутым и впечатлительным ребенком, я судила без снисходительности.

Однажды нам довелось смотреть театральную постановку, которая представляла собой пародию на новоиспеченных богачей. Одним из главных персонажей была внезапно разбогатевшая женщина, вынужденная адаптироваться к жизни в новых для нее социальных условиях. Во время приема в ее чрезмерно роскошном доме, одетая в эффектное платье, делающее смешными ее пышные формы, она допускала большие оплошности, говоря, например, гостям: «Добро пожаловать в мой скромный дворец». Когда подавали угощение, она приглашала на пятичасовой чай, тогда как речь шла о кофе, который пьют с печеньем в четыре часа. Ложки она предлагала брать из ящичка, подобно тому, как угощают конфетами из коробки. На сцене все это приводило в ужас ее семью, а зал взрывался смехом. Мне было жалко бедную женщину, я думала, что жестоко высмеивать ее за то, что она старается выполнить свой долг.

«Решительно, эта бедная девочка ненормальная, – сказала мама, – она не понимает, что это смешно». Говорят ли ненормальному человеку, что он ненормальный? «Воробушек, – добавил папа, – как можно до такой степени не иметь чувства юмора?»

Я смутно чувствовала, что они на стороне сильных и ловких людей, которые всегда знают, что нужно делать, а я была в одиночестве, я была солидарна со всеми неловкими и смешными людьми.

Мама

Как я уже говорила, мама много занималась собой. Она выходила из комнаты безупречно одетая, причесанная и надушенная. По ее мнению, надо следить за каждым своим движением так, как если бы в любой момент кто-то мог вас сфотографировать. Она умела контролировать выражение своего лица, чтобы никакая произвольная гримаса не исказила его черты. Она даже умела контролировать свой взгляд.

«Мама, покажи, как ты делаешь удивленные глаза? а растроганные? а обиженные?» – и выражение ее глаз менялось, хотя не шелохнулся ни один мускул на ее лице.

«Попробуйте говорить и смеяться перед зеркалом», – говорила она нам вновь и вновь. «Если вы сделаете гримасу, которая уродует ваше лицо, вы это увидите. Не следует смеяться, произнося ”о” или ”и”, но всегда – ”а”: ”ха-ха-ха” – это музыкальнее и не искажает рот. Нужно также размышлять, не хмурясь, чтобы не появились глубокие морщины на лбу».

Желание всегда проявлять свое превосходство было ее второй натурой, и поведение ее было совершенно естественно. Уронила платок? Она поднимала его красивым движением: вместо того чтобы наклониться вперед, она слегка сгибала колени и, чуть-чуть повернувшись направо, быстрым и ловким жестом опускала руку.

Она показала нам, как ходить, не двигая бедрами или плечами, не размахивая руками. И чтобы приучить нас держать голову высоко, выпрямив шею, и развить хорошее чувство равновесия, иногда она предлагала нам ходить по квартире с большими словарями на голове. Она также учила нас разговаривать без мимики: например, не кивать головой из стороны в сторону, говоря «нет», или сверху вниз, говоря «да», не сделать гримасу отвращения, если нам что-то неприятно. Выражение лица должно быть не подчеркнутым, а слегка намеченным.

Она говорила: «Я всегда ненавидела уродливое и вульгарное. Совсем маленькой я уже хотела быть красивой и иметь хорошие манеры. Я смотрела вокруг, и когда видела такого человека, пыталась ему подражать. Значительно позже моя свекровь Аносова научила меня одеваться. Платье должно быть простым, оно должно хорошо сидеть. Туалет

не должен быть заметен, женщина, а не туалет, должна быть замечена. При выборе платья, чтобы понять, будет ли оно вам нравиться долго, представьте себе дюжину женщин в таких одинаковых платьях. Если впечатление будет приятным, платье приемлемо. Вы всегда сможете выглядеть еще красивее, когда вы красивы, и менее уродливо, если вы некрасивы. Некоторые некрасивые женщины умеют привлекать внимание и заинтересовывать. Женщина сама делает себя, сама себя создает, принимая стиль, который подходит ей больше всего. Главное – упорно искать то, что дает преимущество».

Одевавшаяся в больших домах моды, впоследствии она была вынуждена ограничить свой бюджет. Тогда маленькая портниха стала работать на нее по-дневно, под ее руководством и делать превосходные туалеты. Она сама управляла примерками: требовалось, чтобы ткань ниспадала естественно и, в целом, производила впечатление элегантно-простоты.

В то время в моде были шляпки с искусственными цветами. Мама не умела шить, но великолепно украшала шляпы, изгибая их по-новому и меняя гарнитуру.

Я помню один из весенних дней, все утро которого она провела, распарывая и переделывая свои прошлогодние шляпки. Она была так довольна результатом, что решила пойти вместе с нами встретить папу. Она тщательно оделась, надела одну из самых красивых шляп, мы надели новые белые стеганые куртки, заново заплели мои косы и пригладили щеткой кудри Наташи.

Увидев папу, мы с Наташей побежали ему навстречу, а мама остановилась, чтобы подождать. Она рассеянно повернула зонтик на плече и посмотрела на нас с улыбкой. Пепельный круг ее зонтика гармонировал с оттенками розового в цветах на шляпке и погружал ее лицо в теплый свет.

Я поняла, что, переделывая свою шляпку и одевая нас, она предусмотрела все: тот самый момент, когда папа увидит ее издали, зонтик, с которым она рассеянно управляется, розовый свет на ее лице. Очаровательный образ молодой красивой мамы, гуляющей с детьми в прекрасный весенний день.

Папа посмотрел на нее с восхищением и сказал: «Я издали заметил такую элегантно-даму, которой могла быть только ты».

Ее дети были необходимы ей, чтобы составить очаровательную картину, центром которой была она, необходимы так же, как этот прекрасный солнечный день, как нежный зеленый фон весенней листвы, как ее прелестная шляпка. Я это поняла. Я не хотела быть

элементом картины, мне было отвратительно, что меня используют для каких бы то ни было целей. В следующий раз, когда мама оденется как принцесса и захочет взять меня на прогулку, я буду осторожна и что-нибудь придумаю.

Путиловские верфи

Мы жили изо дня в день, вероятно, не по средствам. Папа занимался архитектурой совсем нерегулярно. Зимой 1911 года он несколько месяцев был без работы. Мы сократили многое в нашем образе жизни и не без беспокойства говорили о ближайшем будущем.

Папа часто оставался дома в очень плохом настроении, считая на счетах, шагая взад и вперед по диагонали ковра в угловой комнате. Вечером он сочинял на фортепиано грустные мелодии. У него часто болела голова. Дома в таком случае не принимали таблеток, а предпочитали использовать легкий массаж лба и висков. Говорили, что у меня это хорошо получается, и папа звал меня: «Воробушек, иди сюда скорее, меня настигла моя головная боль». Я гасила все лампы кроме той, что на его письменном столе, под зеленым абажуром, вставала позади кресла и слегка массировала ему голову. Иногда он засыпал, тогда я тихонько соскальзывала на пол и ждала, когда он проснется. Мне не было скучно, потому что у меня была привычка погружаться в туманные размышления.

Я принимала близко к сердцу проблемы родителей. По какой-то причине, которую сейчас не могу себе объяснить, я чувствовала себя виноватой, как если бы все эти неприятности были по моей вине. Я также знала, что мама, втайне от папы, заложила свои драгоценности, и я боялась, что он узнает об этом.

В ту зиму папино здоровье доставило нам много беспокойства. У него были проблемы с кровообращением; иногда пальцы его становились белыми и холодными, нужно было энергично растирать их, чтобы снова стала циркулировать кровь. Будучи старше мамы на двадцать пять лет, вступая в брак, он заключил договор о страховании своей жизни в ее пользу, но финансовые трудности вынуждали расторгнуть его, и это сильно беспокоило папу.

Однажды я застала маму врасплох за туалетным столиком, она плакала, расчесывая свои прекрасные волосы. Это был один из немногих случаев, когда я видела, как она плачет. И я сказала себе: «Даже когда она плачет, она не перестает быть красивой». У нее не

покраснел нос, не дрожали губы, слезы появлялись на ресницах и медленно катились по ее щекам... Она сказала мне: «Как было бы хорошо, если бы ты знала, какой он добрый. Он всегда готов последнюю рубашку отдать ради других. Это не его вина, что у него такой несносный характер, что он никогда не хочет быть неправым, что он желает объяснить, что следует сделать. Когда он расстроен и сердит, он говорит обидные вещи. Он думает, что это не имеет последствий, а люди ему этого не прощают».

Папа, по сути, был недалёковидным и оптимистичным. Он рассчитывал на свою звезду, на свое превосходство, на свой талант. В ходе дискуссии он свободно чувствовал себя на территории собеседника и думал, что его точка зрения принята, все, думал он, теперь вернется в нормальное русло.

Он доверял на слово, и очень часто довольствовался устной договоренностью, не требуя подписи, что не однажды сыграло с ним злую шутку. Мама, при всей своей беззаботности и привередливости, обладала практичным взглядом на жизнь, она часто предостерегала его от излишней доверчивости. Но папа предпочитал, по его словам, лучше быть жертвой нескольких махинаций, чем показать людям, что он им не доверяет.

Чтобы предотвратить конфликты, которые не мог не породить его плохой характер, мама никогда не действовала по отношению к папе прямо. Ей удавалось успокоить его полуправдой, маленькими женскими хитростями. Если он был зол на кого-то, она переполнялась его чувствами, с большей силой повторяла те же самые жалобы,... и папа заканчивал словами, что не стоит преувеличивать, что рассматриваемый инцидент, возможно, не так серьезен. Затем она делала вид, что уступает его доводам.

Долгое время мама советовала папе перестать заниматься архитектурой самостоятельно и поискать работу в подчинении, но более стабильную. Она укоряла его в том, что он потерял из виду своих бывших одноклассников, он должен попытаться вновь найти тех, кто способен помочь в сложившейся ситуации. Чтобы выяснить, кто из выпускников Рижского политехнического института из папиного выпуска живет в Петрограде, мама начала просматривать большие адресные книги. Мы целыми вечерами сидели под лампой в маленькой гостиной, словно прилежные школьники, что было весьма необычно. На букву «А» она никого не нашла, на букву «Б» она нашла фамилию бывшего папиного сокурсника, ставшего директором крупного промышленного комплекса. Папа сходил к нему, а затем пригласил его домой.

Благодаря ему, папа стал сотрудничать с группой Путилова, которая владела

крупнейшими в России заводами тяжелого машиностроения и судостроительными верфями на Неве.

С этого момента все, что касалось Путиловских заводов, судостроительных верфей, порта и морского канала Петрограда, стало представлять для нас огромный интерес.

Основатель заводов Путилов обеспечил их быстрое развитие в период строительства сети железных дорог России. Оснащение железных дорог на бескрайних просторах страны требовало огромного количества рельсов, локомотивов, грузовых вагонов. На этом Путилов сделал свое состояние.

Был также морской канал. Порт Петрограда имел огромное значение: через него осуществлялись перевозки за рубеж, в регионы Прибалтики и в Финляндию. Но когда парусные суда были заменены крупнотоннажными пароходами, товары пришлось перегружать в порту острова Кронштадт на небольшие суда, Финский залив между Кронштадтом и Петроградом был не достаточно глубок. Эта перегрузка значительно увеличивала стоимость транспортировки, и порт рисковал потерять свое значение.

Путилов задумал прорыть в море канал, который обеспечит морским судам доступ в порт. Для реализации своего проекта он обратился за субсидиями к правительству. Оно медлило с решением об участии в финансировании работ и колебалось, давать ли принципиальное одобрение. Увлеченный своей идеей, энергичный и горячий Путилов начал раскапывать дно моря за свой счет. Эти огромные работы поглотили весь его наличный капитал и все прибыли от его заводов, он был на грани банкротства. Чтобы продолжить создание канала, он передал свои заводы, которые ранее принадлежали ему одному, в собственность корпорации. Он не увидел окончания своего труда: строительство канала длиной тридцать два километра было завершено лишь в 1883 году, после его смерти.

В 1910 году, опасаясь приближения войны, правительство усилило работу по вооружению и материально-техническому оснащению армии. Оно передало заказ на строительство военных кораблей Путиловским верфям. Старых верфей для этого было недостаточно, планировали установить новые и осуществить разработку их конструкций. Папа давал консультации, затем отвечал за строительство верфей, и, как архитектор группы, отвечал за стабильность их состояния.

Однажды папа присутствовал с группой инженеров при спуске корабля на воду; он оказался рядом с императором, который разговаривал с папой с присущей ему простотой и

спрашивал о деталях конструкции новых судостроительных верфей.

Император был в простом военном мундире, который контрастировал с яркими мундирами офицеров его охраны. Среднего роста, он казался маленьким рядом с великими князьями атлетического телосложения.

Всегда существовала опасность теракта, присутствие поблизости большой толпы рабочих могло тревожить императора, но он оставался очень спокойным и непринужденным, говорил с ними с присущей ему добротой. Энтузиазм рабочих был такой, что службу безопасности оттеснили. Рабочие окружили императора со всех сторон и, в конечном счете, отделили его от его свиты. Обернувшись, он увидел, что оказался один среди рабочих, и мимолетное выражение озабоченности появилось на его лице, но он тут же овладел собой и продолжал говорить спокойно и естественно.

Когда во время благословения корабля запели: «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, даруй победу царю нашему, Николаю Александровичу», рабочие в первых рядах опустились на колени.

Корабль неторопливо соскользнул в сторону моря, а толпа хором запела императорский гимн: «Боже, царя храни...» Вечером папа сказал нам, что в тот момент казалось, что рабочие были готовы отдать свою жизнь за царя, что слова гимна действительно выражают самые глубокие и самые священные чувства народа по отношению к нему.

Папа подчеркнул также изысканную вежливость императора, простую, без какой-либо аффектации и незабываемый взгляд его голубых глаз. Именно в тот вечер я впервые услышала разговор по поводу нерешительного характера императора и часто плохого выбора при назначении его ближайших соратников. «Как жаль, – сказал папа, – что этот обаятельный человек, доброжелательный и мужественный, не обладает силой характера и так мало способен управлять нашей великой страной».

Новое положение папы изменило атмосферу в доме. Он восстановил свою страховку и стал намного веселее и спокойнее. Снова появились мамины украшения, жемчужины в форме капель, свисающие с ее сверкающих сережек, вновь покачивались, когда она поворачивала голову.

Однажды мы всей семьей пошли на верфи, и из экипажа, где мы остались ждать папу, увидели большое оживление, царившее на берегу. Десятки экскаваторов зачерпывали землю из устья Невы и высыпали ее в телеги с лошадьми, на которых ее распределяли по

набережной. Немного в стороне начинала вырисовываться строящаяся главная верфь, она уже была похожа на эскиз, который мы видели на папиной чертежной доске.

На верфи папа был совсем другим человеком. Даже черты его лица казались твердыми и более уверенными. В фуражке, в кителе, застегнутом на все пуговицы, и сапогах у него была военная выправка. Заметив его появление, мастера стекались к нему. Рабочие здоровались с ним с улыбкой на лицах, и он отвечал на их приветствия, называя некоторых по имени. Он давал краткие и точные указания. Дома я не видела у него этого энергичного выражения, этой решительной походки. Со всей очевидностью важная часть его жизни разыгрывалась здесь. Здесь была работа, которую он любил, здесь он мог принимать решения, отказывать, ободрять, диктовать свою волю и чувствовать себя хозяином положения.

Папа любил общаться с рабочими, жалел их и понимал их трудности, он считал русских рабочих исключительно талантливыми, быстро приноравливающимися к работе, которая от них требуется, если потрудиться объяснить ее доступным для них языком и завоевать их доверие. «Вот приходит он из своей деревни, – говорил он, – Петька или Ванька, который никогда ничего не делал, кроме работы в поле или рубки леса. Он смотрит вокруг себя с ошеломленным видом и думает: ”Что я, такой простофиля, буду делать?” И попадает по воле случая в цех металлоконструкций или в столярную мастерскую, или ему поручают работу подсобного рабочего... и через некоторое время мы видим, что этот Ванька или Петька владеет инструментами как квалифицированный рабочий и выполняет работу безукоризненно».

Быстрый промышленный взлет был для нас в новинку, развитие велось в ускоренном темпе. Большинство рабочих было вырвано из привычной среды крестьян, они не сумели приспособиться к городу, и жили в очень плохих условиях. Такое положение с жильем было характерно тогда для всей Европы, но думаю, что в России было еще хуже, чем в других странах. Несколько семей занимали одну комнату, каждая свой угол, спали на двухъярусных кроватях из досок.

Большая часть рабочих были молодыми крестьянами, которые покинули родные места в поисках работы в городе, и как только они находили место для проживания, они привозили своих жен и детей, которых размещали на площади, предназначенной только для одного человека. Эта теснота порождала ссоры и стычки. Мужчин, вернувшихся с работы

усталыми, раздражали дети, и они били их. Часто они болтались на улице, напивались и приходили домой только спать.

Группа Путилова поставила себе целью провести различные работы, в том числе строительство рабочего городка. Папа принял близко к сердцу реализацию этого проекта, и на его чертежной доске можно было видеть большие эскизы городка. Я так часто смотрела на них, что даже могла нарисовать по памяти. Обрамленная деревьями площадь со школой, церковью, торговыми и административными центрами, от этой площади лучами к периферии отходили несколько улиц, пересекаемых широкими кольцевыми аллеями. Дома двухэтажные, с садом, каждый на четыре семьи.

Вечером, когда я шла в угловую комнату пожелать папе спокойной ночи, я видела его склонившимся над чертежной доской. Я знала, как он был счастлив сделать образ жизни рабочих более пригодным для человека, и с каким энтузиазмом он изобретал детали, которые сделали бы их существование менее болезненным.

В то время были уже проведены крупные социальные реформы в пользу рабочего класса. Россия в некотором отношении была впереди других европейских стран: на каждом большом заводе ввели бесплатное медицинское обслуживание, существовала система страхования от несчастных случаев на производстве и бесплатная госпитализация. Все трудовое законодательство пересматривалось, но эти меры были еще недостаточны и, главное, плохо применялись.

Строительство верфи подходило к завершению, когда папу попросили представить проект рабочего городка административному совету. Папа начал с того, что подчеркнул пользу, которую принесет руководству улучшение жизни рабочих: снижение заболеваемости и, соответственно, отсутствия на рабочем месте, увеличение производительности труда в результате уменьшения пьянства, создание благоприятных условий для технического образования молодежи и, следовательно, подготовка квалифицированных рабочих, и т.д. ...

Дирекция поздравила папу с таким замечательным проектом, позволяющим достичь максимальной эффективности наиболее экономичными средствами, но официальное утверждение было отложено на более позднее время. Дело было возложено на комиссию по изучению финансирования проекта, и он, из-за отсутствия средств, был заброшен. Как всегда папа тешил себя иллюзиями, тогда как на самом деле никакого решения принято не было, ничего не было окончательно определено.

Когда в его руки попал балансовый отчет компании, и он увидел, насколько возросли дивиденды акционеров, папа рассердился: «Нужно быть слепцами и безумцами, – сказал он, – чтобы получать столь крупные дивиденды и оставлять рабочих гнить в трущобах». Он пошел «объясняться» в дирекцию. А всякий раз, когда папа решал с кем-либо «объясниться», как заметила мама, это заканчивалось плохо. Мы никогда не узнали, что произошло в тот день в кабинете директора, но после этого объяснения атмосфера стала настолько напряженной, что папа вынужден был уволиться. Таким образом, исчезла надежда на стабильную ситуацию, обеспеченное будущее, жизнь без тревоги за завтрашний день.

На самом деле у папы уже были конфликты с руководством, и отказ от проекта городка только сделал его положение еще более затруднительным.

Мой дядя Николай

о старинной русской примете, если бросить старые башмаки вслед тому, кто собирается сделать важный шаг в жизни, это принесет ему удачу. В итоге, когда мой дядя Николай пошел сдавать последние экзамены по праву, у нас их не осталось: мы бросили вслед ему на лестницу всю старую обувь из дома.

Получив диплом, Николай занялся поисками работы. У него не было предпочтений, но он не хотел, если возможно, проводить весь день в офисе. Папа сказал: «У этой молодежи нет никаких амбиций. Ты потрясающе пассивен». И мама: «Ты должен записаться в коллегию и стать адвокатом. О тебе будут говорить: молодой и блестящий адвокат Николай Керн». На что Николай ответил: «Ты видишь меня адвокатом? Делающим широкие красноречивые жесты и становящимся центром внимания аудитории? Я выглядел бы глупо. Просто удивительно, насколько невыразительно мое лицо». Это было верно. У Николая были слишком светлые ресницы и брови, доверчивая и застенчивая улыбка на открытом круглом и розовом детском лице.

«Наш Коленька слишком хорош, – вздыхала бабушка. – Какую бы карьеру он ни выбрал, пусть так и будет. Бог дал ему все достоинства для преуспевания, а он по-прежнему считает себя менее одаренным, менее значительным, чем другие».

Николаю предложили должность директора отделения банка, Государственного банка, созданного специально для крестьян, которые хотели извлекать доход из своего хозяйства: он предоставлял им долгосрочные кредиты на выгодных условиях. Деятельность этого банка входила в комплекс реформ, имеющих целью улучшить положение крестьян.

Это была независимая и активная работа: нужно было регулярно посещать деревни области, рассказывать крестьянам о преимуществах предложений банка и изучать их заявки на предоставление кредита. Николай согласился с радостью. Агентство располагалось в Семипалатинске в Сибири, в Средней Азии.

Как только он объявил о своем назначении, мы стали искать на карте, где находится город Семипалатинск. Мы были поражены, увидев, как далеко он от Петрограда, более четырех тысяч километров. Бабушка решила ехать с Николаем. В отдаленных провинциях,

по ее словам, молодые люди играли в карты и пьянствовали. Она боялась, что он попадет в плохую компанию, и думала, что это ее долг – сопровождать его и заботиться о нем до тех пор, пока он не женится. Дома это вызвало много дискуссий. Папа очень любил бабушку и хотел, чтобы она оставалась с нами. Он горячился, бабушка плакала, мы жили в атмосфере драмы. «Ты будешь обузой для Николая», – говорил папа бабушке. Но она отвечала: «Я не хочу быть обузой для Николая. Я всегда жила так, чтобы никому не быть обузой, я всегда старалась быть полезной».

Меня поразили эти слова. Значит, бабушка, такая услужливая и такая активная, которая взяла на себя все домашние хлопоты и в трудные времена, когда у нас была только одна прислуга, подчас готовила на кухне и ходила в магазин за покупками, делала все это, потому что не хотела быть никому в тягость. Разве она не чувствовала себя дома? Впервые я смотрела на нее тревожно и вопросительно и думала, что мы мало ее любили.

Когда наступил час отъезда, по старому обычаю все мы сели и немного помолчали, затем перекрестились. Перед их отъездом мама велела прислуге не подметать пол и не прибираться до завтрашнего дня, это было бы плохой приметой и означало бы, что уезжающие больше не вернутся домой.

В поезде несколько пассажиров расположились у окна их купе, и мы только издали могли видеть бледное лицо бабушки, улыбающейся нам сквозь слезы. Мы не сомневались, что больше ее не увидим.

Бабушка и Николай писали регулярно, каждую неделю. Местность им понравилась, люди, по их словам, были очень приветливыми. Они быстро подружились с несколькими семьями, которые с большой добротой заботились о бабушке, когда Николай был в отъезде.

Большинство жителей деревни были русифицированными киргизами монгольской расы, грубыми, но очень гостеприимными и доброжелательными. Приехав в деревню, Николай отправился к «старосте», который выполнял обязанности мэра города. Староста поселил его в избе, предназначенной для официальных гостей, и созвал крестьян региона, чтобы Николай мог поговорить с ними. Вначале очень настороженные, в дальнейшем крестьяне становились доверчивее и делились своими трудностями. Чтобы давать им полезные советы, Николаю пришлось изучать сельскохозяйственные проблемы края, таким образом, он мог судить, на каких условиях будет выгодно выкопать колодец, купить машины или домашний скот, построить склад.

У этих крестьян были довольно странные кулинарные традиции, и они угощали своего постояльца несъедобными блюдами. Однажды Николай попросил на обед жареного цыпленка, полагая, что невозможно плохо приготовить такое простое блюдо. Но его ждало глубокое разочарование, когда он увидел цыпленка, поджаренного вместе с перьями.

Тогда бабушка зимой стала готовить для него блюда и супы, которые замораживала в течение ночи, и они становились кусками льда. В своих разъездах на каждой остановке Николай откалывал кусочек замороженного супа и другой кусочек приготовленного мяса и разогревал их. Ему приносили самовар, и он пил чай.

Папа говорил, что долгие переезды на санях при температуре ниже 40° мороза очень утомительны: ноги, закутанные в шерстяные одеяла и меха, затекают, в то время как лицо обжигает ледяной ветер, и у вас прерывается дыхание. Он описал нам снежные бури, когда путешественники оказываются заблокированными на дороге, потому что впереди не возможно ничего различить, небо и земля сливаются в одном мощном белом вихре. Он думал, что Николай в печальных и неудобных краях, где он остановился, должен сожалеть об огнях и развлечениях города.

Но Николай не жаловался на одиночество и никогда не рассказывал о неудобствах. В своих письмах он говорил, что был счастлив, работа ему нравилась, и он не намерен искать другую работу, как ему советовал папа. Он также говорил, что киргизы были примитивными существами, но правдивыми и честными, и он воодушевлен желанием завоевать их дружбу и доверие.

Мы часто писали бабушке и Николаю. Каждый писал в общей тетради с листочком копировальной бумаги, положенным под страницу, эти копии сохранялись, чтобы можно было увидеть, о чем уже рассказано, и избежать повторения. Один раз в неделю оригиналы отрезали и отправляли. Чаще всех писала Ксения. Она обладала способностью легко и с юмором описывать маленькие повседневные события нашей жизни. Ее письма были маленькими, законченными и регулярными. Что касается меня, у меня был плохой почерк, с большим наклоном, и я делала множество черновиков прежде, чем написать в общей тетради.

«Пиши не только важное, воробушек, – говорил папа, – пиши все, что приходит в голову, это наверняка понравится бабушке». Я была слишком гордой, чтобы писать все подряд, я думала, что бабушке стоит рассказывать только действительно приятные и оригинальные вещи.

Я всегда сталкивалась с одной и той же проблемой: как найти фразы, чтобы точно выразить свои мысли? Как ухитриться написать, не говоря: это глупо, это помпезно, это в высшей степени сентиментально или слишком сухо, это плоско, это нелепо, это лишь смутно отражает то, что я хотела сказать? Я не знала, что это будет одним из мучений моей жизни.

Жорж революционер

Время от времени на нашем домашнем горизонте появлялся странный юноша по имени Жорж. Его отец, папин друг, умер, когда Жорж был еще подростком, и папа периодически помогал ему в различных обстоятельствах.

Уже в школе учителя жаловались на его недисциплинированный характер. В университете он поддался влиянию группы молодых революционеров и участвовал в организации подпольной типографии. При обыске у него дома обнаружили пачки листовок, призывающих рабочих к восстанию; он был арестован, а затем освобожден благодаря вмешательству папы.

Приходя к нам домой, он не обращал никакого внимания ни на моих сестер, ни на меня, его взгляд останавливался на чем-то поверх нас, словно он нас не видел. У него всегда были растрепанные волосы, неопрятная одежда, нескладные манеры. За столом он говорил мало, несмотря на усилия мамы поддержать беседу. После обеда папа запирался вместе с ним в своем рабочем кабинете и держал перед ним длинные речи. Я думала, что он читал ему мораль и что Жорж не обращал внимания на его слова.

Вероятно, папа давал ему деньги, потому что однажды я услышала мамину фразу: «Ты должен сказать ему, что ты сам сейчас в стесненных обстоятельствах, он действительно слишком рассчитывает на тебя». На что папа ответил: «Я надеюсь, после того, что я ему сказал, он изменит свою жизнь. Впрочем, он уже в лучшем расположении духа». Итак, папа твердо верил, что его слова могут заставить собеседников изменить свое мнение.

Возвращаясь домой после полудня, папа брал со столика своего бюро утреннюю почту, он открывал ее прежде, чем шел переодеться. Однажды, читая одно из этих писем, он узнал, что Жорж снова арестован.

Если он думал, что кто-то снова пойдет на поклон и будет ходатайствовать о снисхождении к нему, он ошибался: никто пальцем не пошевелит ради его освобождения. Однако на следующий день доброе сердце папы взяло верх, он попросил приготовить фрак,

который надевал для официальных визитов, и начал всю серию демаршей, которые, как и ожидалось, ни к чему не привели, потому что Жорж был арестован во время революционных выступлений в публичном месте. Папа говорил в его пользу, писал письма, обращался ко всем своим друзьям. Как всегда в трудные моменты можно было рассчитывать на поддержку энергичной тети Лили. Используя свои связи, она добывала информацию, навещая Жоржа в тюрьме, где он находился в предварительном заключении в ожидании суда.

Спустя некоторое время, возвращаясь из лица, я обнаружила Жоржа на лестничной площадке перед дверью нашей квартиры. Он сильно изменился и похудел. На нем было слишком легкое пальто, и он выглядел продрогшим. Я подумала, что он позвонил и ждет, когда ему откроют. Я сделала реверанс и остановилась на площадке, не звоня. Через минуту Жорж сказал: «Позвоним?» – и нажал на кнопку звонка. Я поняла, что он ждал на площадке, оттягивая время, чтобы собраться с духом, и раздосадован, что я раскрыла его маленькую уловку. Горничная открыла дверь и проводила его в гостиную, попросив подождать, потому что папа еще не вернулся. Он ответил: «Я подожду, не хочу никого беспокоить, большое спасибо». Обычно он не разговаривал с прислугой, и мне было ясно, что он чувствовал себя неловко и боялся встретиться с папой лицом к лицу.

Мама не хотела выходить в гостиную, чтобы поздороваться с ним: она не знала, что ему сказать и как вести себя с ним. Она сказала мне: «Это папе удалось устроить его выход».

«Выход откуда?» – «Из тюрьмы. Без папы он был бы еще там».

В тюрьме. Так вот как выглядят люди, которые выходят из тюрьмы: им холодно, они не осмеливаются нажать на звонок, они говорят прислуге: «Большое спасибо».

Я придумывала множество предлогов, чтобы пройти возле гостиной. Жорж стоял, заложив руки за спину, и отсутствующим взглядом смотрел на портреты предков.

Когда папа вернулся домой, Жорж пошел ему навстречу в прихожую и сказал охрипшим голосом: «Я Вам очень благодарен. Я пришел поблагодарить Вас».

«Не будем об этом, дружище, – ответил папа, – но нужно, чтобы в будущем ты был очень внимателен. В следующий раз я ничего не смогу сделать для тебя, твое положение слишком серьезно».

У папы с Жоржем был долгий разговор, слышались папины крики и приглушенный голос Жоржа.

Дольше всего солнечный свет оставался в столовой с окнами на запад, и днем мне разрешали делать в ней уроки, опасаясь, что электрический свет утомляет мои глаза. Поэтому я разместила там с учебником по истории, сделав вид, что читаю, и не пропустила ни слова из того, что говорилось в угловой комнате.

«Значительное улучшение положения рабочих и крестьян, – утверждал папа, – уже достигнуто, и готовятся другие важные реформы. Терроризм сделает позицию правительства более жесткой и создаст атмосферу насилия. Вы проводите политику “чем хуже, тем лучше”, вы боитесь, что, дав народу некоторое удовлетворение через реформы, ослабите свою воинственность. В правительстве есть замечательные люди, вы мешаєте им действовать».

«На несколько замечательных людей, сколько там бездарных бюрократов, получивших места по протекции? Вы справедливый человек, как Вы не видите, что там повсюду коррупция, в правосудии самоуправство, пренебрежение человеческим достоинством?»

Я не улавливала всего, что они говорили, но поняла, что предмет их споров был очень важным и касался нас всех. Мне обязательно нужно было узнать, почему Жоржа посадили в тюрьму. Я думала, что в тюрьму отправляют только воров и убийц.

Папа говорил: «Ты стал жертвой заблуждения, оно воздействует на молодежь идеями самоотречения и бескорыстия, жаждой свободы. Полной свободы не существует, это мечта. Человеческое общество должно вписываться в жесткие рамки, это цена его существования. В реализации свободы есть ступени, и правовая система страны должна проходить их постепенно. Ты и твои друзья не учитываете фактор времени. Вы не видите, что он играет в вашу пользу».

Наступило тяжелое молчание, затем папа снова заговорил: «Тебе нужно немного подумать о себе. Ты пускаешь по ветру свою молодость. У тебя до сих пор нет ни диплома, ни положения».

На этот раз голос Жоржа звучал тверже: «Как можно думать о себе, видя все, что происходит в нашей стране? Я борюсь за свои идеи, а вы говорите мне о моем положении».

Тогда папа сказал печально: «Если бы твой отец был жив, он, конечно, лучше знал бы, что тебе сказать, чем я».

Полиция запретила Жоржу жить в столице, он был отправлен под домашний арест в маленький провинциальный городок. Его последний визит всколыхнул во мне сомнения; если люди рисковали попасть в тюрьму или на каторгу ради смены правительства, то,

возможно, не так уж все прекрасно в России.

Тетя Лиля поддерживала отношения с некоторой частью молодежи русского высшего общества и таким образом была в курсе тревожных слухов об императорской чете. Именно от нее я впервые услышала имя Распутина.

Тетя Лиля никогда не забывала наши дни рождения и праздники, и я помню, что 14 января 1914 года, в день святой Нины, она принесла мне в подарок принадлежности для вышивания и начала вышивку, чтобы показать, как это делается. Сидя на ковре рядом с ее креслом, я сразу же принялась за дело. Я не уловила всего, что говорила тетя Лиля, но поняла, что Распутин это низкая и злонамеренная личность, что императрица заблуждается на его счет и принимает его за святого, тогда как он пагубно влияет на императорскую семью.

Папа говорил: «Я не понимаю отношения высшего русского духовенства, почему они не могут запретить ему изображать монаха». На что тетя Лиля отвечала: «Ты забываешь о положении русской Церкви, в которой владевает Священный Синод».

Когда тетя Лиля заметила, что я сидела возле нее и внимательно слушала ее слова, она положила руку мне на голову, чтобы обратить внимание родителей на мое присутствие, и тему разговора сменили.

Папа был членом политической партии «кадетов», которую обозначали также буквами КД, первыми буквами слов «конституция и демократия». Я думала, что все его друзья имели те же политические взгляды, что и он, потому что они свободно говорили между собой.

Кадеты, чья политическая позиция была самой разумной и реалистичной, были либералами и полагали, что капитализм, свобода предпринимательства и частная инициатива необходимы для быстрого экономического развития нашей страны, а царское самодержавие надо ограничить конституцией, созданной по образцу давно уже существующих в Англии, Голландии и скандинавских странах.

Из всех друзей папы я особенно хорошо помню известного юриста Анатолия Кони. Он вел очень активный образ жизни и не мог уделять много времени нашей семье. Поэтому каждый раз, когда он объявлял о своем визите к нам, это было для нас праздником. У него было массивное лицо, на первый взгляд суровое, живые блестящие глаза, большой рот с тонкими губами.

Кони в течение своей карьеры занимал различные должности в судебном ведомстве.

В России было еще много произвола при рассмотрении уголовных дел. Кони боролся с этим на протяжении всей своей карьеры. Несмотря на многочисленные конфликты с ретроградной тюремной бюрократией, благодаря силе своей личности, он занимал высшие посты в судебной системе. Ему предлагали портфель министра юстиции, но он отказался, не считая возможным тесное сотрудничество с императором.

Кони участвовал в комиссии по пересмотру уголовного и гражданского процессуального кодекса. В рамках этой комиссии он способствовал расширению юрисдикции суда присяжных. Приговор, вынесенный судом присяжных в соответствии с их собственной совестью, смягчал строгость законодательства и вводил в судебное разбирательство точку зрения общественного мнения.

Он говорил убежденно и горячо. Все, о чем бы он ни рассказывал, принимало характер необычайного, становилось живым и увлекательным. Однажды после обеда, когда мы встали из-за стола, мне захотелось тоже пойти в гостиную, но мама велела мне пойти поиграть в своей комнате. Кони попросил ее позволить мне остаться. «Ей будет скучно, – сказала мама, – она не сможет понять, о чем мы говорим». Кони возразил, что, напротив, он полагает, что дети многие вещи понимают гораздо лучше взрослых: «Если вы попросите их объяснить, что они поняли, они не смогут этого сделать, потому что не умеют еще выражать свои мысли, но даже если они не понимают полностью смысл наших слов, когда чувствуют, что они искренни, то какая-то своя собственная правда всплывает в их сознании».

Кони сказал также, что дети подсознательно выносят свою личную оценку всему в мире, который их окружает. Они устанавливают истинную моральную ценность людей, интуитивно чувствуя неуверенность, растерянность и лицемерие, и особенно чувствительны ко всему, что непосредственно, просто и доброжелательно.

Кони лично знал многих известных писателей своего времени. Толстой подарил ему свою дружбу, и он несколько раз останавливался в его доме в Ясной Поляне. Один из романов Толстого «Воскресение» был написан на основе дела, которым занимался Кони. Но его любимым писателем был Чехов, потому что он чувствовал, что в рассказах Чехова все взято из жизни, ничего не придумано ни в силу обстоятельств, ни в качестве повода поговорить. Чехов пользуется словами, как художник своей палитрой. Картина становится шедевром в том свете, который художник проецирует на свою модель, так и рассказы Чехова обретают жизнь погруженными в свет его внутреннего видения. Мы видим их перед своими глазами, именно поэтому они незабываемы.

Позднее, когда Чехов стал и моим любимым писателем, я с восторгом вспоминала, что говорил Кони о его рассказах.

Наш постоялец Артур

После ухода из группы Путилова папа остался без работы, и чтобы не снижать еще больше уровень нашей жизни, мама решила взять жильца. Она переставила бюро папы в бывшую бабушкину комнату, освободив часть угловой комнаты, которая выходила непосредственно в прихожую.

Когда у мамы была хорошая идея, она немедленно вкладывала все силы в ее реализацию. Она просмотрела объявления в газетах и нашла, как ей показалось, подходящее: дирекция скандинавского банка ищет для стажера комнату с пансионом в семье.

Стажер был из Финляндии, шведом по происхождению, очень застенчивым и приятным блондином, приехавшим в Петроград изучать русский язык. Не прошло и месяца, и на него стали смотреть как на члена семьи, принимавшего участие в событиях нашей жизни и рассказывавшего в деталях обо всем, что он делал или собирался делать. Его звали Артур. Так как имя его отца было Отто, мы называли его на русский манер Артур Оттович. Он с большой тщательностью записывал имя человека, с которым его знакомили, и имя его отца, чтобы произносить их правильно.

Уменьшительно-ласкательные имена очаровывали его. Варианты наших имен, которые он слышал впервые, старательно отмечались на страницах его блокнота. Мы попросили его показать их нам, и вот, что мы прочли:

Ксения, Ксана, Ксюша, Ксаночка.

Нина, Ниночка, Нюся, Нинуся.

Наталья, Наташа, Натуся, Тусенька, Наташенька.

Артур был энтузиастом. Он использовал такие слова, как великолепный, сказочный, экстраординарный. Мы прозвали его «Артур Великолепный», именем, достойным короля викингов, и он был похож как раз на короля викингов...

Мы считали его очень смешным. Его ошибки в русском языке, вдумчивая и немного торжественная манера произносить фразы заставляли нас смеяться до слез. Мы всегда находили оправдание своей веселости, чтобы он не заметил, что мы смеемся над ним. Все его забавные выражения мы записывали в тетрадь под названием «Мудрые изречения Артура Великолепного».

Артур Великолепный занял важное место в нашей жизни. В то время папа часто был озабоченным и нервным. Мама скучала без бабушки, с которой прежде никогда не разлучалась. Присутствие Артура разряжало напряженную атмосферу в доме. Он был свидетелем нашей жизни, и все мы, я думаю, ощущали себя участниками спектакля, где мы играли самих себя и изображали перед ним образцовую русскую семью, радушную и сплоченную.

Артур всегда старался сделать что-нибудь полезное и искренне огорчился, когда отказывались от его помощи. Заметив, что вечером в каждой комнате включали электрический свет, он подумал, что сделает нам приятное, если будет ходить и выключать его там, где никого нет. Мы объяснили ему, что специально делали так, чтобы в квартире не оставалось ни одного темного места. Тогда Артур сосчитал лампы, которые горели бесполезно, и вычислил, сколько потрачено денег, на которые можно купить что-то стоящее. «Хорошо освещенная квартира, – ответила мама, – доставляет нам больше удовольствия, чем любая другая стоящая вещь, и, наслаждаясь этим сейчас, мы поступаем правильно». Очевидно, Артур согласился с этой точкой зрения, и проблема стала иной: с наступлением вечера он сам шел включать электричество в прихожей и гостиной.

Каждый день после полудня мама заставляла его читать Толстого или Чехова, исправляла его произношение и переводила на немецкий то, что он не понимал.

Однажды он прочел, как политик, встретив в свете жену одного из своих противников, проявил к ней особую предупредительность и любезность. Артур был очень удивлен: зачем быть любезным с женой своего врага? Не было ли это притворством? И не был ли он слегка ненормальным? Артуру объяснили, что в России мужчины в светском обществе – рыцари и придерживаются определенного благородства в поведении.

– Но Толстой не сказал, что этот человек был благородным.

– Существует благородство сердца и ума, – ответил папа, – это важнее, чем благородное происхождение. Он поступает согласно этому правилу.

– Благородство сердца и ума, – повторил Артур, – это потрясающе. Нужно написать это маме.

В тот же вечер Ксения записала своим красивым бисерным почерком в «Мудрых изречениях Артура Великолепного»: «Благородство сердца и ума – это потрясающе. Нужно написать это маме».

– Русские женщины необыкновенные, – говорил Артур, – у себя дома они одеты и причесаны, как если бы собирались выйти, и в будни, словно в воскресенье.

– Перед кем стараться хорошо выглядеть, как не перед родными? – заметила мама, и Артур нашел это достойным восхищения.

Однажды он сказал нам: «Я рассматриваю возможность жениться на девушке русской национальности».

– Вашей маме это может не понравиться. Берегитесь, Артур Оттович, с русскими женщинами нелегко, они выдумщицы.

– Я уже заметил эту особенность, – сказал тогда Артур чрезвычайно серьезно.

Все эти замечания обогатили тетрадь «Мудрые изречения Артура Великолепного».

По поводу женщин мы рассказали ему анекдот: Святой Петр встречается перед воротами рая группу женщин разных национальностей. Он раздает им анкеты, в которых перечислены главные женские добродетели, и они должны ответить: да или нет. В то время как ее компаньонки добросовестно заполняли анкету, русская женщина одним взмахом пера перечеркнула все добродетели и написала крупными буквами поперек листа одно только слово: «очарование».

– Собираетесь ли вы написать эту историю маме? – спросила Ксения.

– Не думаю.

– Потому что она решит, что русские женщины легкомысленные?

– Нет, она потому будет недовольна, что я слушаю такие анекдоты о великом святом и о рае.

Весной Артур должен был вернуться в Финляндию, а затем снова приехать и провести еще один год в России. Поскольку Петроград был довольно-таки космополитическим городом, мы советовали ему поехать лучше в такие города, как Москва

или Киев, где в большей степени еще живы традиции: там он узнал бы истинное лицо России. Но он сказал, что хочет вернуться в Петроград.

– Вы так любите Петроград?

– Я хочу вернуться не из-за города, а из-за вашей семьи.

Мы все смутились, что не поняли этого сами, и сказали ему, как рады будем его возвращению к нам в следующем году.

И он отправился в Або с намерением вернуться осенью, но осенью 1914 года многие планы были расстроены.

Лето 1914

Обычно на время каникул мы снимали дачу в одном из курортных поселков по железнодорожной линии Хельсинки-Петроград. Летом 1914 года бабушки здесь уже не было, а мама не хотела жить с нами одна в деревне; она нашла уютный семейный пансион, который держали русские, рядом с железнодорожной станцией Антреа.

Антреа – это деревня на берегу реки Вуоксы, широко разливающейся в этом месте. Дальше она сужалась между скал и образовывала водопад Иматра. Парк, окружающий дом, переходил в сосновый и березовый лес. Земля была покрыта вереском, черникой и дикой мятой, то тут, то там выступали гранитные скалы.

Мы отправились туда в начале июня.

Среди постояльцев была дама с двумя детьми. В юности Вера Ивановна училась в Университете. В России женщины получили доступ к высшему образованию сравнительно недавно. Все студентки горячо жаждали приобщиться к культуре, имели большую склонность к авангардным воззрениям и нетрадиционному мышлению. Они усваивали развязные манеры, которые сохраняли порой на всю свою жизнь.

Вера Ивановна имела по всем вопросам категоричные суждения, но ей их прощали, поскольку откровенность ее была обезоруживающей и доброжелательной. Она была высокой и довольно грузной, с волосами, зачесанными назад и завязанными в тяжелый узел. Одевалась она без какой-либо изысканности: женщины, полагала она, слишком много думают о своих туалетах и от этого глупеют.

– Но хорошо одетая женщина выглядит симпатичнее, – сказала мама.

– Зачем хотеть выглядеть лучше, чем ты есть? Все женщины в мире похожи на кукол, механизм которых заведен с детства. Им объяснили, что самая важная для них вещь – удовольствие, и поэтому они кокетничают. Это пошло и смешно, лучше бы им стать немного образованнее и взглянуть на большой мир открытыми глазами.

– Женщина – это красота, доброта и радость жизни. В России мужчины возносят женщину на пьедестал.

– И на высоте этого пьедестала женщина тупеет и делает дураками мужчин.

Вера Ивановна на все имела готовый ответ. Она находила также, что головы людей излишне забиты денежными вопросами. Что хорошего иметь денег больше, чем у других, одеваться лучше, чем другие, лучше питаться? В любом случае невозможно ни пообедать за двоих, ни сидеть на двух стульях.

О воспитании Вера Ивановна говорила, что надо считаться с врожденными склонностями детей и давать им большую свободу в выборе своей профессии. Не следует требовать, чтобы они всегда поступали рационально.

– Короче говоря, – сказала мама, – вы не верите, что можно оказывать влияние на детей, воспитывать их вкус и характер?

– Я думаю, что первейший долг воспитателей – сделать ребенка счастливым. И как вы хотите, чтобы ребенок жил счастливо, если он постоянно вынужден делать противоположное тому, что он хочет делать?

Мама считала эту систему воспитания экстравагантной. Она была убеждена, что дети не знают, что для них хорошо, и они должны это узнать и следовать во всем вкусам своих родителей. Я же думала, что детям Веры Ивановны очень повезло иметь маму, которая так хорошо их понимает.

У Веры Ивановны была пятнадцатилетняя дочь и сын, Сергей, мой ровесник.

Он был рыжеволосым и с веснушками вокруг носа. Его большое преимущество предо мной заключалось в том, что обо всем он имел свое собственное мнение и умел придумывать захватывающие игры. На краю парка мы с ним играли в разведчиков, в робинзонов, в заблудившихся в лесу детей.

В парке Антреа я проживала чудные моменты, когда чувствовала себя свободной и значимой: я была совершенно необходимым персонажем наших игр и старалась играть свою роль отлично.

Иногда мы с Сережей сидели неподвижно и тихо на краю нависшего над рекой утеса, захваченные красотой пейзажа и невыразимым очарованием подлеска, залитого летним солнцем. От сосновой смолы, бересты, вереска и дикой мяты исходило благоухание, мы называли его «Ароматом Заколдованного Леса».

Однажды вечером, сидя на скале, я разглядывала темные ветви сосны, выделявшиеся на фоне голубого неба, такой легкой голубизны, что если долго на него смотреть, то казалось, что оно отдаляется все больше и больше. Косые лучи заходящего солнца одевали камни и деревья в необычный интенсивный цвет. «Это зеленый луч, – сказал Сережа. – Есть люди, которые ни разу в жизни не видели зеленый луч. Другие видели его несколько раз. Тот, кто видел, никогда его не забудет».

Это был равномерный свет без какой-либо реверберации. Цвета делались ярче и живее, стволы сосен стали действительно золотыми, трава приобрела изумрудный оттенок. Под странным светом зеленого луча я впервые узнала все волшебство цвета. Все стало красочным, я жила в цвете, купалась в бесконечном числе оттенков, которые менялись в зависимости от света. Мир прекрасен. Как я могла этого не замечать?

В наших с Сережей беседах часто отражались тревоги взрослых. Мы говорили о войне, неизбежность которой все предчувствовали. Не помню, по какому поводу Сережа сказал мне однажды: «Ты не можешь понять, ты наполовину француженка».

– Вовсе нет, я не француженка.

– Тогда почему твоя фамилия Легран?

– Потому что мама развелась с моим отцом. Наташа – Легран. Ксения и я русские.

– Ваш отец навещает вас?

Я покраснела как кумач. Я никогда ни с кем не разговаривала об этом, настолько тяжело было об этом говорить.

– Нет, он не приходит к нам.

– Он вам пишет?

Спрятав лицо в мох, я сказала, колотя со всей силы кулаками об землю: «Он оставил меня».

Наступило долгое молчание, затем Сережа сказал: «Какие девочки глупые, в один прекрасный день он вернется или напишет вам».

– Нет, он оставил меня.

– Ты повторяешь это, как попугай. Почему ты говоришь: «Он оставил меня?» Ведь вас двое, Ксения и ты?

– Потому что Ксении это безразлично.

Поразмышляв минуту над подходящим к ситуации планом действий, Сережа заявил: «Нужно написать твоему отцу. Может быть, он не пишет тебе, потому что боится, как бы твоя мама не прочла его письмо. Можешь сказать ему, чтобы он отвечал тебе на мой адрес, и тогда никто никогда не узнает, что ты ему пишешь».

Я знала, что мой отец Ефим работал в Императорском банке в Баку, но написать ему было невозможно. Слишком много храбрости требовалось, чтобы тайком сделать такую важную вещь.

Тогда Сережа нашел другое решение: я должна была послать своему отцу весточку с помощью телепатии.

В то время возможность передачи мысли на расстояние активно обсуждалась, и мы часто слышали, как взрослые приводили примеры. Мы были уверены: при таком большом числе случаев ее успешного применения и мне удастся сообщить моему отцу, что я его жду.

Надо было найти простую и легко запоминающуюся фразу и с большой силой концентрировать свою мысль на каждом слове. Фраза была такой: «Нина просит вас приехать повидаться с ней».

Я, Нина, твоя дочь одиннадцати лет, сижу на скале в лесу Антреа, прошу – очень хочу – зову тебя, ты слышишь? Чтобы ты приехал – приезжать – сесть на поезд – долгая поездка – поезд бежит по рельсам – поезд мчится день и ночь ... Увидеть ее – увидеть твою дочь – какой она стала – увидеть своими глазами – ты так давно не видел ее.

Воды реки Вуоксы были неглубокими вдоль берега, и дети могли купаться там совершенно безопасно. Однажды я порезала ступню об осколок бутылки. В первый момент мне было не слишком больно, и я смогла, прихрамывая, добежать до дома. Там как раз был папа, потому что ту неделю он проводил с нами в Антреа. Он отнес меня в нашу маленькую комнату и сам вычистил глубокий порез, полный земли и камешков. «Видишь, – сказал он мне, – никогда не стоит играть в храброго солдатика. Тебе не следовало бежать, я бы сам пришел за тобой».

На протяжении нескольких дней я держала ногу в поднятом положении и чувствовала в ней болезненную пульсацию. Я не оставалась в одиночестве в своей комнате, папа выносил меня в парк или на террасу и устраивал в шезлонге. Мне довелось слышать, как люди в пансионе говорили, что я слишком тяжелая, чтобы носить меня на руках, что я могла бы передвигаться, прыгая на одной ноге и опираясь на мебель. И поэтому однажды

вечером, когда он принес меня в комнату, я сказала ему: «Я слишком тяжелая для тебя». «К счастью я здесь, – ответил он мне, – и могу носить моего маленького раненого воробушка».

Расположившись на шезлонге с поднятой на подушку ногой, я вышивала или читала. Иногда, делая вид, что читаю, слушала, о чем говорили вокруг. Некоторые без всякого уважения критиковали правительство и императорскую семью, и в разговорах часто всплывало имя Распутина. О нем говорили с иронией, а зачастую – с ненавистью. Удивительно, как в глубоко христианской стране Церковь, имеющая в своих рядах подлинно благочестивых и высоко духовных лидеров и монахов, могла позволить такой аморальной, развратной и грубой личности, как Распутин, носить имя Христа и оказывать пагубное влияние на часть высшего общества и, особенно, на императорскую чету? Почему Церковь не отлучила от себя Распутина и ничего не сделала, чтобы положить конец его разрушительному влиянию?

Я спрашивала папу, но не получила удовлетворительного ответа. Я знала по опыту, что когда взрослые решают скрыть что-то от детей, бесполезно на чем-либо настаивать, узнать можно только хитростью или бестактностью. Лишь намного позже я поняла те злополучные обстоятельства, которые позволили свободно проявляться пагубному влиянию Распутина.

Жизнь русской Церкви в синодальный период характеризуется литургическими обрядами, традиционной набожностью и догматическими убеждениями. Она развивалась также в монастырях в интенсивном духовном движении, которое вдохновлялось мистическим опытом отцов-пустынников и приводило «старцев» к подлинной святости. Это движение развивалось параллельно официальной церкви, но не в ее рамках.

В других духовных направлениях общение с Богом происходило экзальтированно, в традициях мистического сектантства. Знахари, юродивые, лжепророки, называющие себя носителями божественных посланий, якобы вдохновленных Святым Духом, пользовались большим авторитетом, как в крестьянской среде, так и среди политиков.

Отсутствие различия подлинной духовной жизни и этих мистических проявлений принимало угрожающие масштабы. Один из этих странных персонажей, хитрый сибирский мужик, наделенный исключительными способностями, успешно проник в окружение императорской четы. Его настоящая фамилия Новых, но ему дали прозвище Распутин, которое он с бравадой сохранил. В начале своего пребывания в Петрограде, Распутин показал себя в выгодном свете, и некоторые высшие должностные лица Церкви приняли

его как замечательного человека. Он выдавал себя за старца, исцеляющего через возложение рук во имя Христа и проповедующего Евангелие. Он уверял, что может вылечить гемофилию и, действительно, маленький царевич всегда чувствовал себя лучше в его присутствии; его приглашали во время кризисов.

Императрица Александра Федоровна знала, что медицина бессильна спасти ее сына; единственный человек, способный облегчить его страдания – это Распутин, который навсегда снискал признание матери.

Будучи очень крупного телосложения, Распутин обладал исключительной мышечной силой, необыкновенным магнетизмом, способностью угадывать мысли, и, не колеблясь, использовал преимущества своей сильной личности. Он вошел в небывало близкие отношения с императорской четой. Встревоженные приближенные императора умоляли его запретить Распутину вход во дворец, но было слишком поздно, он уже приобрел абсолютное влияние на императрицу. Когда некоторые епископы осознали пагубный характер его влияния, было слишком поздно. Церковь была бессильна перед ним, потому что царь, как председатель Священного Синода, в глазах своих подданных обладал непререкаемым авторитетом по всем церковным вопросам. Императрица считала Распутина великим святым, и ее супруг, царь Николай II, никогда не допускал критики старцев.

Епископ Саратовский, Гермоген, заклинал Распутина прекратить все контакты с императорской семьей, но Распутин не придавал этому никакого значения. Тогда епископ предал его анафеме. Результата не пришлось долго ждать: епископ был отстранен от должности и принудительно выслан в отдаленный монастырь.

Развратный образ жизни Распутина был известен всем, но императорская чета отказывалась этому верить, они были убеждены, что это низкая клевета из зависти на безупречного человека.

В сентябре 1911 года было покушение на премьер-министра Столыпина. Столыпин был убит. Это был замечательный государственный деятель, умевший претворять в жизнь свои взгляды. У его преемника не будет той же закалки и не будет силы противостоять Распутину, которому отныне открыт путь в большую политику.

Когда я, прихрамывая, смогла вернуться к нашей скале, там было прекрасно, стояла тишина, и только слегка шелестели ветви деревьев. Камни начинали нагреваться на солнце

и, если прислониться к ним щекой, казалось, что они становились живыми. Тихо струился «Аромат Заколдованного Леса», но я не могла, как прежде, погрузиться в очарование этого места, меня мучила проблема Распутина. Сережа, он, конечно, должен что-то знать. Я спросила: «Сережа, кто такой Распутин?»

– Он выглядит как монах, который претендует на то, чтобы быть посланником Бога, но на самом деле он очень скверный. Некоторые считают его антихристом, другие – дьяволом.

– Но человек не может быть дьяволом.

– Если Распутин может все, он может также притвориться человеком. В любом случае, если это демон, то самый наихудший. Обычно, если на дьявола наложить крестное знамение, он корчится и убегает; Распутин может делать крестное знамение на себе и на других, и от этого с ним ничего не случается. Он может заставить людей делать то, что он хочет. Например, если бы он сказал тебе броситься в реку, тебе бы пришлось повиноваться ему немедленно. Некоторые думают, что его нужно убить, но не будет ли он мертвым еще опаснее, чем живым?

Ужас сковал мое сердце. Если крестное знамение ничего не могло сделать против сил зла, все могло попасть под его власть. Именно поэтому говорили, что императрица во власти Распутина. Тяжесть, обрушившаяся на мою грудь, не давала дышать. Лес стал угрожающим, казалось, деревья придвинулись ко мне, чтобы меня обхватить, внезапно от реки поднялся ледяной холод. Вселенная стала пугающей, и люди, как соломинки, которых злые силы перемешивают по своему желанию. Позже я поняла, что в то краткое мгновение у меня было предчувствие огромной волны мрака, надвигающейся на нас. Во время великих бедствий, последовавших за революцией, я заново почувствую этот страх.

Я больше не пыталась узнать что-нибудь о Распутине, я боялась даже произносить его имя. Мне казалось, что он видел меня и смеялся над моим страхом. Вечером, когда мы с Наташей уходили спать, я боялась встретить его в пустом коридоре или найти сидящим в кресле в нашей комнате, когда я открою дверь. Я думала, что увижу его светящиеся в темноте глаза. И этот взгляд может парализовать нас так же, как страшные змеи в Африке обездвигивают свою добычу, глядя ей в глаза.

Начало войны

В пансионе все ждали воскресное утро: папа приезжал ночным поездом, привозил множество газет и рассказывал, о чем говорят в Петрограде. Международная обстановка становилась тревожной.

Давно было известно, что Германия и Австрия вооружались и готовились к войне. Чтобы противостоять этой опасности, Англия, Франция и Россия, которая уже была союзником Франции, сформировали Антанту.

Германия, стремясь к господству в Европе, в 1914 году воспользовалась трагедией в Сараево, чтобы вовлечь Австрию в войну против Франции и России.

Утром 20 июля мы, как обычно, спустились позавтракать. На столе лежала раскрытая газета, и на первой странице выделялось напечатанное огромными буквами слово: ВОЙНА. Буря, которой так боялись и так надеялись избежать, в конце концов, разразилась: мы были в состоянии войны.

Что такое в действительности война? Я с трудом представляла ее себе. Люди шли бросать снаряды, стрелять, кидать гранаты, чтобы попасть в нежную и уязвимую человеческую плоть, калечить, рвать ударами штыков, причинять ужасные страдания, проливать кровь, убивать друг друга. Я не могла понять, как кто-то может делать это добровольно, без всякого сострадания.

Глаза немецкой девушки, работавшей в пансионе, были красными от слез, потому что ее жених был в немецкой армии. Мальчик восемнадцати лет собирался вступить добровольцем в русскую армию, несмотря на мольбы своей матери. Сережа сказал: «Мне просто повезло, родился я шестью годами раньше, меня бы тоже завербовали».

Война занимала все умы, о ней постоянно говорили. Говорили, что она не могла продолжаться долго, что наши brave солдаты – «наши орлы» – самые стойкие, самые храбрые в мире. Повторяли: «Никогда немцы не войдут в Россию, для народа русская земля священна, никогда наши солдаты не позволят немцам ее топтать».

Я думала о войне, о нашем отъезде, о возвращении в школу, но это беспокоило меня меньше, чем Распутин.

В Петрограде, в нашей столовой висела копия знаменитой картины Рубенса, на которой изображена женщина, срывающая виноградные гроздья. Мама не любила эту картину, находя, что женщина слишком чувственная. «Зачем было рисовать женщину такой полной?» Папа замечал, что уже не надеется заставить маму понять красоту этого произведения искусства.

После нашего возвращения из Антреа мы увидели, что папа снял картину Рубенса, и на ее место прикрепил большую карту Европы. На этой карте маленькими российскими флажками мы отмечали области, уже занятые нашими войсками на территории Австрии. Красная шерстяная нить, натянутая между этими флажками, показывала линию фронта.

Во всех семьях Петрограда в преддверии зимы начали вязать для солдат шерстяные варежки, шапки, носки, и т.д. ... Тетя Лиля, которая активно участвовала в работе Красного Креста, просила нас щипать корпию из старых простыней для военных госпиталей, и у нас с Ксенией всегда были в руках обрезки ткани, которые мы раздергивали на нитки. Говорили, что корпия лучше других средств подходит для перевязки ран.

Создавались многочисленные благотворительные общества для оснащения поездов, направлявшихся к линии фронта, душам. И у бойцов появилась возможность помыться в суровые зимние холода. При выходе из душа солдаты получали чистое белье и одежду, а грязное белье и старая униформа отправлялись в стирку. Со своей стороны, богатые купцы оснащали санитарные поезда полностью за свой счет. Все эти поезда обслуживали добровольцы, мужчины и женщины, в числе которых было много девушек из высшего общества.

В момент начала войны Распутина не было в Петрограде – он находился в своей родной деревне в Сибири, где на него было совершено покушение. Женщина из народа, фанатичная последовательница другого так называемого старца, соперника Распутина, ударила его ножом в живот. Распутин получил очень серьезные ранения.

Его отсутствие в Петрограде ослабило напряженность. Перед лицом войны все сплотились и выполняли свой долг. В Думе все партии вошли в священный союз для защиты страны.

Император назначил своего дядю, великого князя Николая Николаевича, командующим русской армией. Все относились к Николаю Николаевичу с большим уважением. Говорили, что не могло быть лучшего главнокомандующего.

Русские ожидали, что австрийская армия нападет сразу после объявления войны, поэтому ей были противопоставлены все имеющиеся войска, за исключением двух армий, предназначенных для защиты границ от немцев.

Русские войска разгромили австрийцев и отбросили их за Карпаты. Но тем временем немцы вторглись во Францию. Франция и Англия потребовали от России незамедлительно атаковать Германию, чтобы вынудить немцев вывести войска с французского фронта и тем самым уменьшить давление Германии на Францию и Британию.

Тревожный призыв французского и английского правительств побудил Николая II, для которого воинская честь и рыцарский дух были, в хорошем смысле, первостепенны, приказать двум русским армиям форсированным броском переместиться к Восточной Пруссии (хотя у этих армий не было еще даже штабных карт) и продвинуться в том направлении как можно глубже. Это вторжение застало врасплох немецкое командование и вызвало панику в Рейхстаге.

Благодаря высокой эффективности немецкой железнодорожной сети, в течение нескольких дней войска были выведены с Западного фронта и передислоцированы в тыл второй русской армии, которая дальше всех углубилась в Восточную Пруссию. Русская армия была окружена и уничтожена, а ее командующий, генерал Самсонов, покончил с собой. А ведь эта армия состояла из лучших гвардейских частей, которые в мирное время обеспечивали порядок в столице. Их будет катастрофически не хватать в Петрограде, когда там начнутся беспорядки, предшественники революции.

В октябре Турция объявила войну союзникам.

Было очевидно, что исход войны решится на Западном фронте, но для русских, контроль русским флотом Босфора и Дарданелл, а затем взятие Константинополя, были бы крупнейшим реальным признаком победы.

Константинополь, древняя и славная Византия, которая более тысячелетия была центром православия, в древности по-русски называлась «Царьград», она была «царем» всех городов. Освобождение от турецкой оккупации, восстановление на куполе Софийского собора монументального золотого креста, снятого турками в 1453 году, было для нас вековой мечтой. Мы уже представляли себе торжественный, с хвалебными

гимнами, вход нашего царя в храм Святой Софии. Русская корона предстала бы тогда во всей полноте своего религиозного значения.

Немного позже мы с тревогой узнали, что Распутин, исцеленный, возвратился в Петроград и как раньше занял свое место возле императорской четы.

Я – революционерка

Осенью 1914 года я пошла в 6-ой класс. Плохо подготовленная, как уже говорила выше, я испытывала глубокое чувство неполноценности перед своими товарищами. У меня не было друзей, и, считая себя неспособной и глупой, я думала, что это была моя вина, поэтому молчала и краснела от смущения, когда учителя спрашивали меня.

Однажды, на уроке русского языка, мы должны были проанализировать слова стихотворения и назвать другие значения, которые они могут иметь в ином контексте. Неожиданно для всех и, прежде всего для себя, я ответила лучше всех. С этого момента наша учительница часто просила меня дать объяснение текста. Мало-помалу я обнаруживала, что мое отставание в учебе происходит потому, что мысли мои часто рассеиваются и витают далеко от того, что изучают в классе, а вместе с тем я не глупее моих одноклассников и некоторые вещи понимаю даже быстрее их.

Во втором триместре нас начали учить анализировать тему прежде, чем писать сочинение, и составлять план: введение, раскрытие отдельных частей, заключение. Это мне очень нравилось. Композиция делала произведение стройным; определенное с самого начала, оно развивалось как мелодия, которая разворачивалась и прояснялась в конце. У меня были очень хорошие оценки за сочинения, и это немного компенсировало мою неуспеваемость по другим предметам. Я всегда любила читать, и теперь с удовольствием погрузилась в чтение поэзии. Русский язык очень гибкий и особенно хорошо подходит для поэтического выражения, и я часто с восторгом повторяла одну за другой строфы любимых стихотворений.

В нашем классе была девочка по имени Лиза. У нее было несколько плоское с высокими скулами лицо. Движения ее были замедленными. Она немного прихрамывала, что делало ее походку похожей на утиную. Довольно невысокая, она была сильной и энергичной. Однажды в классе заклинило окно, и учительница не могла его открыть. Лиза

встала, ничего не говоря, своей тяжелой походкой приблизилась к окну и открыла его одним движением своих сильных рук.

Лиза была младшей в большой семье. Самые старшие из ее сестер были уже студентками университета и очень рано познакомили ее с проблемами, которые волновали и увлекали молодежь того времени. От нее я узнала смысл слов: человеческое достоинство, свобода слова, социальная справедливость. Эти слова поразили меня в самое сердце, потому что инстинктивно я всегда вставала на сторону бедных, простых, непонятых и униженных. Она познакомила меня со стихами и песнями, которые прославляют терпение и природную доброту русских крестьян и описывают ужасающие условия, в которых они жили:

Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал? ²

Мне вспоминается также стихотворение, которое описывало нищету русской деревни и заканчивалось такими словами:

Мыкать горе, век трудиться,
Нищим умереть...
Вот где нужно бы учиться
Верить и терпеть!³

У Лизы была тетрадка, куда она записывала такие стихи. Некоторые из них были взяты из книг, по которым мы учились в классе, так как цензура позволяла тогда печатать стихи, отражающие отдельные передовые идеи. Другие стихи распространялись только в рукописной форме, например, такие, которые были написаны революционерами в тюрьме или в ссылках. Они были обращены к молодежи нашей страны, призывали ее продолжать борьбу за свободу, и мы чувствовали свою глубокую причастность к упованиям, которые они возлагали на наше поколение.

² Н.А.Некрасов, *Размышления у парадного подъезда*

³ И.С.Никитин, *Ночлег в деревне.*

Поскольку Лиза слегка хромала, она предпочитала не ходить и не бегать на переменах, и я садилась с ней на подоконник больших окон галереи, из которой был вход в классы. Мы часто читали стихи или вместе заучивали их наизусть.

Однажды Лиза спросила меня, были ли мои родители богаты. Я ответила, что ничего не знаю об этом, но, в любом случае, они притворялись, что были. Она также задавала мне другие вопросы: «Что ты делаешь дома? Есть ли у тебя друзья?» Лизе можно было обо всем рассказать, она все понимала и, что было замечательно, я чувствовала, что она спрашивает не из любопытства, а потому, что действительно интересуется мною и принимает близко к сердцу мои трудности. Я сама поймала себя на желании говорить ей вещи, которые никогда не возникли бы в моем сознании, если бы она не была готова их слушать. Дома их сочли бы надуманными, преувеличенными, экзальтированными.

Ученица, которая сидела с Лизой за одной партой, перестала приходить на занятия, и я попросила разрешения пересесть к Лизе. Мы стали неразлучны.

С первых месяцев войны стало очевидно, что огромный расход боеприпасов уже исчерпал резервы, созданные в мирное время. Нужно было срочно восполнить их, но заводов для этого не хватало. Создавались новые заводы для производства оружия, боеприпасов, средств связи. Папа был приглашен для строительства завода электрических кабелей в порту на юге России.

Все произошло очень быстро, в течение нескольких дней контракт был подписан. Папа поехал осматривать порты Азовского и Черного морей, чтобы выбрать местоположение нового завода. Он написал нам, что остановил свой выбор на Мариуполе, портовом городе на Азовском море.

Было решено, что мы с Наташей проведем лето у тети Жени. Послали телеграмму, чтобы она приехала за нами. Она приехала через несколько дней, и мы отправились вместе с ней в ее усадьбу Красный Кут в Самарской области. Мама и Ксения должны были на следующей неделе поехать к папе в Мариуполь.

Я была немного нездорова и не ходила в школу, когда решили ехать в Красный Кут, поэтому я не могла даже ни проститься с классом, ни предупредить Лизу о моем отъезде, так как не знала ее адреса.

За день до нашего отъезда она сама пришла меня навестить. Ничуть не смущаясь, она вошла в дом, энергично пожала мамину руку и объяснила, что, не видя меня в классе, пришла, чтобы принести мне домашнее задание. Я увела ее в свою комнату и сказала ей:

«Лиза, мы уезжаем, мы покидаем Петроград. Может быть, навсегда». Говоря это, я поняла то, что суета перед поездкой не позволяла мне осознать в полной мере: я теряла своего лучшего друга.

Лиза не могла долго оставаться, потому что ее ждали дома. Она не любила нежностей. Прощаясь, она похлопала меня по плечу. Выйдя за дверь, она обернулась ко мне в последний раз, и я поняла, почему ее лицо всегда казалось мне знакомым: она была немного похожа на великую княжну Татьяну.

Лиза произвела у нас дома плохое впечатление. Мама сказала мне: «Разве во всем классе ты не могла найти подругу получше? Она из народа. Ее даже не научили, как делать реверанс, она первая протягивает руку и ходит, как солдат. Ксения приводит домой друзей из нашего круга. Как получилось, что ты не можешь отличить хорошо воспитанных девочек от тех, которые из простой среды?»

Да, это, несомненно, так, мама совершенно права, Лиза из простой среды. Но вот только она лучше всех девочек, которых я знала до нее. У нее есть свое собственное мнение, она умеет слушать, сочувствовать и утешать, и я хотела бы походить на нее.

Путешествие в Красный Кут

Никогда прежде я не ездила далеко и не видела, как устроены русские поезда дальнего следования. Купе предназначались для четырех человек. Они были достаточно просторными, чтобы каждому там было удобно, несмотря на закрепленные верхние места.

В каждом вагоне был свой проводник. Наш был круглолицый, он радостно улыбнулся нам, как бы приглашая нас в свидетели, что для него большое удовольствие обслуживать путешественников. С отеческой заботливостью он помог нам разместиться. «Рад служить», – ответил он на наши благодарности, по-военному беря под козырек.

Наш поезд отправлялся рано. Я озябла от утренней прохлады. Тетя Женя велела мне лечь на одну из верхних полок и накрыла меня пальто. Через окно я видела серые здания, склады, затем маленькие отдельные домики среди огородов и молодых березовых перелесков. Петроград был уже далеко позади.

В те времена поезда в России ходили не особенно быстро. Они словно убаюкивали неторопливым перестуком колес.

Чуть позже проводник пришел установить планшет, который должен был служить нам столом; он наполнил наш чайник кипятком для чая, и мы открыли свои корзинки с едой: завернутые в салфетки, там были восхитительные пирожки, мясные котлеты, баранки, крендели и печенье разных видов. Все это казалось вкуснее, чем дома, в обычной обстановке. Русские всегда берут с собой в дорогу много еды; говорят, что эта древняя привычка возникла во времена, когда путешествия были долгими и непредсказуемыми, и необходимо было на всякий случай запастись провизией.

В тот же вечер мы были в Москве. Наш вагон должны были перевести на другой путь. Поев борща в буфете на вокзале, мы погуляли вдоль поезда, к которому прицепили наш вагон. Люди в немного наигранном оживлении суетились перед отъездом, железнодорожный рабочий постукивал маленьким молоточком по каждому колесу вагона. Паровоз с шипением выбрасывал огромные струи пара, скрывавшие от нас голову поезда.

Сигнал к отправлению давал колокольчик, подвешенный в середине перрона. При первом сигнале колокола люди начинали торопиться; при втором – обниматься, давать последние наставления: «Пишите, не забывайте нас, храни вас Бог». Провожающие отходили от поезда, несколько опоздавших пробегали туда или обратно. При третьем сигнале колокола путешественники делали крестные знамения: «Слава Богу». Взревел отрывистый гудок паровоза, мы ощутили толчок, и вокзальные строения начали медленно отплывать назад. Поехали.

Было уже поздно, и мы легли спать. Пока горел свет, я могла видеть только свое отражение в оконном стекле. Но когда выключили все, кроме маленького ночника, я отодвинула занавески: в лунном свете я различала деревья и поляны, затем поля и холмы, затем снова деревья. Я бодрствовала в одиночестве, лицом к лицу с этой страной, которая раскрывала передо мной сокровенную тайну своей ночной жизни, одновременно грустную и восхитительную. Первые строки нового стихотворения тихо поднимались из глубины сознания. Они запинаясь, меняли ритм и форму, и не определившись еще словами легко разговаривали с ветром, который уносил меня вдаль, как осенний листок, оторванный от родного дерева.

Поезд мчался без остановок на маленьких станциях, слабо освещенных несколькими фонарями, слышался короткий гудок паровоза, вагоны подрагивали на стрелках, затем продолжали свой путь в том же монотонном ритме.

Я не хотела засыпать, чтобы ничего не упустить из этих удивительных моментов, мне было так хорошо, пейзажи за окном были настолько сказочными, настолько полными неведомого значения. Но мне слишком хотелось спать...

Когда я проснулась, солнце стояло уже высоко. Тетя Женя, как всегда, была бодрой и безупречной в своем платье из белого батиста в тонкую серую полоску. Она хлопотала над корзинкой с продуктами, не догадываясь, что я ее вижу. Мне было очень приятно смотреть на нее, и я думала, что если сказать ей: «Тетя Женя, я так люблю тебя, я счастлива, что еду с тобой, в твой дом, где все должно быть таким же свежим и опрятным, как ты», но я была слишком нерешительной. И потом, разве это не смешно и неуместно, говорить о своих чувствах? Так этого и не случилось.

Чайник был уже на столе. В дверь заглянул проводник, чтобы убедиться, что у нас есть все необходимое. Тетя Женя поблагодарила его, и он засмеялся от удовольствия, из вежливости прикрыв рот рукой.

На следующий день мы прибыли в Саратов, в город, где я родилась. Нужно было сойти с поезда и сесть на судно, чтобы переправиться через Волгу. Я заранее радовалась, что увижу ее.

Воистину русская река Волга со своими крупными притоками протянулась более чем на двенадцать тысяч километров, а в среднем течении была шириной в несколько километров. С незапамятных времен она вдохновляла народных поэтов. Воспевая ее свободное и широкое течение, к ней обращались: «Волга, Волга, мать родная...»

В тот день был сильный туман, вокруг ничего нельзя было различить, только низкие и серые волны, бьющиеся о борта нашей лодки. Я была очень разочарована, что не увидела Волгу во всей ее красе.

Наш вагон, переправленный на другой берег, ждал нас у пристани, где мы сошли на берег, и проводник приветствовал нас широким взмахом руки, как старых добрых знакомых.

Наташа начала скучать. Она ходила взад и вперед по коридору, прыгала на одном месте. Наконец, она села у окна и стала барабанить пальцами по доске, которая заменяла нам стол; слушая эти звуки, она представляла себе, что это клавиатура. Имитируя жесты игры на фортепиано, она пела старомодные сентиментальные романсы, над которыми в наше время уже подшучивали: «После нашей первой встречи – у ручья – я постоянно думаю о тебе».

Я удивлялась, что тетя Женя не бранит ее. Она смотрела на нее с улыбкой. Многие пассажиры останавливались у нашей двери, смеялись и аплодировали. И Наташа пела все громче и громче, добавляя аккорды, пробегая пальцами по своей воображаемой клавиатуре. Завершая игру, она подняла взор к потолку, тряхнула локонами, и ее руки замерли в воздухе после финального аккорда.

Откуда взялось глубокое чувство неловкости, которое я испытала, глядя на нее, и почему мне было стыдно за свою сестру? Не знаю. Наташа была милой девочкой, очень живой и непосредственной, ей только что исполнилось восемь лет, и ее импровизация была, конечно, очень забавной и очаровательной.

Мы прибыли в Красный Кут поздно вечером. Нас ждали только на следующее утро, и на вокзале нас никто не встречал. Ночь была темная. Вокруг станции, тускло освещенной уличными фонарями, стояла плотная стена мрака. Когда мы сошли с поезда, начальник станции пришел поприветствовать тетю Женю, и пока они разговаривали, наш поезд, медленно покачиваясь, длинной чередой вагонов проследовал перед нами, затем пошел быстрее и погрузился в ночь. Вскоре вдаль виднелись только два огонька последнего вагона, один красный, другой зеленый.

Несколько минут назад я была еще в поезде и была частью группы пассажиров, которых он вез. Теперь они были далеко. Я же стояла на платформе маленькой незнакомой станции, одна перед лицом своей судьбы. Я была очарована этим неповторимым моментом, не в силах облечь в слова то, что я чувствовала. Потом я заметила, что осталась одна посередине платформы, а тетя Женя и Наташа уже подошли к выходу. Я побежала их догонять.

Начальник вокзала дал экипаж, чтобы нас отвезли домой. Он пахнул кожей, рессоры скрипели, два фонаря освещали желтым светом размокшую дорогу, и брызги воды вылетали из-под копыт лошадей. По сторонам дороги едва различимо виднелись маленькие невысокие дома и ограды садов. «Вот и приехали», – заявила тетя Женя, и экипаж остановился перед высокими воротами. Кучер крикнул: «Эй, люди добрые, открывайте, ваша барыня здесь». Кто-то пробежал по гравию, послышались голоса. Ворота распахнулись, и в глубине аллеи показался большой квадратный дом. За его окнами передвигались маленькие огоньки. Кузина Алиса вихрем сбежала по ступенькам крыльца нам навстречу.

В прихожей, где прислуга зажгла масляные лампы, стоял муж тети Жени, наш дядя Александр, которого я никогда раньше не видела. По рассказам бабушки я представляла его себе более строгим. Это был высокий и стройный человек, с тусклыми темно-русыми волосами, и его бледноватое лицо делало его неприметным. Улыбаясь, он смотрел, как радуется его дочь. Возле него стояла дама. Она протянула нам руку, когда мы сделали реверанс. Это была Ольга, сестра дяди Александра. Она была похожа на брата, и у нее были такие же темно-русые волосы.

Я не видела Алису больше года. Она заметно выросла и казалась старше меня. Она относилась ко мне немного свысока и ее манеры были не такими, как в Петрограде, когда она жила у нас. На следующий день я поняла причину. Отец обожал ее, он любил видеть ее веселой, ловкой и оживленной. И в ответ на его спонтанное желание, она, отчасти вынужденно, играла роль беззаботной и веселой девушки. Алиса и дядя Александр

понимали друг друга с полуслова, с полуулыбки, создавая свой собственный мир для двоих.
И я сразу увидела, что для тети Жени вход в этот мир закрыт.

Дом тети Жени

Красный Кут расположен к востоку от Волги, на границе степи, простирающейся до самого Каспийского моря. Если, выйдя из дома, повернуть направо, придешь к мосту через речку Еруслан, которая впадает в Волгу, в этом месте ширина Еруслана около пятнадцати метров.

На другой стороне реки установлен насос, подающий воду на большие кыргызские огороды. Ночью через открытое окно мы любили слушать ее нежное, успокаивающее журчание.

На следующий день после прибытия мы пошли гулять по степи. Я видела ее впервые и не ожидала, что испытаю такой шок.

Небо над степью было необъятным. Я была знакома, главным образом, с Прибалтикой, с краем озер и лесов Финляндии; никогда еще я не видела небо таким необъятным, таким глубоким.

Возле деревни степь была слегка холмистой, и с вершин холмов открывалась широкая панорама. Степи не было видно ни конца, ни края, горизонт тонул в легкой фиолетовой дымке. Вдали вырисовывались два кургана: могилы вождей кочевых племен, которые ходили по степям прежде, чем в этой местности поселились славяне. Курганы достигали шести метров в высоту. Рассказывали также о стелах, по форме напоминающих человека. Я видела одну, на которой можно было различить очертание лица и округлые контуры глаз. Много веков назад кочевники воздвигли свои стелы, и степь хранила воспоминания об этих давно исчезнувших племенах. То тут, то там груды костей: лошадей или каких-то других животных. Иногда оставался только череп: череп это или странный белый камень? Издали не разберешь.

Местами степь покрыта «ковылем», травой, листья которой с одной стороны зеленые, а с другой серые. При малейшем ветерке по нему пробегают серебристые волны.

В жаркий летний день на фоне тишины слышится легкое стрекотание и жужжание поднимающихся из травы насекомых. Время от времени вдалеке раздается похожий на

короткое рыдание крик птицы. Безлюдное, нескончаемое, берущее за душу одиночество степи.... С чем сравнить то странное чувство, которое охватывает в ней человека: сожаление, мечты, ностальгическое ожидание?

Так же, как у нас дома в Петрограде, в столовой тети Жени была большая карта с линией фронта, отмеченной красной шерстяной ниткой: теперь она проходила далеко позади наших границ, потому что в апреле 1915 года Австрийско-Германские войска атаковали русскую армию, боеприпасы которой, израсходованные в первых сражениях, пополнялись крайне медленно. Сражаясь по большей части штыками, без поддержки артиллерии, молчавшей из-за отсутствия снарядов, русские отступали шаг за шагом в течение всего лета и несли огромные потери.

По словам дяди Александра, каждый миллиметр отступления этой красной нити стоил тысяч русских жизней. И в моем воображении эта нить превращалась в красные кровавые шрамы наших солдат. Я упрекала себя за то, что этим чудесным летом предавалась радостям жизни, не думая об их страданиях.

Мы мало видели дядю Александра. Он уезжал раньше, чем мы просыпались, и проводил день на своих складах с сельскохозяйственными орудиями и техникой. Он был чрезвычайно доброжелателен к нам и очень нас баловал, особенно Наташу, самую младшую, и не знал, что бы придумать, чтобы доставить ей удовольствие.

На одной из его ферм должна была опороситься свиноматка. Наташа с нетерпением ожидала рождения поросят, полагая, что сможет играть с ними. Они появились на свет в тот день, когда, приболев, она оставалась в постели. Она непременно хотела увидеть поросят, она плакала, прятала лицо в подушку, не хотела ничего слышать в утешение... В конце концов, дядя Александр принес одного из новорожденных домой, вымыл его с мылом и, завернув в банное полотенце, дал Наташе. Наташа была разочарована поросенком: он был черный, с продолговатой головой, не был похож на маленьких розовых поросят с картинок в ее книжках и издавал душераздирающие крики.

Ольга была немного старше дяди Александра. Она была странной. Относилась ко всем немного официально и чопорно, смеялась коротким неестественным смехом и редко выходила из своей комнаты. Мы почти никогда не видели ее, кроме как за завтраком, обедом и ужином. Тетя Женя с каждым всегда была в ровном расположении духа, но,

хорошо зная ее, я чувствовала, что Ольга ее раздражала. Я спросила ее, почему Ольга не замужем.

«В молодости она была застенчивой, – ответила тетя Женя, – но ее считали высокомерной. Она вела себя неестественно, и это не нравилось юношам. В кругу наших родных и друзей ее находили скучной и держались от нее подальше. Ей было только двадцать шесть лет, когда я вышла замуж, а о ней уже говорили: старая дева. После смерти родителей Александру и его брату пришлось заботиться о ней. Поскольку ни тот, ни другой не хотел принять ее в свою семью, договорились так: шесть месяцев в году она живет у нас, а остальное время проводит у другого своего брата».

Так была поделена обязанность принимать у себя тетю Ольгу. Бедная «разделенная» тетя Ольга. Как, должно быть, грустно жить в семье, где тебя не любят.

«Ты не очень-то сочувствуй Ольге, – говорила Алиса, – это настоящая змея. Она целыми днями шпионит за нами, чтобы знать, что мы говорим и куда идем». Я и сама много раз замечала, как Ольга, чтобы удовлетворить свое любопытство, использовала детские уловки. Высунувшись в окно, как будто ухаживала за цветами, она смотрела, в какую сторону направляется тетя Женя, если видела, что та вышла на улицу; она подкарауливала почтальона и под предлогом узнать, нет ли для нее писем, старалась выведать, кто пишет письма тете Жене.

Помещение старого склада было переделано под кинотеатр, и один раз в неделю там показывали кино. Ольга ходила на каждый сеанс и на следующий день за завтраком рассказывала нам фильм, который посмотрела. Это были редкие моменты, когда мы видели ее оживленной.

Ольга, по заверениям Алисы, считала себя молодой и неотразимой, она думала, что молодые люди интересовались ею. Я заметила, что действительно, собираясь в кино, она одевалась, как будто шла в город, надевала туфли на высоких каблуках и шла, нарочито покачивая юбкой. Молодые люди из поселка, должно быть, насмеялись над ней, видя, как она проходит мимо.

Раз в месяц я помогала тете Жене и Алисе вытирать пыль и поливать комнатные цветы, расположенные полукругом между канопе и окнами. Там были высокие папоротники и пальмы. Однажды, когда мы занимались этой работой, я увидела тетю Ольгу в галерее: она стояла за дверью в гостиную и тихо смеялась, слушая наш разговор, но не

решалась войти. Позже для меня стало очевидным, что не из-за тети Жени, а из-за Алисы, которую она побаивалась, Ольга вела себя так холодно и отчужденно.

Один раз я увидела Ольгу через приоткрытую дверь ее комнаты, облокотившуюся на подоконник: она выглянула наружу. Однако в этой части сада она могла видеть только лужайку, несколько деревьев, и, дальше, ограду сада. О чем же могла думать Ольга, глядя туда, где ничего не было видно? Нужно ли было ей всю жизнь быть обузой для тети Жени? Была ли у нее когда-нибудь возможность выйти из своего одиночества? Меня пугала перспектива стать такой, как тетя Ольга, если никто не захочет на мне жениться.

В зависимости судьбы девушки от того, какое впечатление она производит на юношей, было что-то чрезвычайно неприятное. Неужели только такая альтернатива: выйти замуж или стать несносной «старой девой»? Мы с Алисой обсуждали этот вопрос. Мы сравнивали свои лица в зеркале: были ли мы красивыми? Алиса находила себя симпатичной, но ее ресницы и брови казались ей слишком светлыми. «Я хотела бы, – говорила она, – иметь глаза такого же цвета, как у тебя, и твои черные ресницы. У тебя, за твоими очками, их даже не разглядеть». Что касается меня, кончик моего носа казался мне слишком округлым, а лоб слишком высоким. Тем не менее, я находила себя очень симпатичной. Я улыбнулась своему отражению в зеркале и подумала, что если бы у меня была подруга с таким лицом, наверняка бы она мне очень нравилась.

Школа в степи

В десяти километрах от Красного Кута находилось слесарное ремесленное профессиональное училище, созданное в рамках новых социальных реформ.

Его директором был друг семьи тети Жени, его называли уменьшительным производным от имени Константин: Костя. Говорили, что Костя был идеалистом. Это слово тогда в России применялось к человеку, полному энтузиазма, посвящающему себя высоким идеалам, а не так, как на западе, где оно было синонимом нереалистичного, утопического.

Косте было тридцать лет, он был страстно привязан к школе, которой руководил, ко всей сельской молодежи.

О своих учениках он мог разговаривать бесконечно. Он говорил нам, что у них сильное стремление учиться, и некоторые наделены истинным талантом к рисованию и художественному творчеству. Мы расспрашивали его об училище, и он пригласил нас туда на праздник в честь Святого Иоанна Крестителя.

Во времена, когда Россия была еще языческой, и ее жители поклонялись силам природы, грому, ветру, солнцу, было два праздника в честь солнца: зимнее солнцестояние и летнее солнцестояние. Христианская Россия на время зимнего солнцестояния перенесла празднование Рождества Иисуса Христа, Света мира. Что касается летнего солнцестояния, после которого дни будут становиться короче, была традиция устраивать празднование ночью, с кострами на открытом воздухе; вокруг них плясали, прыгали через огонь, плели венки из цветов и пускали их по воде... Этот праздник слился с праздником рождества Иоанна Крестителя. Свет, который убывает, перекликается со словами Предтечи: «Ему должно расти, а мне умяляться». И языческое празднование обогатилось христианскими элементами, перешедшими в русский фольклор.

24 июня 1915 года после полудня экипаж тети Жени с упряжкой из двух сильных лошадей вез нас по дороге через степь к ремесленному училищу. Мы издали увидели школьные строения, группы деревьев, белую ограду.

В школе учились мальчики от двенадцати до семнадцати лет. Они носили русские рубашки с застежкой сбоку и серые полотняные брюки. Костя показал нам мастерские, кузницу, класс для рисования. Под конец, с гордостью и счастливой улыбкой, он привел нас в комнату, которую назвал своим «музеем», где было представлено множество работ его учеников. Мы увидели там ключи с кольцами искусной чеканки, дубовые сундуки с тонко выполненными металлическими коваными деталями. Преобладал русский стиль: короткие завитки, стилизованные петухи и олени, резьба в форме сердца или листка клевера, круглые цветочки с четырьмя или пятью лепестками...

Солнце стояло низко над горизонтом, когда мы покинули школу, чтобы присоединиться к ученикам в степи. Они уже начали складывать охапки сухой травы, хворост и ветви, чтобы разжечь огонь. Пламя поднималось прямо и ясно в неподвижном воздухе.

Затем пекли на углях молодые початки кукурузы. Надо было сбить язычки пламени палкой, чтобы остались пышущие жаром угли, на которые клали початки. Когда они были готовы, их брали клещами и окунали в ведро с холодной соленой водой, чтобы они немного остыли и просолились. Раздавали их завернутыми в листья клена. Было очень вкусно.

Опустилась совершенно непроглядная ночь. Мы сидели в траве вокруг костра. Фантастические и подвижные блики света озаряли наши лица и придавали им непривычное выражение. За пределами освещенного круга мы чувствовали незримое присутствие степи.

«У нас с вами есть соловей, – сказал Костя, положив руку на плечо мальчика и слегка подталкивая его вперед, — Степа, мальчик мой, покажи нам, как могут петь слесари, постарайся в честь наших гостей». Степа был невысоким хрупким белокурым мальчиком, он улыбнулся смущенно, скривив рот на сторону. Он сделал шаг вперед, закрыл глаза и глубоко вздохнул. Все замолчали. И тогда в тишине ночи зазвучал кристально чистый голос. В начале тихий, он мало-помалу обретал уверенность. Степа пел песню «На Волге». В этой песне, как и во многих русских мелодиях, есть несколько изменений тона, от мажорного к минорному и обратно, что придает ей совершенно особое ностальгическое очарование. Хор негромко сопровождал его пение, чтобы не заглушать голос Степы и позволить ему во всей полноте и широте подняться к концу песни.

Затем они пели на два голоса старинную русскую легенду, потом бравурный мотив, в котором солист запекает первую строку куплета, затем подхватывает хор. Варьируя, молодые голоса, сильные и свободные, поднимались в тишине ночи вокруг затухающего огня.

«Вот талант русского народа, – сказал Костя, – они никогда не изучали сольфеджио, не знают нот, но глубоко чувствуют мелодию и ритм. Когда они поют на два голоса, они не знают, что второй голос должен быть сдвинут на терцию, они слышали это и делают инстинктивно. Вы заметили, что в последней песне хор никогда не повторялся? Это импровизация, они любят импровизировать в пении».

Спасибо, тетя Женя, без тебя я никогда бы не узнала, что есть так много красоты в мире; я слушала бы музыку только в официальных рамках концертов и опер или в уютной атмосфере салонов.

Я никогда не вкусила бы радости сидеть на земле возле костра, разведенного в степи, и с наслаждением есть сочную кукурузу с легким привкусом дыма. Я не знала бы, как поют, когда просто счастливы петь, не услышала бы Костю, с заразительным энтузиазмом рассказывающего о русских крестьянах.

Когда я снова увидела Костю, то спросила его, много ли было профессиональных школ такого рода. Он сказал, что возможность их создания появилась недавно, в рамках осуществления реформ, но число их стремительно растет.

Костя также сказал, что ускоренными темпами открываются начальные школы, и вскоре все новое поколение крестьян будет уметь читать и писать. Но не хватает хороших учителей, способных поднять интеллектуальный уровень детей и сориентировать самых одаренных на дальнейшее обучение, доступное для детей из бедных семей благодаря предоставлению стипендий и других льгот, которые им давали.

Я спросила Костю: «Могу ли я стать сельской учительницей?»

«Конечно, – ответил он, – но это суровая и тяжелая жизнь. Придется справляться с дискомфортом, одиночеством, изоляцией. Нужно быть сильной, иметь хорошее здоровье и крепкие нервы, чтобы противостоять этой жизни».

Жизнь в Красном Куте

Вечером, раздеваясь, я с грустью посмотрела на свои тонкие руки и решила, что если я хочу стать учительницей, то первое, что нужно сделать, это потолстеть. У меня никогда не было хорошего аппетита, но теперь я стала обжорой. Тетя Женя объясняла это хорошим влиянием деревенского воздуха и специально для меня делала самые питательные блюда. Не зная меры, я переела пирожков и в результате кишечного воспаления две недели провела в постели.

Ослабленная строгой диетой, я зачастую дремала в светлой комнате с окном, выходящим в сад. Остальное время проводила за чтением.

Мое первое знакомство с русской литературой состоялось через произведения писателей, принадлежащих к движению XIX века, которое называлось «народничество». Эти писатели изображали традиционную русскую жизнь с ее фольклором и этикой. В их произведениях повсюду присутствовала природа: спокойные и широкие реки России и Сибири, высокие горы, непроходимые леса и бескрайние степи до самого горизонта. Они любили описывать тяжелую жизнь и мужество старообрядцев, преследуемых, но непоколебимых в своей вере, постоянство их обычаев, строгость их семейного уклада. В этой среде лучше всего сохранились подлинные традиции русской провинции, что объясняет пристрастие писателей-народников к этой теме.

В доме была библиотека с произведениями почти всех известных русских писателей. Тетя Женя восхищалась культурным сообществом столицы, но в действительности, если говорить о людях, которых я знала в Петрограде, она читала намного больше, чем они. Из литературных журналов, которые получала, она была в курсе всех новинок. Она говорила, что зимой чтение было ее главным развлечением, и рассказывала нам о радости, которую испытываешь, открывая посылку с книгами, пришедшими по почте. Друзья обменивались между собой книгами. Направляясь к друзьям, она брала сумку с книгами и пару легкой обуви, чтобы переобуться, придя в дом.

Один раз в месяц на главной площади устраивали большой базар. В тот день было

очень шумно, к площади стекались толпы людей, улицы Красного Кута оживали.

В больших телегах с сильными лошадьми из окрестных мест приезжали немецкие поселенцы. Приняв важный вид, они держались очень серьезно. Их женщины стояли с прямой спиной и не улыбались. На голове они носили черные соломенные шляпы, а не платки, как наши крестьянки. Девушки заплетали волосы короной. Рядом с немецкими поселенцами, русские крестьяне казались спокойными и добродушными.

Со своих больших огородов приезжали киргизы. С гладкими и широкими монгольскими лицами, всегда радостные, они выглядели большими детьми.

Верблюды, нагруженные огромными тюками, шли за своим проводником с видом оскорбленного величия, высоко и прямо держа головы, пренебрежительно свесив нижнюю губу. С окрестных садов и огородов привозили множество разных овощей и фруктов. Яблоки продавали из больших корзин, огурцы из бочек, арбузы с тачек.

В сезон созревания вишни мы с домашними пошли собрать ее для варенья в вишневый сад, где можно было выбрать любое дерево. Платили на выходе за ведро собранных ягод, в саду можно было есть бесплатно сколько угодно. Множество женщин и детей хлопотало в огромном вишневом саду, встречались друзья, знакомые, окликались друг друга с высоты деревьев или лестниц. Сбор вишни был похож на живописный праздник.

К концу лета разные сорта яблок и груш укладывали слоями в корзины. Это целое искусство знать, в какое время какой сорт собирать, чтобы фрукты дозревали в течение зимы. Выше всего убирали корзины, которые не трогали до Рождества.

Еще солили огурцы. Они должны были быть ярко зеленого цвета и длиной меньше десяти сантиметров. Потом наступало время белых грибов, которые мариновали совсем маленькими, когда их круглая шляпка еще плотно прилегала к ножке.

Вся эта работа и сельские обычаи были полны для меня новым очарованием, и я была счастлива, что мне позволяют участвовать в них. Мне бесконечно нравилась эта жизнь в стабильном упорядоченном ритме. Я не понимала Алису, которая мечтала только об оживленности больших городов и считала жизнь в деревне унылой.

Тетя Женя проводила все свое время с нами. Теперь я понимаю, что она постоянно заботилась, чтобы сделать наше пребывание у нее приятным и веселым. Она вела себя с нами не как взрослый человек, а скорее, как подруга нашего возраста. В остальное время она всегда была занята другими людьми, и казалось, что она никогда не думает о себе, словно своя собственная жизнь ей безразлична. Она была прекрасной хозяйкой дома, всегда в хорошем расположении духа, внимательная к малейшему желанию друзей и

родственников. Если кому-то не нравилось что-нибудь в ее планах, она сразу же уступала, делая вид, что ей ничего не стоит уступить.

Такая приветливость, спокойствие и вежливость с неизменной улыбкой казались мне тем более трогательными, что бабушка раньше говорила о «разбитой жизни» тети Жени. И это воспоминание сжимало мое сердце. Стало быть, вот на что похожа разбитая жизнь, на этот ровный нрав, спокойствие, приветливость и мужество. Я пообещала себе: если моя жизнь будет разбита, я вспомню тетю Женю и постараюсь быть похожей на нее.

Тетя Женя очень любила цветы, особенно душистые. В течение всего лета ее сад благоухал ароматами цветов, и мои воспоминания о Красном Куте — это запах жимолости, гелиотропа и жасмина.

Перед сном мы часто гуляли в саду, чтобы подышать свежим воздухом. Особенно запомнился мне один вечер. Уже опустилась ночь. Высоко в небе светила луна. Не закрывая ее полностью, быстро проплывали маленькие резные, словно кружево, облака. Слегка шелестели листья деревьев, и было слышно, как работает водяной насос на другом берегу реки. В саду было божественно хорошо. Белые цветы декоративного табака, поникшие за день, раскрылись, и их аромат смешивался с запахом гелиотропов. Мы сидели на крыльце, ночь была настолько пленительной, что нам не хотелось возвращаться в дом.

– Тетя Женя, почему красота наводит такую грусть? Почему от твоего красивого сада и этой прекрасной ночи хочется плакать?

– Красота всегда приносит грусть, Нинуся, я не знаю, почему. Может, это неясное неосознанное воспоминание об утраченном рае? Или потому что она для нас так мимолетна? Или потому что мы сравниваем ее совершенство с невозможностью совершенства человеческого счастья?

В конце июля сад, который заботливо поливали, по-прежнему пышно зеленел, но степь уже не была такой зеленой и серебряной, как в дни нашего приезда. Она покрывалась желтыми и буроватыми прядями сухой травы и колючек.

Мы выходили утром, потому что во второй половине дня из-за жары у нас была длинная сиеста. Однажды мы пошли посмотреть на киргизский огород, который простирался на несколько гектаров и разрабатывался всем обществом. Работающие там женщины, улыбаясь, делали нам дружеские знаки. Они были в живописных восточных костюмах: платье поверх широких шаровар, стянутых на лодыжке, и тюрбан на голове. Девушка принесла нам дыню, разрезанную на четвертинки. Не приближаясь к нам, она

положила ее на траву и убежала, перепрыгивая через ряды растений легко и грациозно, как газель. Мы съели дыню, восклицая: «Хорошо, очень хорошо!» Мы знали, что они не очень хорошо понимают по-русски, но слово «хорошо» знали все.

Становилось очень жарко, воздух был тяжелым и неподвижным. На обратном пути, когда ничто не предвещало изменений, длинная трепещущая волна пробежала по поверхности степи, и внезапный порыв ветра сорвал с нас широкополые шляпы, которые защищали нас от солнца. Они то взвивались в воздух, то катились по земле, и когда мы их почти поймали, снова взлетели. Ветер трепал наши волосы, раздувал юбки. Догнав свою шляпу, я снова надела ее с криком: «Эй, ветер, я не боюсь ветра». Я дурачилась, бросая на ветер несвязные слова. В этой вспышке необузданной радости мы с Алисой бегали по кругу с раскинутыми в стороны руками. Нам казалось, что мы летали.

Тетя Женя прижимала к себе Наташу и кричала нам, что нужно скорее вернуться домой, но мы делали вид, что не слышали ее. Дорожная пыль вдали закружилась и вихрем взметнулась вверх, вся степь колебалась и звенела. Резкий порыв ветра заставил меня пошатнуться, и я испугалась, что меня унесет на самом деле. Небо помрачнело. Две огромные тучи мчались навстречу друг другу, словно притягиваемые неодолимой силой. Снизу они были темными, но их толстые шапки, нагроможденные на фантастической высоте, блистали перламутровым светом. Их гигантские тени продвигались по земле, постепенно захватывая все пространство. Степь становилась угрожающей.

Мы больше не смеялись. Согнувшись, мы шли так быстро, насколько позволял нам ветер. Как-то, укрывшись от ветра возле дома, я выпрямилась и посмотрела в небо: две тучи были теперь совсем рядом друг с другом, еще немного и они сольются. Вспышки невыносимо белого света ослепили нас. Удары грома следовали один за другим непрерывно, как будто огромные глыбы лопались и катились по степи. Мы были уже в доме, когда пошел дождь.

На следующий день покрытая сверкающими каплями росы степь словно возродилась. Пленительная, полная обещаний, необъятная чистота неба лениво переходила в легкую фиолетовую дымку далекого горизонта.

Однажды старая подруга тети Жени приехала, чтобы познакомить нас со своей внучкой Зиной, которая проводила у нее каникулы. Зина только что окончила лицей и осенью должна была поступать на медицинский факультет. Она сказала, что решила стать врачом, так как женщина-врач может приносить много пользы в деревне, крестьяне легче

доверяются женщине. Она рассказывала нам об их тяжелой жизни, детской смертности, нехватке медицинской помощи. Бабушка, напуганная ее планами, полагала, что лечить мужиков это неподходящее занятие для девушки из хорошей семьи. Это не ее роль.

В Красном Куте у Зины совсем не было друзей ее возраста, она скучала и часто приходила к нам в гости. Она была цельной, стремящейся к действию, мятежной, с передовыми взглядами. Она говорила, что нужно смотреть в лицо всем насущным проблемам жизни. Истина превыше всего. Неприемлемы ни притворство, ни лицемерие, ни лживые условности. Когда она говорила о власти, которую дают деньги, глаза ее загорались мрачным светом. «Бич наших деревень, – говорила она, – это проклятая водка, она отупляет людей, разрушает семьи. Почему правительство не предпринимает никаких мер против нее? Потому что она дает весьма ощутимый доход в казну. Деньги искажают человеческие отношения и унижают людей. Богатые притесняют бедных, хозяева – своих работников, должностные лица – своих подчиненных. Тирания господствует в семьях. Религия только удерживает людей в зависимости от иерархических структур, она проповедует терпение и смирение, как если бы в стране, подобной нашей, было необходимо говорить о покорности судьбе».

Когда Зина так говорила, я чувствовала себя очень неловко. Я спросила: «Ты великодушна, ты хочешь посвятить себя заботе о бедных людях в деревнях, тогда как же ты можешь говорить, что Бога не существует?»

«Это никак не связано», – сказала Зина. И все же мне казалось, что была большая связь между существованием Бога и добротой людей. Могла ли красота и доброта быть без Бога?

Мы провели у тети Жени все лето. Приближалась осень. Зина уехала продолжать учебу, пора было возвращаться в школу, но наши родители еще не закончили свое обустройство в Мариуполе, и мы не собирались ехать туда раньше середины октября. Чтобы мы не отстали в занятиях, которые начинались 15 августа, тетя Женя попросила одного из своих друзей, бывшего школьного учителя Митрофана Петровича давать нам уроки.

Митрофан Петрович писал книгу по истории казачества, сам он был родом с Дона. О нем говорили: это интеллигент, эрудит, он говорит непринужденно и рассказывает всегда такие интересные вещи, что слушать его одно удовольствие.

У Митрофана Петровича была страсть к преподаванию, так что он с радостью

согласился заниматься с нами, но при обязательном условии, что мы будем внимательны и станем работать серьезно.

В гостиной была установлена черная доска, купили тетради и книги, и начались занятия. Мы сидели на диване, за которым стояли комнатные растения. Митрофан Петрович ходил по ковру или сидел в большом кресле напротив нас. Он умел живо и интересно излагать самые трудные темы, и мы не упускали ни слова из того, что он говорил.

Иногда после занятий мы шли его провожать. Мы обходили железнодорожную насыпь и садились на откосе смотреть на закат солнца. Нас тревожили политические взгляды Зины, и мы говорили о них с Митрофаном Петровичем. Он терпеливо отвечал на все наши вопросы. Он никогда не говорил: «Вы слишком молоды, чтобы понять», или «вы это узнаете позже», он умел распознать в наших вопросах глубокие проблемы, которые всецело занимали нас.

Митрофан Петрович любил рассуждать о будущем России. Он говорил: «Эта страна пробудится от долгого сна, и если мы совершили очень много ошибок в прошлом, с этого момента мы наверстаем потерянное время гигантскими шагами. Не обижайтесь на недоверие к нам народа, мы заслужили его в прошлом. Не смотрите на хитрость, с которой он считает должным защищаться от нас. Смотрите шире, не раздражайтесь, меньше чем через несколько десятилетий мы можем устранить его вековую подозрительность. Наша страна далека от совершенства, у правящего класса слишком много привилегий, а в деревнях слишком много страдания, и как представить себе, что можно быстро изменить тяжелое наследие прошлого этой огромной страны? Молодежь всех стран горяча и готова к самопожертвованию. Наш долг – уберечь ее от излишнего нетерпеливого рвения, способного привести к катастрофе. Не путайте правомерную и здоровую реакцию молодежи на злоупотребления властью и насильственные действия террористов. К сожалению, некоторые люди думают, что действовать на благо страны можно только разрушив сначала все социальные структуры. И совершают для этого террористические акты. Они наносят огромный вред выстраданным и нелегким усилиям реформаторов. Столкнувшись с безудержной пропагандой экстремизма, цари считают, что их обязанностью является сохранение абсолютного самодержавия на благо народа, в то время как террористическое движение растет из-за полицейских репрессий. Это порочный круг».

Когда солнце скрывалось за горизонтом, мы поднимались, чтобы вернуться домой. На железнодорожной насыпи мы всегда задерживались, чтобы посмотреть, как проходит вечерний поезд. Мы видели его издали, и чем больше он приближался, тем сильнее

казалось, что он несется прямо на нас. Было страшно, но, несмотря ни на что, мы стояли как можно ближе к дороге, чтобы не пропустить эти захватывающие короткие мгновения, в которые мы как бы пренебрегали опасностью. Внезапный оглушительный грохот локомотива застигал нас врасплох, и мы видели мелькающие совсем близко мощные дышла и огромные колеса. Теплый воздух ударял в наши лица, заставляя качнуться и на мгновение задержать дыхание. Трава на откосе ложилась, а затем еще долго колыхалась в поднятом поезде ветре.

На обратном пути мы останавливались на мосту: пастух гнал обратно в деревню стадо коров, заставляя их идти через брод. Они прижимались друг к другу, скапливались возле опор моста, мычали, а потом все вместе устремлялись на другой берег. Пастух верхом на лошади без седла, щелкал кнутом, принимал грозный вид и кричал на коров: «Старые клячи, безмозглые, что встали, черт вас возьми!» Это всегда нас смешило.

Когда стадо приближалось к деревне, открывались все ворота, и, никогда не ошибаясь, каждая корова возвращалась в свой хлев.

Дни становились все короче. Была уже осень. По вечерам над столом в столовой зажигали керосиновую лампу с противовесом. За ужином дядя Александр комментировал для нас новости, которые узнавал из газет. Новости с фронта были ободряющими, поскольку русской армии, наконец, удалось остановить наступление Австрии и Германии. Но положение внутри страны вызвало серьезные опасения.

Император назначил Великого Князя Николая Николаевича главнокомандующим армиями Кавказского фронта, противостоящего туркам, и сам взял на себя командование всеми армиями Западного фронта. Николай II принял это решение, чтобы быть ближе к своим солдатам в это тяжелое время. Но, отправляясь в Ставку, он совершил роковую ошибку, доверив управление внутри страны императрице, которая, к сожалению, была абсолютно неспособна выполнить эту трудную задачу.

Сентябрьские дожди размыли садовые дорожки и деревенские улицы. Мы меньше выходили на улицу и проводили время за чтением и учебой. Вечером в камине разжигали огонь. Как хорошо становилось тогда в уютном доме тети Жени. Мы чувствовали себя в безопасности, тогда как снаружи лил дождь, и ветер раскачивал и сгибал деревья в саду.

Свернувшись калачиком на диване, под керосиновой лампой с книгой в руках, я полностью отдавалась чтению. Я много читала, но также много думала о своем будущем и принимала решения, которые должны были, как я полагала, определить всю мою жизнь.

Моя мечта, с небольшими вариациями, сводилась к следующему: поскольку для того чтобы преподавать, нужно достигнуть восемнадцати лет, я до этого возраста продолжу свои занятия. Я посвящу себя деревенским детям, научу их любить чтение и выражать свои мысли. Служить справедливости и добру – только в этом истинное счастье, только ради этого стоит жить. И на этом пути я не буду одинока. Много знакомых мне молодых людей готовятся прийти на смену тем, кто проложил этот путь. Я упивалась этими мыслями.

Когда тетя Женя получила от мамы письмо с сообщением, что мы должны приехать в Мариуполь, я огорчилась. Мне грустно было покидать Красный Кут, где я была так счастлива, уроки Митрофана Петровича, книги, которые тетя Женя отложила для меня, а я еще не все их прочитала.

Мы отправлялись холодным и сухим осенним утром. Слуги стояли возле крыльца, чтобы пожелать нам счастливого пути. Тетя Оля протянула нам руку и торжественно сказала несколько добрых слов. Дядя Александр и Митрофан Петрович провожали нас до станции.

В последний раз я смотрела на них через окно вагона. Рядом с Митрофаном Петровичем⁴ с его уверенными манерами, точными жестами, подвижным лицом, дядя Александр, крупнее и сильнее его, казался нерешительным и неприметным. Когда поезд тронулся, я вспомнила, что даже не поблагодарила его за гостеприимство, и мне стало стыдно. В купе нас было четверо: мы с Наташей, Алиса, ехавшая, чтобы провести у нас весь учебный год, и тетя Женя, которая сопровождала нас до Мариуполя, а затем должна была вернуться домой.

Я захватила с собой книгу и погрузилась в чтение. Но во второй половине дня, когда солнце начало сильно припекать сквозь оконное стекло, я вышла в коридор, где солнце не слепило глаза, чтобы посмотреть на пейзаж.

У окна коридора стоял молодой человек в форме студента университета. Он спросил меня, что я читала так внимательно весь день, и мы поговорили о книге, которую я читала.

⁴ Митрофан Петрович Богаевский в 1917 году был одним из семи представителей донского казачества в Учредительном собрании. Большевики расстреляли его в апреле 1918 года.

Возможно, из-за того что он был очень молод и у него было открытое лицо, я чувствовала себя уверенно и отвечала на его вопросы о моем чтении и планах на будущее.

Он сошел на станции, где поезд стоял совсем недолго, и большими шагами направился к выходу, но когда наше купе поравнялось с ним, он поставил чемодан на землю, снял фуражку и подбросил ее в воздух. Этот жест, сказала я себе, был знаком, которым он хотел показать, что мы поняли друг друга, что мы единомышленники. И я подумала: «Это то, что называется солидарностью пылкой юности. Теперь, на пороге этой пылкой юности, нет больше одиночества, куда бы я ни приехала». Теперь у меня была цель в жизни, и все казалось ясным и легким.

Так же, как и весной, когда мы ехали в Красный Кут, я лежала на верхней полке и смотрела в окно. Над убранными полями низко летел ворон, ивы вокруг прудов протягивали к небу свои обнаженные ветви... Я хорошо помню меланхолическую мягкость этого осеннего пейзажа, свои мысли и особенно свои безумные мечты. Поскольку я была застенчивой, то часто витала в облаках и выглядела – мне часто говорили об этом – рассеянной. Вероятно, так было и в этот раз, принимая в расчет чудесный мир мыслей, идей и энтузиазма, на пороге которого я стояла.

Именно в этом настроении я прибыла в Мариуполь. Видя уверенность, с какой я стала высказывать мнения, считавшиеся «революционными», родители сказали: «Это был первый и последний раз, когда мы отправляли детей так далеко от себя».

Лицей

Наш дом в Мариуполе, на Георгиевской улице, был одноэтажным, но красивым и просторным, с большим мощеным двором и садом. В глубине двора находились конюшня и домик кучера. У нас было пять лошадей и несколько экипажей. Сразу выяснилось, что финансовое положение родителей восстановилось до более высокого уровня, чем раньше.

На следующий день после приезда мы с Алисой пошли в школу, занятия в которой уже начались. Ксения предпочитала заниматься с учителями дома. Теперь ее считали большой девочкой и одевали в красивые платья; ее волосы были собраны на затылке в тяжелый шиньон, а когда у нас были гости, она встречала их вместе с мамой.

Школа была большой и светлой. Учителя держались менее официально, чем в Петрограде. Большинство учеников жили в Мариуполе, но была также значительная группа девочек из семей рабочих крупного металлургического завода в окрестности. Их выбрали из лучших учеников начальных школ и дали стипендии, которые позволили им продолжить образование.

Нашу учительницу литературы звали Матрена Ивановна. Она была невысокой и, пожалуй, полной. В день, когда я увидела ее в первый раз, на ней была блузка, слишком большая для нее, и толстая шерстяная серая юбка. У нее было круглое лицо, волосы собраны сзади в тяжелый низкий узел. Она была очень молода, но было в ней что-то уютное, материнское и располагающее. Я сразу же привязалась к ней.

Я всегда любила писать. Искренне выражая свои мысли, я старательно следила, чтобы в моих сочинениях все было взаимосвязано. До сих пор я думала, что нужно постараться угадать, каким предпочитает видеть сочинение учитель, и это позволит получить хорошую оценку. Матрена Ивановна предостерегала нас: никогда не следует писать в таком духе, но напротив, надо быть осторожным, чтобы не впасть в просторечный стиль, не имитировать, никогда не «кокетничать словесно» с воображаемыми читателями.

Она говорила: «Ваше сочинение будет ценным, только если оно действительно выражает ваше мнение; нужно представить его как можно более четко. Именно ясность языка я оцениваю в ваших сочинениях, привычка достоверно выражать свои мысли позволит вам в дальнейшем раскрыть свою индивидуальность».

Дома мне внушали, что я должна думать и чувствовать в соответствии с идеальным образом благоразумной девушки из хорошей семьи. Не будучи на высоте этого образа, я испытывала неясное чувство вины, от которого избавилась благодаря Матрене Ивановне.

Уменьшительная форма имени Матрена – Матрешка или Матреша. Так называют тряпичных кукол, одетых в крестьянскую одежду. Между собой мы так и называли Матрену Ивановну: Матреша. Это прозвище очень хорошо подходило ее внешности, но мы не вкладывали в него ни капли насмешки, потому что все ученики любили ее.

В общем, мои оценки были не очень хорошими. Когда какая-нибудь мысль овладевала мною, я не могла выкинуть ее из головы, и преподаватели быстро замечали мою рассеянность. Например, однажды зимой ночью шел снег, и поскольку ветра не было, снег оставался на ветвях легкими, но толстыми слоями. Солнце заставляло искриться эту сверкающую белизну на деревьях во дворе, и я не могла оторвать глаз от окна. Учитель попросил меня повторить то, что он сказал, и я не имела об этом ни малейшего представления. Он рассердился и поставил мне ноль.

И дома, и в классе мы с Алисой были неразлучны. Меня уже не считали «маленькой» вместе с Наташей, и мои отношения с ней улучшились. Теперь я была ученицей средней школы, а она – все еще маленькой девочкой, моей младшей сестрой.

Мариуполь был очень приятным городом. Заводы и шахты были довольно далеко. Вокруг города расстилалась степь, где пышные дачные сады формировали зеленые островки. В городе большинство домов были низкими, улицы чистыми и просторными. Среди его жителей многие семьи были в прошлом выходцами из Греции. В сущности, это был южный городок. Темп жизни был медленнее, чем в Петрограде, люди меньше спешили, чувствовали себя спокойнее и безопаснее.

В конце учебного года Алиса доверительно сообщила мне, что попросит разрешения у своих родителей, чтобы ей не возвращаться к нам. Она не чувствовала себя хорошо в нашей семье. «Мы с тобой живем здесь как постояльцы. Нашего присутствия даже не замечают. Я чувствую себя лишней». Я этого не замечала, но очевидно, по сравнению с жизнью в ее семье, где она была в центре внимания, жизнь у нас показалась ей тусклой. Она

предпочитала жить на пансионе в Саратовском институте или брать уроки у учителя на дому, в Красном Куте.

Наступило лето. Тетя Женя приехала за Алисой и вместе с ней снова отправилась в путь. Алиса уехала, я почувствовал себя дома одинокой. Одинокой, но богатой временем, которое можно посвятить чтению. В то самое лето я прочла русских классиков и открыла для себя Чехова. Я любила Чехова больше, чем всех других писателей, я с восторгом читала и перечитывала его рассказы, составляющие самую замечательную часть его произведений. «Любила», возможно, слово не достаточно сильное, чтобы выразить мою очарованность творчеством Чехова. Его талант полностью покорила меня. Инстинктивно, не очень хорошо зная его, я восхищалась состраданием Чехова к человеческой душе с ее величием и ее слабостями, его нежной симпатией ко всему слабому, уязвимому и безоружному перед жизнью.

Один из его рассказов захватил меня. Вечер Страстной пятницы, холодно, опускается ночь. Молодой студент возвращается с охоты и останавливается погреться у костра, разожженного в поле. Возле огня он беседует с двумя крестьянками, рассказывает о событиях, произошедших в Страстную пятницу во дворе первосвященника, когда предали Иисуса. Затем студент продолжает свой путь домой. Автор описывает пейзаж ранней весны, оттепель, чувства, охватывающие студента на обратной дороге.

Нет никакого действия, никакой интриги, но Чехов вложил в четыре страницы этого рассказа всю красоту и всю внутреннюю правду, и я поняла, что значит истинный литературный гений.

Много позже я узнала, что Чехов сам предпочитал этот короткий рассказ «Студент» всем другим своим произведениям.

Эта эпоха извела необычайный взлет литературного творчества, который с энтузиазмом был встречен по всей России. Вероятно, западному человеку трудно представить себе влияние, которое эти великие писатели, чьи произведения разошлись по всему миру, оказали на русское общество и особенно на молодежь. Вопросы, которые они поднимали, действительно имели всеобщую ценность и касались самых глубин человеческой души.

Мои новые друзья

Мама пользовалась услугами маленькой портнихи, которая каждый день приходила к нам домой. Она устраивалась в комнате с окнами в сад, где хорошо работалось у открытого окна. Она была старой девой, спокойной и доброй, всегда готовой услужить. Я попросила ее научить меня шить и взяла в обыкновение садиться рядом с ней поработать и поболтать.

Она осталась сиротой в раннем детстве и была взята одной из своих теток, которая научила ее ремеслу портнихи. Ей очень хотелось выйти замуж и создать свою семью, но никто не делал ей предложения. В двадцать пять лет ее руки попросил вдовец, имевший семилетнюю дочку. Впервые увидев девочку, молодая швея была тронута ее покорным видом, грустными глазами и почувствовала, что очень полюбит ее. Но этот мужчина имел грубые манеры и был о себе слишком высокого мнения; ее огорчали его привычки, и она говорила себе: «Бедняжка, как ты, глупая, будешь всю жизнь терпеть человека, который даже не знает, как надо вести себя за столом?» Однако страх остаться старой девой победил, и она согласилась выйти за него замуж. Пришел день, когда нужно было нести в приходскую церковь свидетельство о крещении. Взяв в руки ее документы, он сказал со снисходительной улыбкой: «Итак, ты рада, что скоро выйдешь замуж?»

Эта улыбка определила всю ее оставшуюся жизнь. Маленькая портниха сама не знала, что на нее нашло, но она с уверенностью почувствовала, что не сможет выносить все это самодовольство и эту снисходительность. Она забрала у него свои документы, говоря, что больше не хочет замуж, она передумала. Это было сильнее ее. Таким образом, она осталась старой девой. «Жаль девочку, – сказала она, – никто не будет любить ее, бедняжку, как любила бы я».

Однажды папа, увидев меня работающей возле швеи и болтающей с ней, спросил, неужели у меня нет никакого более интересного дела, чтобы не скучать. Я сказала ему, что никогда не скучаю, я училась шить и у меня есть интересные книги для чтения. Папа сказал: «Это не слишком веселое занятие для тебя». А я ответила, что совсем не стремлюсь быть веселой.

Он пристально посмотрел на меня, очевидно застигнутый врасплох, поразмышлял над тем, что я ему сказала, и в тот же день, встретившись с директором школы для мальчиков, спросил, не может ли его дочь, которая была моей ровесницей, помочь мне найти друзей в городе. Поэтому однажды к нам пришли две девочки моего возраста, Соня и Маруся, чтобы пригласить меня поиграть в крокет у одной из них. Впоследствии они стали моими лучшими, самыми дорогими друзьями.

В Мариуполе почти все люди знали друг друга с детства или состояли в родстве. Маруся и Соня были двоюродными сестрами. Что касается мэра, директора банка или владельца единственного в городе большого отеля, все они были или друзьями, или двоюродными братьями. Благодаря этому я сразу же вошла в очень сплоченный круг.

В Мариуполе был великолепный парк, который считался городским садом. Удивительно, что такой маленький город, как Мариуполь, имел такой красивый муниципальный сад, и его жители очень гордились им.

Иногда вечером в беседке парка играл оркестр. В эти дни Соня, Маруся и я с утра узнавали, может ли кто-нибудь из наших родных отвести нас туда.

Музыка, освещение аллей, светлые и легкие женские платья создавали праздничную атмосферу. Мы носили белые батистовые платья, собранные на талии, с небольшими пышными рукавами, чулки и перчатки тоже были белыми. Соня была высокая, худощавая и смуглая. Она говорила, что во всей этой белизне похожа на муху в банке со сметаной, но в действительности белое очень шло ей. Маруся была поменьше и немного полнее, и выглядела скромной и прилежной, она была первой ученицей в нашем классе. Я же этим летом начала быстро расти, становиться не такой тонкой, щеки мои округлились, и дома говорили: «У этого ребенка широкие плечи, как мы раньше не замечали?» Я думала, что широкие плечи это все, что во мне есть хорошего, и, прогуливаясь по аллеям парка под бодрый ритм оркестровой музыки, старалась держаться очень прямо.

Когда в городской сад пришли родители с Ксенией, они вместе с друзьями пошли в ресторан «Английский клуб». Это был самый шикарный ресторан в городе. Родители уже были знакомы практически со всеми, кого там можно было встретить, и Ксения всегда была в центре внимания.

Почти все мои новые друзья обычно проводили летние каникулы на своих дачах в окрестностях города, но в этот раз из-за войны, они остались в Мариуполе, ездили за город только в экипажах и часто брали меня с собой. На дачах были большие сады, цветники и

огороды.

В саду Хараджаева, дяди Сони и Маруси, была аллея сирени, которая весной, как только мы приближались к ограде парка, обволакивала нас своим ароматом. Мы рвали ее охапками. Я любила прятать лицо в эти свежие и душистые гроздья. Мои подруги привыкли к множеству роскошных цветов, но для меня, приехавшей с севера, это было настоящим волшебством.

Что касается фруктов, которые были в изобилии, нам позволялось собирать их, сколько захочется. Я брала в обе руки большие бархатистые только что сорванные персики. Они были полны сока, еще теплого от солнца и казавшегося живым. Это было похоже на причащение к великолепию лета и богатству земли, к золотистой коре и яркой листве этих стройных деревьев. Сливы были самые разные: золотисто-желтые, зеленые – прозрачные и нежные, или темно-фиолетовые. Сливы ренклюд собирали, когда на плодах из трещинок начинали выступать капельки сока.

Этим летом ситуация на Западном фронте складывалась в нашу пользу. Огромные усилия по перевооружению, предпринятые в 1915 году, давали возможность постепенного пополнения боеприпасов. В июне несколько русских армий в ходе своего наступления полностью разгромили две австрийские армии, в результате этой победы русские взяли более 400 000 пленных.

Только действия немецких войск на других фронтах избавили австрийцев от полного краха и остановили стремительное продвижение русских. Однако перевооружение продолжалось, и все надеялись, что в 1917 году русские будут в состоянии перейти к всеобщему наступлению и вторгнуться в Германию и Австрию, что положило бы конец войне.

Вернувшись в школу в 1916 году, я снова встретила со всеми учителями, которые были в прошлом году, в том числе с нашей дорогой Матрешей. Каждые две недели мы писали сочинение, один раз на заданный сюжет, другой раз – на свободный. Однажды нам дали такую тему: «Опишите пейзаж или место, которое, как вам кажется, соответствует вашему характеру». Я колебалась. Изобразить сосны и высокое небо Антреа или белые ночи? Великолепие степи или Петроград и Неву с ее гранитными набережными? В моем сердце было достаточно места для всех этих своеобразных пейзажей. Наконец я придумала название: «Побережье Финского залива». Было очень трудно вспомнить этот пейзаж и

сказать, почему мне кажется, что он отвечает моему характеру. Сочинение мое было коротким и, как я полагала, неудачным. Речь в нем шла о мелких водах залива, его невысоких серых волнах, легком поднимающемся тумане. Серое небо, серое море, низко летают серые чайки, пустынный пляж. Все серое и серебряное, и в этой монотонности я чувствую себя одинокой, но сильной в своем одиночестве, грустной, но полностью принимающей бытие и любящей эту грусть. Сочинение казалось мне напыщенным и романтичным, но Матреша нашла его очень хорошим.

Она имела обыкновение читать в классе лучшие сочинения и прочла мое так спокойно и проникновенно, что я с трудом узнавала свой текст. Затем, на перемене, она сказала мне: «У тебя есть священный дар писателя».

Для молодежи моего времени слова «священный дар» означали дар, который несет в себе требование добровольных обязательств.

В тот день я вернулась домой возбужденная, наполненная безудержной радостью, мечтающая о литературном творчестве.

Наша кухарка Анюта

то был счастливый год, повсюду я находила друзей, даже дома среди нашей прислуги. У нас их было несколько: кучер, который жил со своей женой в маленьком домике возле конюшен, две горничные, Катюша и Анна, и кухарка, которую тоже звали Анна. Чтобы их различать, кухарку называли Анюта. Муж Анюты был на фронте, и она жила у нас со своим маленьким семилетним сыном Гришкой.

Однажды Анюта попросила меня написать письмо ее мужу, потому что сама не умела писать. Она принесла пачку бумаги для писем. В углу каждого листа была своя картинка, всегда очень трогательная: ласточка, несущая в клюве конверт, два голубка друг напротив друга, ветви с цветами и т.д. Письмо, несомненно, уже сложилось в ее голове, и я красивым почерком писала слова под ее диктовку: «Дорогой мой муж Лева, пишу тебе, чтобы сказать, что я в добром здравии, так же, как и Гришка, с которым мы каждый вечер молимся за тебя, я хочу, чтобы он не забывал и почитал отца. Еще хочу сказать, что получила твое письмо, спасибо за все приветы». Потом шли какие-нибудь новости, которые Анюта получала из их деревни. Заканчивалось письмо так: «Обнимаю тебя, дорогой Лева, остаюсь твоей законной и любящей супругой, Анюта».

Несколько раз в месяц Анюта стучала в дверь моей комнаты и говорила: «Я о письме, барышня, пожалуйста, позвольте снова воспользоваться вашей добротой». Она садилась напротив меня, протягивала бумагу, и мы писали письмо Лева, которое, помимо небольших изменений, всегда было одинаковым. Приближалось Рождество. Из ее писчей бумаги мы выбрали листок с картинкой, которая показалась нам подходящей к случаю, и написали как обычно. Когда мы заканчивали письмо, Анюта выглядела смущенной. Она сказала: «Приближается праздник, наверное, ему одиноко, и он тоскует по своей семье. Может быть, мы можем ему еще что-нибудь сказать».

– Что ты хочешь написать ему, Анюта?

– Что я думаю о нем или что-то вроде этого, – сказала Анюта, и глаза ее наполнились слезами.

Я долго думала. Что может написать жена своему мужу, чтобы сказать ему, что она его любит? Наконец, сделав множество черновиков, с согласия Анюты я написала: «Я все время думаю о тебе и о твоём возвращении, когда мы снова будем счастливы вместе, как прежде».

Однажды зимой, когда я после полудня вернулась с занятий и Анюта открыла мне дверь, на ней лица не было. Жандармы принесли Анюте письмо, в котором говорилось, что её муж погиб на фронте, сражаясь, как герой. Я побежала на кухню. Анюта сидела за большим столом, в центре, и чистила картофель. Большие слезинки непрерывно сбегали по её лицу и падали на руки. Я обняла её и почувствовала, как моя щека прикоснулась к её горячей и мокрой щеке.

– Анюта, моя дорогая Анюта, оставь картошку, я почищу её за тебя с Анной, пойдёшь, отдохни немножко.

– Это неважно, ничего, барышня, с картошкой или без картошки, они убили его, моего Леву.

Её лицо было опухшим и влажным, время от времени она вытирала его фартуком, но её сильные крестьянские руки, не дрогнув, продолжали свою работу. Это была моя первая встреча с настоящей бедой.

Позже жандармы принесли Анюте обручальное кольцо мужа, цепочку с маленьким серебряным крестиком, кошелек с несколькими монетами и пачку писем, написанных моей рукой, в которой я узнала письмо, написанное на Рождество, и увидела слова «счастливы как раньше».

На сороковой день после смерти мужа, Анюта, как принято, заказала панихиду за упокой души слуги Божьего Льва. Вероятно, по аналогии с Христом, который вознесся на небо на сороковой день после смерти, традиция полагает, что души умерших в течение сорока дней остаются на земле, вблизи тех, кого они любили, прежде чем вернуться в небеса.

Так как у Анюты не было близких родственников в Мариуполе, в церкви присутствовали только домочадцы и я. Церковь была холодной и темной. Маленькие масляные лампадки мерцали перед иконами и отбрасывали золотистые отблески на иконостас. Вышел диакон с кадиллом, старый священник дрожащим голосом произнес красивые и берущие за душу слова православного богослужения. Все вместе мы пели: «Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего» и «Вечная память». Анюта пела с нами, иногда

голос ее прерывался. Стоя на коленях, она совершала широкие крестные знамения, кланяясь так, что касалась лбом пола.

Когда мы вышли из церкви, крупными хлопьями падал снег.

Жена кучера крепко прижала к себе Гришку и укрыла его своей шалью. Мы с Анной взяли Анюту под руки.

На юге России есть обычай, приглашать поесть «кутью» (вареные зерна пшеницы с изюмом и медом) всех, кто был в церкви на похоронах. По этому поводу Анюта устроила в кухне большую уборку. Недавно вымытый пол сверкал чистотой, стол был покрыт вышитой скатертью. Анюта была без фартука, в черном платье с брошью из оникса. Гришка в своем новом костюме был сама опрятность.

Анюта обошла гостей с блюдом, склоняясь перед каждым и говоря: «Будьте любезны...» Было видно, что она стремилась сделать все как нужно и принять нас благопристойно согласно обычаю. Не время было плакать, надо было оказать честь гостям.

Мы разговаривали вполголоса, и, как полагалось, каждый говорил о погибшем. Анна сказала: «Он умер почетной смертью, твой Левушка, сражаясь за Веру и Отечество, как герой; несомненно, Христос встречает его сейчас с распростертыми объятиями. Это смерть достойная уважения. Мы просим в литургии христианской кончины жизни нашей – безболезненной, непостыдной, мирной и доброго ответа пред Христом на страшном суде. Так он и умер, твой Левушка, достойно».

Душевная теплота простых людей, их сдержанное сострадание. Я гордилась доверием, которое они оказали мне, приняв в свой круг.

Часть вторая

Буря

Помолвка Ксении

то было в 1917 году. В Мариуполе, вдали от фронта и от столицы, в эту третью зиму войны жизнь шла нормально, но письма тети Лили приносили нам тревожные новости. Время от времени мы принимали у себя инженеров из Петрограда, приехавших к папе по рабочим вопросам. Через них мы делали причастными к серьезным проблемам данного момента, и перед нами вырисовывалась очень мрачная картина. Влияние Распутина на императрицу вызвало растущий гнев во всех слоях общества. Так что без удивления и с облегчением в январе 1917 года мы узнали о его убийстве; мы надеялись, что отныне все станет лучше, однако новости, которые мы получали, продолжали оставаться угрожающими.

Новости о важных событиях, которые происходили в конце февраля в Петрограде, более чем за 2000 километров, приходили в Мариуполь с запозданием и поражали как гром среди ясного неба: император отрекся от престола, временное правительство занималось подготовкой закона о прямых выборах для того, чтобы народ изъявил свою волю о форме правления в стране.

Были люди, которые светились от радости, другие ходили мрачнее тучи. Папа беспокоился. Мама говорила ему: «Воистину я не понимаю тебя. Ты, который ненавидел злоупотребление властью и страдал, видя социальную несправедливость, теперь, когда появилась возможность установить демократию, ты не доволен». «Это происходит в неподходящий момент, – отвечал папа. – Страна изнурена войной, в Петрограде нет реалистичных и пользующихся всеобщим доверием политиков, которые могли бы взять ситуацию в свои руки». Он говорил также, что Керенский, председатель Временного правительства, не обладает силой, необходимой для управления страной до победного окончания войны, или, по крайней мере, до момента формирования Учредительным собранием законного правительства. И ни одна страна в мире не может позволить себе такую радикальную смену правительства, особенно во время войны, чтобы это не привело к катастрофе.

1 мая 1917 в Мариуполе, как почти во всех городах России, первый раз праздновали День труда. Анна взялась за шитье одного из транспарантов для демонстрации, широкой полосы белой хлопчатобумажной ткани, на которой карандашом было написано: «Первое мая – Международный день трудящихся». Она нашивала тонкую красную ленту по очертанию букв. Анна запоздала с этой работой и признавалась, что ей придется шить всю ночь, чтобы закончить. Я ждала, когда уйдут родители и заснет Наташа, чтобы снова вернуться в кухню.

Сидя на полу на расстеленном полотнище ткани, я помогала Анне и Анюте пришивать ленту и рассуждала о том, что над нашей родиной поднимается новый рассвет, который принесет свободу, достоинство, образование и счастье для всех. Старая прачка сидела за кухонным столом, пила чай, грустно покачивая головой: «Нет, все это очень хорошо и красиво говорится, но вот в жизни не так, всегда будут бедные люди с одной стороны и хитрые хапуги с другой». Я посмотрела на сеточку мелких морщин вокруг ее рта, на искривленные пальцы ее рук, и вдруг почувствовала, что мои слова звучали фальшиво, что они были догматическими и менторскими, и энтузиазм их был наигранным.

На следующий день по главным улицам города шли колонны с транспарантами: «Третий интернационал», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь». То здесь, то там пели *Интернационал*, несколько камней полетели в витрины магазинов. Папа сказал тогда: «Это начинается», и в самом деле «это» начиналось, но никто в Мариуполе не понимал серьезности ситуации.

Россия стояла на перекрестке дорог, ее будущее было неясно, нестабильно и угрожающе. Все в Мариуполе волновались, но отсутствие информации, с одной стороны, и закоренелое и упорное убеждение, что Россия всегда сможет преодолеть опасности и всегда выйдет победительницей из всех несчастий, с другой стороны, поддерживало надежду, что может быть, в конце концов, все образуется.

Ксения приближалась к своему семнадцатилетию. В то время она была очень красива; ее свежий цвет лица, легкие белокурые волосы, большие глаза, мечтательные и нежные, повсюду привлекали к ней внимание. В городе ее называли «очаровательным созданием», она действительно походила на существо из сновидения.

Почти каждый вечер наш дом был полон молодых людей, из своей комнаты я слышала игру на фортепиано, гитаре и мандолине. У Ксении был красивый голос, и она оборочительно пела цыганские романсы и русские народные песни.

Одним из самых усердных завсегдатаев нашего дома был очень высокий и худощавый человек, немного сутулый. Ему было тридцать пять лет, он был сыном богатого судовладельца, чьи суда обеспечивали перевозку грузов между Мариуполем и Марселем. Его имя – Александр Хараджаев, но знакомые называли его уменьшительно: Аля.

Когда Аля приходил к нам, он приводил с собой одного из своих дядей, Ивана Ивановича. Ивану Ивановичу было, вероятно, от сорока пяти до пятидесяти лет, невозможно было точно определить его возраст. Он учился на инженера в Харькове. Ему нравилась студенческая жизнь, и поскольку у него был некоторый доход, он мог позволить себе не искать работу немедленно. Он провел еще несколько лет в Харькове, занимаясь на различных факультетах, и это, вероятно, сделало бы его тем, кого в России называют «вечным студентом», если бы ему не пришлось взяться за строительство дома в Мариуполе для себя и двух своих сестер на земле, которой они владели все вместе, возле Хараджаевых.

Сестры сказали ему, что надо воспользоваться присутствием в семье инженера, чтобы избежать расходов на архитектора, и Иван Иванович остался строить дом в Мариуполе.

Из-за нерешительности его сестер и их противоречивых порой указаний, проектирование потребовало много времени. То же самое было со строительством, с его изменениями и последовательными улучшениями.

Тем временем муниципалитет настойчиво просил его о консультациях по некоторым техническим проблемам градостроительства; и таким образом он постепенно стал добровольным сотрудником, всегда доступным мэру, который был его двоюродным братом, и всем его многочисленным родственникам.

Когда дом был, наконец, построен, он поселился там с двумя сестрами и – поскольку одна из них была уже замужем – со своим зятем, и больше не собирался менять своих привычек.

Шли годы. Его устраивала тихая и безмятежная жизнь в неторопливом и размеренном ритме. Сестры заботились о нем, и он оставил мысли о карьере.

Каждый день после обеда он совершал одну и ту же прогулку со своим двоюродным братом Альфредом, который жил в доме Хараджаевых; они несколько раз быстрым шагом проходили до конца улицы и обратно. Вечером, когда у Хараджаевых играли в вист, Аля отвинчивал раструб граммофона и пользовался им как рупором, чтобы позвать Ивана Ивановича.

Иван Иванович получал ряд русских и иностранных научных журналов, он

добросовестно изучал их, а затем расставлял все в большем и большем количестве на полках своей библиотеки. Но его большие знания остались неиспользованными и служили только к его личному удовлетворению.

Он страдал от утомительного заболевания. В первые дни весны кожа на его лице краснела и покрывалась пятнами экземы, если он хоть мгновение находился на солнце. Это продолжалось в течение всего лета. В самый острый период заболевания он закрывался в своей комнате и в темноте предавался мрачным мыслям, преувеличивая впечатление, которое могло произвести его лицо, покрытое экземой. Возможно, это было по причине того, что он никогда не был женат.

Иван Иванович знал только два города, Мариуполь и Харьков. Он никогда не путешествовал, но обладал обширными познаниями во всех областях. Он никому не противоречил. Когда он не разделял вашего мнения, то всегда находил, что очевидно, в этом свете, вы имели право увидеть ситуацию иначе, чем он, и т.д. ... Он никогда не выпячивал свое собственное мнение, а отвечал на вопросы, застенчиво улыбаясь, как бы извиняясь за отсутствие такой же точки зрения, как у его собеседника.

Папа любил говорить. Иван Иванович умел слушать и очень уважал папу, который много выезжал за границу и жил в Петрограде. Папа сразу же проникся к нему симпатией, и эта симпатия переросла затем в теплые дружеские отношения.

Папа называл Ивана Ивановича закоренелым холостяком, оригиналом, но в его случае оригинальность состояла, прежде всего, не в его собственных интересах, а в стремлении всегда быть приятным для других. У него все было очень хорошо тогда, когда каждый вокруг него был удовлетворен и доволен.

Я заметила, что в присутствии Али Ксения была не такой, как всегда. Она разговаривала необычным для себя тоном. Но я была далека от мысли, что между ней и Алей зарождается серьезное чувство. В мои четырнадцать лет он казался мне старым и отнюдь не похожим на героя романа.

Простой, непосредственный и доброжелательный, Аля был окружен той невыразимой атмосферой, которая повсюду сопутствует людям, имеющим очень большое состояние.

Мама вкусила беззаботной и роскошной жизни с моим отцом, а затем, во втором замужестве, постоянной неуверенности и страха за завтрашний день. Со всем своим опытом зрелой женщины, знающей жизнь, она благосклонно смотрела на знаки внимания, которые Аля оказывал моей сестре. Папа, наоборот, был категорически против. Вечером и поздно

ночью до моей комнаты доносился его громкий голос. Сестре еще не было семнадцати лет, она плакала, но держалась хорошо. Папа говорил ей обидные слова: что она поддалась обольщению богатством Хараджаева как ничего не стоящая финтифлюшка и другие подобные вещи. Папа говорил также, что она слишком молода, чтобы связать себя обещанием на всю жизнь из-за увлечения, возможно мимолетного.

Чтобы противостоять нападкам папы, Ксения искала моральной поддержки и часто говорила со мной об Але. Однажды она спросила меня: «Разве Аля не очарователен? Разве у него не красивый профиль? Разве он не обладает всем, чтобы нравиться?»

– Да, без сомнения, он очарователен и у него красивый профиль, и у него есть все, чтобы нравиться, но я не вышла бы за него замуж.

– Но почему, что тебе в нем не нравится?

Я не знала этого, но, наконец, обнаружила то, что не любила в нем: его смех. Он смеялся слишком высоким голосом.

«Ты злая, – сказала Ксения, – как можно судить о человеке по его смеху?». Однако это было правдой, я не могла бы выйти замуж за человека, который так смеется.

Однажды, во время прогулки в городском парке, Аля Хараджаев сделал предложение, и Ксения согласилась стать его женой. Она вернулась домой сияющая, плачущая, танцующая, кружащаяся от радости. Папы не было дома. Мы предвидели ужасную сцену, но было хуже, чем мы ожидали.

Он побледнел от гнева: «Тебе сделали предложение в сквере, как первой встречной девушке. Если бы он уважал тебя, он пришел бы в твой дом после того, как спросил разрешения у твоих родителей».

Когда он удалился в свою комнату, Ксения сказала: «Я действительно не понимаю, почему место так важно, разве выбор места связан с уважением и любовью?». Мама утешала ее: «Это представление папы о почете и уважении, и вот что, не надо его торопить, он всегда дрогнет перед печалью женщины».

Мы переживали трудный момент. Ксения заперлась в своей комнате и не вышла к обеду, сославшись на головную боль. Место справа от папы оставалось пустым, и мама говорила об опасности противодействия любви девушки, говорила, что никто не имеет на это права.

Как и предсказывала мама, папа уступил, и Аля начал приходить к нам в качестве жениха. Так как Ксения была очень молода, папа настоял, чтобы они подождали два года, прежде чем вступить в брак.

Мои сверстники

Осенью 1917 года я особенно сблизилась с одной из своих подруг, дочерью начальника Мариупольского порта, Лидой. Она была высокой стройной блондинкой, слегка угловатой, с удлинённым бледным лицом и мечтательными глазами. Было нечто нерешительное во всем ее облике. Мягкая и спокойная, она никогда не проявляла той бесцеремонности, которая возникает между одноклассниками. Она никогда не изменяла своей сдержанной учтивости, плоду ее благородной природы.

Матреша разрешила нам без колебаний подходить к ней на перемене, чтобы свободно поговорить или задать вопросы, даже если они не касаются непосредственно учебной программы.

Лида разделяла мое восхищение Матрешей, и иногда мы заходили за ней в учительскую, чтобы сделать вместе с ней несколько сотен шагов по галерее. Я сказала Матреше, что прежде, чем попробовать писать, хочу как можно скорее стать сельской учительницей, но она горячо отговаривала меня в таком молодом возрасте заниматься преподаванием.

Матреша сохранила юношеский энтузиазм и пылкую приверженность ко всему, что касается литературы. Она говорила нам: «Написанное слово — это инструмент невиданной силы. Оно может воодушевлять, побуждать людей к полному воплощению своей человечности, утешать, разрушать стены одиночества. Но будьте осторожны, оно также может поддерживать в людях ограниченность, показывать им фальшивые картины жизни, развивать склонность к мелодраме. Чтобы писать, нужно обрести прочные знания, зрелость ума, широту взглядов, а это могут дать только занятия в университете».

После долгих размышлений я отказалась от мечты о маленькой сельской школе, зимой занесенной снегом, и все больше и больше думала об университете.

В этом году было решено, чтобы ученики последнего, третьего года обучения из школ для мальчиков и для девочек каждое воскресное утро собирались на культурные встречи в зале нашей школы.

Эти собрания регулярно посещали сорок учеников. Мы не боялись братья за решение важных и трудных вопросов. Иногда несколько человек объединялись, чтобы подготовить доклад, сделать графики, нарисовать карты и таблицы. Темы докладов были известны заранее, и мы имели полную возможность изучить материалы, чтобы составить личное мнение, поставить обоснованные вопросы или защитить свою собственную точку зрения.

Эти встречи, проходившие в обстановке абсолютной независимости, без присутствия учителей или наблюдателей, были бы невозможны еще год назад: ветер свободы, пронесшийся по всей России после Февральской революции, достиг и образования.

Конечно, мы были слишком молодыми и слишком пылкими, случались моменты, когда дискуссии становились бессодержательными. Некоторые ученики противоречили только ради удовольствия оспорить представленное. Но в целом, эти встречи учили нас самовыражению.

Соня и Маруся не интересовались этими встречами, тогда как мы с Лидой были постоянными их участниками и держались вместе. Ни одна из нас не привыкла находиться в компании мальчиков, и поначалу мы очень смущались. Мы были с учениками старше нас, что расширяло наш горизонт.

Там были мальчики и девочки от тринадцати до семнадцати лет, но девочки меньше всего заботились о том, чтобы «иметь успех» или «вскружить голову мальчикам». Отношения между мальчиками и девочками были простыми и искренне дружескими, но мальчики соблюдали некоторые правила вежливости по отношению к девочкам: например, часто мальчик провожал девочку до дверей ее дома. Я думаю, было бы неучтиво не делать этого. Все девочки в классе были «на ты», но между девочками и мальчиками говорилось «вы».

Мы думали, что кокетничать, чтобы понравиться мальчикам, недостойно нас, и девочка, которая начинала выставлять себя в выгодном свете, чтобы вызвать интерес, немедленно классифицировалась как «идиотка».

Наши лицеисты были умнее, искреннее, активнее, чем молодые люди, которые по вечерам приходили к нам домой обедать, чтобы затем поболтать и посмеяться в гостиной с Ксенией и ее подругами. Я помню странное ощущение в отношении мальчиков моего возраста. Я испытывала к им своего рода уважение, словно предугадывая их героическую судьбу.

На конец года мы приберегли серию докладов о России. Мы с Лидой решили участвовать в них, предложив рассказать о «характере русского народа».

Я принялась за работу со страстью, исписывая целые тетради, приводя примеры из народного творчества, из литературы, заимствуя либеральные идеи у Кости и Митрофана Петровича. Моя тема не выходила у меня из головы ни на мгновение весь день и снилась мне ночью. Я клала под подушку листок бумаги и карандаш, чтобы не дать ускользнуть мысли, которая могла прийти ко мне при пробуждении, потому что эти мысли были неустойчивыми, и несколькими минутами позже их уже невозможно было бы изложить на бумаге.

Исследование мое касалось простых людей, в особенности крестьян: Василисы и Анюты, которые пришли работать в город, но остались по своей сути крестьянами.

Лида значительно шире рассматривала слово «народ», она развивала мысль, что элита страны имеет свои корни в глубинах богатейшего наследия расы, и она связана с крестьянством своими недостатками так же, как и несравненным величием своего гения.

Лида обращалась к великодушию русской интеллигенции, ее духу жертвенности, к тому призванию, которое побуждает людей, получивших высшее образование и могущих претендовать на комфортное положение, отказаться от легкой жизни в своем кругу, чтобы полностью посвятить себя социальному прогрессу и неблагодарному и тяжелому труду в деревнях и селах.

Один мальчик из нашей группы, Коля, взялся за самую трудную часть доклада: эволюция социального положения русского крестьянства со времени освобождения от татаро-монгольского ига до наших дней. Мы с Колей и Лидой часто собирались вместе, заботясь о том, чтобы наши сообщения дополняли, а не повторяли друг друга.

Мы, все трое, вышли из очень разных кругов общества. Отец Лиды был морским офицером, родители Коли – мелкие ремесленники, и он продолжал свое обучение благодаря государственной стипендии. Что касается меня, я сама не знала, какой социальной среде я принадлежала. Я любила вспоминать о своем происхождении от купцов староверов, взаимосвязь с которыми я чувствовала сильнее, чем с изысканной и, пожалуй, космополитической средой моей семьи.

Позже я размышляла о своем поколении и пришла к выводу, что оно было необыкновенным в силу своего энтузиазма, желания добраться до сути вещей, осознания

самих себя живущими в эпоху великих исторических преобразований. Мы часто говорили о России, о ее новом национальном взлете и светлом, полном надежд будущем, которое мы будем строить по окончании войны.

Окончательная победа над Австрией и Германией не вызывала у нас никаких сомнений. После отступления русских войск в 1915 году за пределы наших границ из-за отсутствия боеприпасов, наша промышленность сделала гигантские усилия, и в прошлом году боеприпасы поступали на фронт во все возрастающем количестве, в ящиках, на которых было написано: «Не жалейте патронов».

Все люди привязаны к своим странам, но я думаю, что наш патриотизм был более восторженным и более страстным, чем где бы то ни было. Наша великая страна в течение десятка лет была в состоянии экономического и культурного подъема, в состоянии социальных преобразований; мы думали, что нашему поколению достанется задача высвобождения всех скрытых сил, что нам предстоит осуществление грандиозных дел. Нам не терпелось больше узнать о своей отчизне и подготовиться к разнообразной деятельности, которая позволит успешно ей служить.

Я сказала папе, что готовлю доклад о характере русского народа. Папа ответил: «Воробушек, ты как всегда погорячилась. Ты не можешь раскрыть такую широкую тему. Тебе нужно ее сузить. Возьми, к примеру, религиозные чувства русского народа и его фатализм, его способность прилагать большие усилия и, с другой стороны, его инертность, или, наконец, его любовь доводить работу до совершенства и в то же время, его лень».

Кто-нибудь из нас, по его мнению, должен был сосредоточить свои исследования на слишком резком переселении крестьян в среду городских рабочих и негативных последствиях этого на их психику. Папа сожалел о полном незнании крестьянской психологии теми, кто имел дело с этими проблемами, предложил привести конкретные примеры из его опыта с рабочими и указать, какие средства следует применить в этой ситуации.

Несколько учеников с радостью приняли его предложение, но вскоре политические события породили столько тревог и сложностей во всех областях, что этот проект был отменен. Сбылось то, чего боялся папа с самого начала революции: либералы и социалисты не могли противостоять новому перевороту, организованному большевиками.

В феврале мы с тревогой узнали, что поскольку результаты выборов были для них неблагоприятными, большевики разогнали Учредительное собрание, они даже обстреляли

толпы мирных мужчин и женщин, которые сходились со всех частей города к Таврическому дворцу, где заседало Учредительное собрание, чтобы поприветствовать его.

А свобода? Для чего еще нужна революция, как только для свободного волеизъявления русского народа? Один из мальчиков нашей группы заклеил ситуацию такими словами: «У нас украли революцию».

Все начало рушиться. Папа проводил все время на верфях, где постоянно нужно было принимать важные решения, потому что из-за нехватки денег и материалов, строительство завода сильно затянулось и постепенно замедлялось.

Вскоре прекратила работать почта. Мы не получали больше газет, вся пресса была упразднена, за исключением двух коммунистических газет, выходивших в Петрограде и Москве. Мы видели, как в Мариуполь приходило все больше и больше дезертиров, которые бродили без дела, некоторые с оружием в руках.

Деньги обесценивались с огромной скоростью, и жизнь дорожала с каждым днем.

Во время наших воскресных встреч некоторые лицеисты начали вести коммунистическую пропаганду, утверждая, что марксистское учение должно стать приоритетом в нашей программе. Они хотели, чтобы между собой мы называли друг друга «товарищ» и вели себя очень фамильярно, что нам казалось неуместным. Они вносили дискомфорт в наши встречи и затевали споры. Наконец, под различными предлогами, большинство из нас перестало туда приходить.

Карпов

момента захвата власти большевиками все банки были закрыты. Папа не мог больше платить рабочим и служащим. Почта и телеграф не работали. Папа написал в правление завода, которое располагалось в Петрограде, прося инструкций и денег. Он отправил это письмо с одним из своих мастеров по фамилии Карпов. Карпов работал с папой уже многие годы; он последовал за ним на Путиловские верфи и затем в Мариуполь – он был предан ему полностью. Невысокий грубоватый человек, на вид неказистый, курносый, со светлой шевелюрой. Папа выделил его среди других, когда тот был еще простым рабочим, за исключительную добросовестность и изобретательность в труде; он был хвастливым, но находчивым, природная хитрость подсказывала ему, что делать, когда требовалось быстро принять решение.

Итак, Карпов отправился в Петроград. Прошел почти месяц, а от него не было никаких известий. Папа боялся, что он попал в беду.

«Не сбежал ли просто Карпов вместе с деньгами?» – предположила мама, но папа не хотел даже думать о такой возможности: если бы Карпов обманул его, он разочаровался бы во всем человечестве.

Однажды, во время завтрака, Анна пришла сказать нам, что какой-то человек звонил с черного хода и спрашивал папу, но она непустила его, потому что он похож на бродягу. Это был Карпов. Взъерошенный, в помятой одежде, с серым от грязи и усталости лицом.

— Привет, старина, – сказал папа, – я вижу, ты путешествовал с комфортом. Как дела?

– Хорошо, Вашими молитвами. Я старался, как мог, то на поезде, то пешком. Это невысказано, что происходит на железной дороге. Я пробирался, везде обходя железнодорожные станции, чтобы не попасть под проверку. И вот я жив и здоров, принес Вам деньги, которые эти господа дали мне в Петрограде, здесь миллионы.

– Ты оказал мне огромную услугу.

– Рад Вам служить, – сказал Карпов, улыбаясь.

Там были действительно миллионы рублей, завернутые в старые газеты и спрятанные на дне его вещевого мешка или зашитые под подкладку его пальто, пиджака и бесформенной жилетки. Они были зашиты так хорошо, что нам пришлось сделать много надрезов. Тем временем Карпов крепко спал, подкрепившись плотным завтраком и выпив несколько стаканов чая.

На столе в столовой мы разложили отдельными пачками одинаковые банкноты. Старые, Императорского банка, и новые, выпущенные Временным правительством, те, которые называли «керенками». Стоимость жизни взлетала с головокружительной скоростью, банкнот не хватало, и правительство выпускало их все больше и больше. Часто расплачивались даже почтовыми марками.

Папа и его бухгалтер сложили пересчитанные купюры в несколько обувных коробок. После того как отложили в сторону деньги на выплату рабочим, служащим и на погашение самых важных долгов, денег, оставшихся у папы, едва хватило бы на несколько месяцев. К тревоге за будущее страны теперь добавился страх за наш завтрашний день.

В письме, которое Карпов привез из Петрограда, руководство предлагало не рассчитывать на другие денежные поступления и приказывало ликвидировать все как можно быстрее. Но ликвидировать было уже почти нечего. Лошади и подвижной состав давно были реквизированы, так же как и запасы материалов.

Приходили за лошадьми и в наши конюшни: мы видели, как в последний раз прошли перед нашими окнами две пары гнедых коней и прекрасная белая кобыла. Кучер долго стоял перед широко распахнутыми воротами, безутешно разводя руками. Затем он пришел сказать нам, что успел спрятать новую упряжь. Папа велел ему хранить ее у себя.

Карпов привез нам также письмо от тети Лили. Она сообщала, что в Петрограде царит тревога, что многие из наших друзей, оставшись без средств к существованию, вынуждены мало-помалу продавать свои ценные вещи и одежду. Были многочисленные аресты и расправы, и под прикрытием всеобщих беспорядков совершались грабежи и убийства. Очень трудно было раздобыть еду. Также она писала нам, что Жорж вернулся в Петроград в начале революции и занимал административную должность во Временном правительстве, но больше она ничего не знала о нем. Позже мы узнали, что он был расстрелян большевиками, когда, взяв власть, они принялись за ликвидацию членов других политических партий.

Вся недовольная молодежь, которая боролась против царской бюрократии, выступила теперь против диктатуры большевиков и также была уничтожена.

Первые аресты

После переезда правительства в Москву, группы большевиков стали быстро появляться во всех крупных провинциальных городах и, наконец, добрались до Мариуполя, где сразу же ощутилось их воздействие.

Были арестованы многие люди, занимавшие при прежнем режиме значительные посты. На металлургических заводах возле Мариуполя проходили забастовки, и папа, известный как человек справедливый, был выбран рабочими, чтобы представлять их интересы в арбитражном суде. Но поскольку удовлетворить требования рабочих не было возможности, он отказался поддержать их. После этого он получил несколько анонимных писем с оскорблениями и угрозами.

Для бесчисленных органов власти и комендатур, созданных при новом режиме, в городе начали реквизируют незанятые жилые помещения. В доме Хараджаева пустовал целый этаж, и он боялся, как бы его не реквизировали. Старый Хараджаев предложил нам жить у них. Казалось, что в тревожные времена, которые мы переживали, лучше держаться вместе. Поэтому мы решили переехать к ним. Поскольку у них уже было много прислуги, мы должны были расстаться с Анной и Анютой.

Когда увезли нашу мебель, мы с мамой остались в доме одни, чтобы проверить, что ничего не забыли.

Меня охватила огромная печаль. Не знаю, почему я боялась переезда к Хараджаевым, где мы не будем больше у себя дома. Сидя на полу посередине моей пустой комнаты, я чувствовала, как что-то разрушилось навсегда, что мы начали становиться бездомными бродягами и большая часть нашего существования умирает. Я сделала вид, что не хочу уходить, и маме пришлось рассердиться, чтобы я согласилась покинуть дом.

У Хараджаевых действительно был маленький дворец с анфиладой комнат для приемов и дорогими гобеленами на стенах; в необъятной гостиной большое пианино казалось маленьким.

Мы жили вместе с ними и обедали вместе с ними. Их дом стоял как раз напротив

сквера. На другой стороне улицы жили родители Сони, сад Маруси прилегал к саду Хараджаевых, и я часто видела своих друзей.

В конце концов, папа согласился, чтобы свадьба Ксении состоялась раньше намеченного срока. В те смутные времена старались жить как можно скромнее, чтобы не привлекать к себе внимание, и венчание прошло в очень простой обстановке, почти тайно.

Однажды вечером мы пришли в церковь маленькими группами, одетые как обычно. Ксения надела маленький серый английский костюм. Церковь была слабо освещена. Православный обряд венчания совершился без присущей ему торжественности. Когда невеста входила в церковь, не пели: «Идет голубка», как это обычно делали. Дядя Али, Альфред, который также жил вместе с нами, и Иван Иванович, другой его дядя, держали венцы над головами молодых. Светлые волосы Ксении золотились в мерцании свечей, глаза ее были устремлены на иконостас, она усиленно молилась.

Из редких писем бабушки и дяди Николая мы поняли, что в течение нескольких месяцев они не получали наших писем, и многие из них пропали. Теперь, когда почта больше не работала, мы вовсе не получали от них известий.

Очень скоро после свадьбы Ксении беспорядки в стране приняли характер всеобщей катастрофы.

В доме Хараджаевых кухня размещалась на нижнем этаже, в квартиры на втором этаже поднимались на лифте. Дверь на широкую лестницу, ведущую на этаж, всегда была открыта, но в эти небезопасные времена на ночь мы закрывали ее на ключ.

Однажды вечером, очень поздно, мы услышали стук в дверь. Все мы были очень напуганы, потому что в то время никто не выходил на улицу в ночное время.

Спросили: «Кто там?», и грубый голос ответил: «Откройте, или мы выломаем дверь». Вошли несколько милиционеров: «Кто здесь Хараджаев?»

«Это я», – сказал старый Хараджаев, но Аля оттолкнул его, говоря: «Не слушайте его, он старик и не знает, что говорит, Хараджаев это я». Милиционер рассмеялся: «Нам велено доставить Хараджаева, любого». Милиционеры не дали ему времени что-нибудь взять. Он смог только схватить пальто из шкафа, и Ксения бросила ему свитер, когда он был уже внизу лестницы.

Все произошло очень быстро. В это трудно было поверить. На рассвете родственница Хараджаева, которая жила напротив Ратуши, прибежала сказать нам, что

через окно видела там людей, сидящих на подоконниках. Она узнала со спины несколько человек из города, в том числе Алю.

В течение нескольких дней по неизвестной причине милиция перевозила заключенных с одного места на другое. В области Хараджаевых хорошо знали, и нам тот час давали знать, где находился Аля. Однажды сообщили, что он именно в той деревне, где располагается принадлежащая Хараджаевым ферма. Один крестьянин сумел исхитриться и освободить Алю за весьма большую сумму денег.

Это становилось тактикой. Милиционеры арестовывали людей, чтобы потом освободить за деньги. Это приносило им существенный доход.

Отец Василий

не очень нравились все учителя в нашей школе, но после моей дорогой Матрешки я отдавала предпочтение нашему учителю Закона Божьего, отцу Василию.

Отец Василий был добрым. Можно забыть наставления и проповеди священника, но вы никогда не забудете сияние его доброты. Я храню самые живые воспоминания о его крупном величавом стане, очень ясных голубых глазах, о волосах, ниспадающих на плечи широкими волнами, по обычаю русских священников, которые носили длинные волосы и бороду.

В нем не было никакой злобы. Даже когда он говорил забавные вещи, чтобы рассмешить нас, его шутки были свободны от всякой иронии. Ученики привыкли к его доброжелательности и, очень любя его, не почитали так, как должны были бы это делать. Когда батюшка проявлял строгость, мы хорошо знали, что он только делает вид, что сердится.

Родственники одной из наших подруг хорошо знали семью отца Василия, и эта ученица с юмором рассказывала нам, что там происходило. Словоохотливая и уверенная, что позабавит нас своими словами и мимикой, она передавала нам подробности о жизни отца Василия: если батюшка выглядит всегда хорошо причесанным, это потому, что матушка купила специальную щетку для его локонов, батюшка очень любил уху и всегда съедал ее три тарелки, и т.д. ... Эти маленькие незначительные детали смешили нас, так как контрастировали с красивым и импозантным обликом батюшки.

Мы были глупыми и смешливыми детьми. Нас забавляла манера говорить отца Василия. Он произносил букву «О» слишком четко, что обычно характерно для русского духовенства, и был настолько погружен в Священное Писание, что часто говорил, цитируя Евангелие и Послания святого апостола Павла; его речь и его уроки были усыпаны оборотами «как говорит нам великий Святой апостол Павел» или «как Сам Христос

повелевает нам», и т.д. ...

В прошлом году в классе мы выучили наизусть несколько глав Евангелия. Это было легко для меня, потому что я всегда любила несравненный стиль Евангелий на церковнославянском языке. Когда отец Василий спросил меня первый раз, нужно было рассказать пролог Евангелия от Иоанна, текст, который я знала лучше всего, и я быстро прочла: «В начале было Слово...», я могла бы продолжать долго, если бы батюшка не прервал меня, сказав: «Очень хорошо, как хорошая девочка, всегда сохраняйте такую ревность к Писанию». Он поставил мне пятерку.

В этом году, напротив, я с большим трудом проходила курс религиозного обучения. Мы изучали литургию. Большинство учениц уже знали ее поверхностно, так как регулярно ходили в церковь, но это был не мой случай. Я была заранее обескуражена количеством литургических текстов и ритуалов, которые надо было выучить наизусть, и всегда откладывала это задание на завтра.

Батюшка редко спрашивал своих учеников, но он должен был ставить нам оценки за каждый триместр. И поэтому между ним и нами установилась безмолвная договоренность. Опрос учеников проходил в алфавитном порядке по списку фамилий, начиная с последней буквы алфавита, поэтому мы заранее знали, когда нас спросят, и могли подготовиться. Когда подошла моя очередь, я начала учить литургию наизусть, но у меня оставалось слишком много пробелов. Накануне я собиралась трудиться до поздней ночи, но мне хотелось спать, и я больше ничего не запоминала. Я сказала себе: «Выучу завтра утром», но не проснулась достаточно рано и едва успела вовремя прийти на занятия.

Запыхавшись, я вошла в лицей, почувствовала, что сейчас случится катастрофа, и пожалела, что не осталась дома, сославшись на головную боль, вместо того чтобы сгорать со стыда перед батюшкой и перед всем классом.

Что же делать? Я усиленно думала, и ко мне пришла идея. В тот момент она показалась мне блестящей: отец Василий говорил нам, что, если у нас есть какие-либо вопросы к нему, не надо стесняться, а следует просто сказать об этом в начале урока, чтобы было время на них ответить.

Издавна я задавала себе вопросы религиозного характера, но думала, что сама должна разрешить их: размышляя и читая Евангелия, я находила собственные ответы. Ответ, который могли мне дать другие люди, высказывая свою точку зрения, возможно,

годился для них, но не для меня. Когда ответ давала Церковь, он сводился, как мне казалось, к формулировкам и словам, которые сами также были вопросами, требующими решения.

Следующий вопрос занимал меня все больше и больше: когда есть все для счастья, но мы видим рядом с собой людей, претерпевающих мучения, можно ли быть полностью счастливым? Ответ был: конечно, нет. А почему нет? По причине доброты. Как же тогда после Страшного суда Бог будет пребывать в блаженстве со своими святыми, зная, что грешники, люди, творения Его рук, претерпевают вечные мучения? Бог был справедлив, но его доброта оказывалась под вопросом.

Итак, я решила спросить об этом отца Василия: как примирить благодать Божию и вечные муки? Его ответ наверняка займет много времени, и он не успеет меня спросить.

Как всегда урок начался с молитвы. После этого я подняла руку, и батюшка подал мне знак задать мой вопрос. Он внимательно выслушал меня и сказал: «Это очень серьезный вопрос. Он заслуживает глубокого объяснения, и это очень важно для всего класса».

Сначала я почувствовала облегчение: сегодня меня не спросят, но затем мне стало стыдно за мой обман.

Батюшка ходил туда и обратно по классу, иногда он делал паузу между двумя фразами, ища самые простые слова и предложения, чтобы мы могли их понять. Он явно положил на сердце основательно и серьезно объяснить нам этот вопрос, и все это потому, что вероломная девочка не выучила урок. Из-за мучительного чувства вины я не могла внимательно слушать батюшку, но помню, что он обращался к известным догматическим источникам: к Писанию и Преданиям, к апостольским отцам, к святому Иринею, святителю Григорию Нисскому, к тому, что они написали о милосердии Божиим.

Потом он сказал: «Я рассказал вам о двух источниках познания Бога: Писание и Предание. Третий источник познания Бога — это закон Христа, написанный в сердцах ваших, по которому вы можете знать любовь Бога. Будьте абсолютно уверены, что вы это можете. Для этого было создано ваше сердце. Хотите, чтобы я вам сказал, как называется это знание Божьей любви?» Батюшка обвел глазами класс, словно хотел обнять его весь, полностью, своим взглядом, а потом сказал: «Это называется верой. Если вы чувствуете, что у вас нет веры, смиренно просите ее у Бога, и Бог даст вам ее. Бог никогда не дает камни своим детям, когда они просят хлеба».

Когда прозвенел звонок, батюшка спросил ученицу, которая сидела на первой парте и внимательно его слушала: «Вы поняли?», и она ответила: «Да, батюшка, я очень хорошо

поняла». Проходя мимо меня, он спросил: «А вы, вы теперь поняли?» Я плохо слушала, плохо поняла и сказала ему: «Не очень хорошо, батюшка». Я была вся красная от смущения. Должно быть, он подумал, что мне стыдно, что я такая глупая и ничего не поняла из его объяснений. «Это придет мало-помалу, вот увидите, вы поймете. Можно не понимать, но это не мешает надеяться. Вы никогда не ошибетесь, если полностью доверитесь милосердию Бога».

На перемене я пошла в туалет, чтобы поплакать и освежить лицо холодной водой. Никакое наказание, никакая плохая оценка не могли бы сделать меня более несчастной, чем этот вывод: я была коварной и нечестной. Теперь я знаю, как называется это мое преступление: это грех.

На следующий день было холодно, и шел снег. В школьном дворе я встретила отца Василия, его плечи и шапка были запорошены снегом. Он сказал мне: «Вы слишком легко одеты, Вы простудитесь», и я глупо ответила: «О, это не важно».

– Как это, не важно! Святой Павел сказал: «никто никогда не имел ненависти к своей плоти, но питает и греет ее». Вы должны были надеть теплый шерстяной платок.

Я сказала ему: «Батюшка, я выучу литургию наизусть на отлично».

– Очень хорошо, в таком случае я спрошу Вас на ближайшем занятии.

Но я-то хотела сказать ему то, что лежало у меня на совести: «Батюшка, в прошлый раз я ее не знала».

В его взгляде я прочла, что за какую-то долю секунды он все понял и в тот же миг все простил. Мои глаза наполнились слезами. Он сказал мне: «Ну, в последний раз мы очень хорошо поговорили все вместе, я надеюсь, вы запомните нашу беседу, но если Вы будете плакать, слезинки замерзнут у Вас на щеках. Я и не знал, что у меня в классе есть девочка, которая может плакать такими огромными слезинками».

Я подготовилась к ответу и попросила Ксению проверить меня, чтобы удостовериться, что не делаю ошибок.

На следующем занятии батюшка сказал: «Мне кажется, что я кого-то еще не спрашивал. Если я не ошибаюсь, это ученица Аносова Нина». Твердым голосом, без запинки я ответила на все вопросы, и батюшка еще раз поставил мне лучшую оценку.

Незадолго до того, как звонок возвестит об окончании урока, батюшка имел обыкновение затрагивать духовные вопросы. Он переходил от одной темы к другой без всякой видимой логики, вероятно, следуя за своими собственными мыслями.

Однажды он сказал нам: «В “Отче наш...” вы молитесь словами “избави нас от лукавого”, но если вы сами не заботитесь, чтобы сохранить свое сердце, ваша молитва не имеет смысла. Вы должны знать, что можете сбиться с истинного пути, и поэтому надо удерживать себя от фальшивых чувств. Не думайте, что все вам должны. Не говорите: “Это неправильно, что я, такой добрый и хороший, вынужден испытывать беды и несправедливости, тогда как другим, недобрым, которые зачастую хуже меня, во всем везет”, или что-то в этом роде. Не представляйте перед судом Божиим жалобчиками. В Евангелии написано, что не следует этого делать. Зная это, не слишком умиляйтесь над своей собственной судьбой, не увлекайтесь чрезмерно жалостью к себе. Это эгоистичная и не очень мужественная позиция. Это искушение. Его нужно преодолеть».

Я подумала: батюшка сказал это для меня, это меня близко касается. Что я делала, кроме как плакала о себе и жалела себя всю жизнь? Это показалось мне вдруг таким нелепым и таким детским, что я решила немедленно высмеять себя, если снова начну так делать.

Когда большевики пришли к власти, батюшка часто говорил нам, как следует вести себя перед лицом страданий, словно он предвидел время испытаний, которое ждало нас всех.

Он говорил нам также: «Дорогие мои девочки, молитвы, которые вы повторяете каждый день, и слова которые уже сами по себе присутствуют в вашей памяти, иногда могут не занимать всего вашего внимания. Старайтесь говорить их добросовестно, но не беспокойтесь, если вам не всегда это удастся, не переставайте читать их ежедневно. Они освящают ваш день и укрепляют ваши отношения с земной Церковью, так же как с Церковью невидимой и вечной.

Хочу сказать вам еще несколько слов. Послушайте меня, девочки, я старый пастырь, и в моей жизни как человека и священника были очень тяжелые моменты. В великой скорби молитва может показаться вам бессмысленной. Тогда не надо ограничиваться просьбами внутри себя и молитвами, выученными наизусть. Нужно выкрикнуть их из самой глубины своего существа. Сейчас вы этого не понимаете, но если несчастье постигнет вас, позвольте вашему сердцу возопить к Богу, и Он даст вам силы перенести все.

Когда я был молодым, у нас был первый ребенок, девочка с вьющимися волосами и огромными голубыми глазами. Мы с женой были в восторге от того, как она была мила и красива. Она заболела дифтерией, и мы потеряли всякую надежду спасти ее. Представьте себе малышку, которая задыхается так, что не может даже кричать, и только ее огромные глаза просят о помощи, а вы ничего не можете сделать, несмотря на всю вашу мужскую силу и весь ваш ум, и даже ваша вера, как вам ошибочно кажется, напрасна. Жена держала ее на руках, пытаясь убаюкать. Я не мог больше видеть ее умоляющего взора и вышел в сад. Из самой глубины своего существа я возопил к Богу нечеловеческими словами и смолк, и я вновь нашел в себе мужество подумать о жене, которая продолжала баюкать малютку до тех пор, пока дитя, в своем последнем усилии сделать вдох, вернуло свою безгрешную и чистую душу Богу, своему Создателю. Я вернулся к ней, чтобы помочь ей перенести самый тяжелый момент в жизни женщины, смерть одного из ее детей.

Детки мои, запомните опыт старика. Выкрикните к Богу вашу горе, если однажды зло будет слишком велико для обычных молитв.

Вера женщины глубоко гнездится в каждой частичке ее сердца, не забывайте этого, не сомневайтесь в своей вере. Бог доверил женщине миссию давать жизнь, и Он дал ей силу духа большую, чем мужчине».

Церковь и государство были связаны друг с другом, отречение императора положило также конец существованию Святейшего Синода. Русские епископы, думая, что только всероссийский собор может определить новое устройство Церкви, сразу, не сговариваясь, отправились в путь к старой религиозной столице России – Москве.

Все средства коммуникации были дезорганизованы, на очень большие расстояния приходилось порой идти пешком, с палкой в руке и сумой за плечами, и представлять одному за другим перед Московским митрополитом. Епископы из отдаленных областей приходили последними, и их ждали, чтобы открыть Поместный собор. Это был великий церковный Собор 1917-1918 годов в Москве. Митрополит Московский Тихон был избран патриархом Русской православной церкви.

Отец Василий говорил нам: «Мы так долго молились, чтобы русская Церковь получила нового патриарха, мы так горячо желали этого, но обстоятельства не позволяли этой мечте осуществиться. Сейчас она исполнилась, но при каких ужасных обстоятельствах».

После прихода к власти большевиков началась антирелигиозная кампания. Церкви грабили, оскверняли, иконы уничтожали. Школьников агитировали высмеивать религию и побуждали доносить на родителей, если они продолжали свою религиозную практику. Внушали, что религия это «опиум для народа», и что бедные и скромные деревенские священники – «эксплуататоры, пьющие кровь народа».

Русская Церковь становилась мученической церковью. Патриарх Тихон обратился ко всем православным русским. Он сказал: «Возлюбленные дети Православной Церкви, я зову вас последовать за мной в страданиях».

Немного позже началось систематическое уничтожение всех священнослужителей, которые не соглашались подчиниться большевистским порядкам. Это часть общего плана подавления имела целью заставить замолчать все голоса, способные отстаивать ценности нравственности, справедливости и свободы.

На дорогах, ведущих в лагеря уничтожения, образовались нескончаемые вереницы священников, за ними шло на мученичество бесчисленное множество мирян.

Отец Василий прятал у себя офицеров. На него донесли, чекисты пришли искать офицеров, забрали и отца Василия.

В тюрьме ЧК, вплоть до казни, он никогда не терял самообладания и достоинства, ободряя и утешая, исповедуя, заботясь. Верный своему обыкновению приводить цитаты из Писания, он сказал своим надзирателям: «Великий апостол святой Матфей сказал нам: не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне».

В классе нам сказали, что батюшка не пришел провести занятия, потому что заболел, но от ученицы, которая была знакома с его семьей, мы узнали, что его казнили.

Позже, когда нас освободили от красных, все ученики собрались в большом зале школы, где состоялась панихида за упокой души отца Василия. Некоторые ученицы были в трауре, и лица их осунулись от горя; их ни о чем не спрашивали, знали, что несчастье обрушилось на их семьи.

На службе исполняли великолепный гимн, взятый из богослужения в Великую Субботу, который поют только для скончавшихся священников: «Не плачь обо Мне, Мать, увидев Сына Твоего в гробнице, которого зачала Ты чудесным образом, ибо Я воскресну. Будучи Богом, Я взойду в беспредельную славу тех, кто возвеличит Тебя с верой и любовью». Все учителя, все ученики плакали, но я думаю, что самой безутешной была

девочка из моего класса, которая заставляла нас смеяться, рассказывая забавные истории из повседневной жизни отца Василия.

Отъезд из Мариуполя

Мы по-прежнему жили у Хараджаевых. Работы у папы больше не было, и не было никакой надежды возобновить строительство завода. В других городах, оккупированных немцами, некоторые заводы возобновили свою деятельность, и папа поехал в Екатеринослав, промышленный город на Днепре более чем в 200 километрах к северо-западу от Мариуполя, надеясь найти работу там. На месте его направили к шведу, владельцу завода приводных цепей, который носил его имя: Сандер-Мартинсон.

Это было очень выгодное дело, потому что основными заказчиками завода были железные дороги России. Владелец не доверял установленному немцами режиму и спокойствию на Украине и хотел как можно скорее вернуться в Швецию.

Папа предложил это дело старому Хараджаеву. Он был очень отважным человеком и купил завод, возможно, с единственной целью помочь папе в сложной ситуации.

Я всегда расстраивалась, когда в нашей жизни происходили значительные перемены. Поэтому, когда папа написал нам, чтобы мы последовали за ним в Екатеринослав, мне стало грустно. Наша неразлучная троица друзей, Маруся, Соня и я, будет разбита. Мы утешали себя надеждой, что после окончания школы все трое поступим в университет, где снова будем вместе. Одна из тетюшек Сони, старая дева, интеллигентная и полностью преданная всем своим племянникам и племянницам, обещала поехать с нами, потому что, естественно, нам не позволили бы жить одним, без компаньонки.

Мой последний вечер в Мариуполе мы провели все вместе у Маруси. У нее был очень хороший граммофон, а не с гнусавым звуком, как у большинства из них в то время; мы слушали свои любимые пластинки, затем с закрытыми глазами по очереди выбирали диски, которые, как нам казалось, должны предсказать будущее каждой из нас.

Соня выбрала польку, Маруся – оперную арию, а я медленный и торжественный военный марш. Я увидела в этом скверное предзнаменование. Прерывистый барабанный бой, пронзительные возгласы труб наполняли меня беспокойством.

Я покидала место, где у меня были друзья, где я знала, что меня любят. Какая жизнь уготовлена мне в городе, где я никого не знаю и где, быть может, в новой школе меня встретят враждебно. Я так хотела бы окончить среднюю школу среди любимых друзей и учителей.

У меня еще было время, чтобы попрощаться с Матрешей. Она снова настоятельно советовала мне идти в Университет прежде, чем заняться какой-либо деятельностью. Я обещала ей поступить после школы на факультет филологии и истории и держать ее в курсе моих дел.

Ксения, Хараджаевы и многие друзья пришли на вокзал попрощаться с нами. Оживленные, они стояли все вместе на платформе. Соня с Марусей тоже были там, и мне хотелось, чтобы они были веселыми. Несмотря на то, что отправлялась в путь одна, без друзей, я старалась не показывать, насколько грустно мне было уезжать.

Моя подруга Сфира

Катеринослав был крупным промышленным городом на берегу Днепра. На время, пока не найдем квартиру, мы поселились на полном пансионе в большой гостинице Бристоль.

Я находила обстановку там угнетающей, горничных дерзкими, официантов в ресторане самодовольными и вульгарными, и мне казалось, что небольшой оркестр, игравший за ужином легкую музыку, искусственно поддерживал атмосферу праздника.

Жизнь становилась все дороже и дороже, деньги обесценивались. Многие люди жили за счет спекуляции, покупали, что угодно, чтобы вскоре перепродать намного дороже. Они собирались в ресторане, разговаривали, косясь и оглядываясь.

Иван Иванович присоединился к нам, чтобы работать на заводе в качестве помощника папы. Он был близким другом, и мы относились к нему как к члену семьи. Папа не мог больше обходиться без него, все решения относительно завода они принимали вместе. Что касается мамы, она нашла в нем верного рыцаря. Недалеко от нашей гостиницы был театр, где провинциальная труппа давала оперетты. Папа не любил оперетту, и Иван Иванович водил маму в театр на каждую новую постановку.

В школе первая встреча с классом разочаровала меня. Я слышала, как ученики шептались за моей спиной: «Новенькая, новенькая». В этой школе было принято запугивать новеньких. Я боролась со своей застенчивостью, притворяясь безразличной, но, чувствуя, что нахожусь в центре внимания всего класса, краснела, когда ко мне обращались. Одна ученица взяла меня под свое крыло и оставалась рядом со мной на всех переменах. Ее имя было Эстер; называли ее уменьшительной формой: Сфира. Позже, когда она стала моим другом, я поняла, что она не могла не прийти на помощь при малейшем бедствии. Она была еврейкой, очень красивой, с ровным матовым цветом лица, короткими блестящими локонами и гордой, грациозной посадкой головы. В каждом ее движении было что-то

гармоничное. Сфира была талантливой пианисткой, она играла очень легко, мягко касаясь клавиш.

Сфира была одной из старших в классе, у нее был перерыв в занятиях из-за подготовки к поступлению в Киевскую музыкальную консерваторию; революция изменила ее планы, она осталась в Екатеринославе и вернулась в школу.

В этом году автономное правительство Украины решило, что во всех школах преподавание будет на украинском языке. Большинство учеников уже были немного знакомы с этим языком, на котором говорили в окружающей сельской местности. Но мне, выросшей в России, никогда не слышавшей его, было очень трудно. Украинские выражения казались мне в высшей степени смешными, а учитель украинского, так гордившийся своим родным языком, совершенно глупым. Он невзлюбил меня, полагая, что я искажаю украинские выражения, чтобы поиздеваться над ним. Он ставил мне очень плохие оценки, однажды даже был ноль с минусом, что, на мой взгляд, ясно показало, каким он был идиотом.

«Будь осторожна, – говорила мне Сфира, – он может оставить тебя на второй год, если в конце года у тебя будет ноль по украинскому. Если хочешь, я могу тебе помочь. Я уверена, что если ты каждый день будешь прочитывать одну страницу по-украински, у тебя будет большой прогресс».

Мы решили после занятий ненадолго оставаться в классе. Я читала по-украински со Сфирой, которая исправляла мои ошибки, и, в свою очередь, я объясняла ей трудные места в алгебре, которая была ее слабым местом. Так Сфира стала моей подругой.

Сфира была сиротой и жила со своими тетушками, державшими ателье чулочных изделий. Однажды Сфира простудилась, и я пошла к ней, чтобы передать домашнее задание. Она жила в старом районе, на узкой улице, застроенной небольшими заводскими домами.

На нижнем этаже ее дома выпекали сдобные булочки в форме коротких плетеных косичек, которые очень ценились в Екатеринославе. Это был семейный бизнес, по вечерам дети продавали их на бульваре. На лестнице, ведущей на второй этаж к ателье, вкусно пахло булочками. Это ателье давало средства к существованию трем тетушкам Сфиры. У них не было наемных рабочих, они все делали сами. Одна из них была вдовой, а другие – старыми девами.

Сфира была их солнечным лучиком, их гордостью и радостью в жизни. В ателье стояло также фортепьяно, и когда она играла, лица ее тетушек восторженно сияли. Любимым композитором Сфиры был Шопен. Она играла его с мягким и ностальгическим лиризмом. Однажды, поднимаясь по лестнице, я услышала звучание «Революционного этюда». Я подумала, что его играет другой пианист, настолько поражена была силой и мятежностью ее исполнения.

Внешность тетушек Сфиры была чисто еврейской. Сфира была среди них словно грациозный лебедь в пруду для уток. Одна из тетушек шила ей платья, и я помню, что школьная форма сидела на ней лучше всех в классе.

Старый учитель музыки давал Сфире бесплатные уроки. По его словам, это было венцом его преподавательской карьеры. Но ни обожание тетушек, ни похвалы учителя не изменили простоты и приветливости Сфиры.

Когда одна из тетушек приносила самовар, на столе появлялись плетеные булочки с первого этажа. Какая безмятежность царила в ателье с невысоким потолком! Чувствовалось, насколько едины члены этой семьи. Поскольку я была подругой Сфиры, тетушки и на меня переносили частичку своей нежности.

Однажды я сказала одной из них, как восхищаюсь игрой Сфиры, и что никто не может играть Шопена лучше нее.

«Она великий пианист, но главное – у нее золотое сердце», – ответила тетя, слегка касаясь блестящих волос Сфиры пальцами своей пухлой руки, и Сфира взяла эту руку в свою, чтобы приложить ее к губам.

Впоследствии у меня появились и другие друзья в школе, но Сфира занимала особое место. Только ей одной я сказала, что пишу стихи. Я была уверена, что она не посмеется надо мной и чистосердечно скажет мне свое мнение. Это были стихи в прозе, потому что мне казалось, что рифмы накладывают ограничения и препятствуют фразам свободно развиваться, следуя своей внутренней гармонии. Древние русские народные произведения также были написаны белым стихом. Я переписала свои стихи в тетрадь и подарила Сфире.

Бандиты

Когда в ноябре 1918 года стало известно, что в соответствии с условиями перемирия немцы покинут Украину, возникло опасение, как бы в наш город не вернулись большевики.

Мама говорила, что нужно продать все, кроме драгоценностей, и уехать за границу, пока это еще возможно. Хорошо бы поселиться в Швейцарии: там живут богатые иностранцы, и девочки, вероятно, составят там хорошие партии. У нее был план: в Швейцарии мы купим отель, который позволит нам жить, даже если на первых порах он не принесет нам прибыли.

Она была поглощена мечтой об отеле, который часто всплывал в разговоре. Она говорила нам: «Швейцария очень красивая страна, там есть горы со снежными вершинами, восхитительные луга, прозрачные озера. И люди доброжелательные и жизнерадостные».

Папа не хотел даже слышать об этом. По его мнению, большевистский режим не может продолжаться долго, непременно будет установлено компетентное и либеральное правительство, поскольку все увидели, что большевики ведут страну к гибели. Это было, впрочем, всеобщим мнением. Но мама стояла на своем: нужно оставить завод и ехать за границу. Были споры, слезы и негодования. «Как можно, – говорил папа, – бросить завод, который только что купили, и уехать в неизвестность, незнамо куда?» Для мамы все это было не важно, она боялась большевиков, и единственное, что имело значение, это уехать.

Однажды в дверном проеме появилась всклокоченная борода Карпова. Он хотел, чтобы папа взял его к себе на завод.

– Ты всегда работал на строительных площадках, что я буду делать с тобой на заводе?

– Может быть, я как всегда, справлюсь. Главное начать, я постараюсь хорошо Вам служить, я смысленый как никто другой.

И, действительно, Карпов очень быстро приспособился к работе на заводе и,

благодаря своему хорошему настроению и детской доброжелательности, создавая во всех мастерских благоприятный климат, стал необходимым доверенным лицом. На других заводах города у директоров и инженеров возникали серьезные недоразумения с рабочими, но на папином заводе было спокойно. Вероятно, отчасти благодаря Карпову и его здравому смыслу.

В сельской местности конфискации и поборы большевиков привели крестьян к крайней нищете. Закон, принятый при старом режиме, обязывал иметь в хранилищах зерно для страховки от возможного неурожая. Эти запасы также были конфискованы и проданы большевиками за границу.

Многие молодые люди покинули свои деревни и блуждали по дорогам, занимаясь разбоем, собираясь в банды, к которым присоединялись вооруженные дезертиры. Некоторые из этих банд объединялись. На Украине самыми значительными были банды Махно, которые причисляли себя к украинским социалистам Петлюры. Махно был малороссом, грубоватым, но хитрым. Бойцы звали его «батька Махно». Он знал, как использовать несколько ключевых идей, чтобы поднять и собрать вокруг себя массы. Его лозунгами были «Бей жидов, спасай Россию», «Смерть буржуям», «Долой советы», «Земля крестьянам». Махно выставлял себя освободителем русского народа от большевиков, немцев и союзников. Это был непримиримый противник Добровольческой армии, которую он ошибочно считал защитницей интересов международного империализма и русского дворянства.

Первое нападение группы Махно на наш город состоялось, когда мы еще жили в гостинице. Однажды рано утром мы проснулись от криков и выстрелов. По коридору бежали люди, крича «Махно, Махно!». Мы едва успели одеться, как послышалась команда: «Все вниз, за неподчинение – расстрел». Вооруженные солдаты выталкивали всех на лестницу и заставляли спускаться; мы присоединились к другим постояльцам гостиницы. У некоторых не было времени одеться, и они были в домашних халатах.

Внизу за регистрационной стойкой был человек, застывший в странной позе, застрявший между креслом и столом. Я удивилась, почему он сидел в такой неудобной позе, и вдруг заметила на его лице струйки крови. Все закружилось перед глазами, я собрала с силами, чтобы не потерять сознание и идти прямо вперед. Папа держал меня за руку, и я, как автомат, не спотыкаясь, спустилась по узкой лестнице к большому подвалу гостиницы,

куда нас заставили войти. Через вентиляционные окна проникал слабый свет, и в полумраке видны были люди, уже находившиеся там. Некоторые сидели на земле, другие стояли вдоль стен. Там была груда дров, и мы сели на нее. Затем мы услышали, как захлопнулась тяжелая дверь над лестницей, и повернулся ключ в замке.

В подвале пахло угольной пылью и плесенью, было холодно. Мы боялись. Время шло медленно. Люди размышляли о том, что хотят сделать с нами солдаты Махно. Один человек сказал: «Не надо строить иллюзий, они разграбят гостиницу, а затем подожгут ее. Все мы поджаримся, как крысы». Папа утихомирил его, сказав, что сейчас не время еще больше пугать детей, которые там были.

Несколько человек начали снимать решетки с вентиляционных отдушин, чтобы попробовать убежать, но, разглядев солдатские сапоги на тротуаре перед гостиницей, отказались от попытки к бегству.

Наконец, дверь подвала открылась. Несколько солдат спустились и стали шарить по карманам людей, ища деньги. Один солдат крикнул: «Это еврей, возьмите его». Рядом с нами стояла пара, мужчина сказал, что он потерял документы, одеваясь в спешке под давлением солдат. Его спросили: «Ты кто?» – «Помещик», — ответил он. Этого не следовало говорить, потому что сторонники Махно наибольшую неприязнь испытывали к помещикам. Солдат сказал: «Возьмите его». Женщина, которая была рядом с ним, закричала: «Это мой муж, я пойду с ним». Человек пытался ее образумить: «Нет, останься, душенька, останься, это ничего, я вернусь». Но женщина вцепилась в него. Их взяли обоих. Теперь группа солдат приближалась к нам. Мое сердце билось так сильно, что, казалось, готово разорваться.

Наташа зарылась лицом в мамину юбку, и мама прижала к себе ее голову. Только бы она не начала плакать! Я нашла Наташину руку, она дрожала как осиновый лист. Солдаты осветили лицо папы электрическим фонариком, спрашивая: «Кто ты?» – «Конторский служащий». – «Твои документы», – сказал солдат, но в этот момент на улице началась беготня, сверху, на лестнице, послышались громкие крики: «Внимание, все на станцию». И солдаты побежали, оставив дверь открытой. Мы немного подождали, а потом начали выходить. Солдаты исчезли. За окнами видны были беспорядочно лежащие на тротуаре трупы расстрелянных.

Было очевидно, что город не охраняется, и неожиданно могут появиться другие банды. Мои родители решили покинуть гостиницу как можно скорее. Взяв только самое необходимое, мы пошли к нашим друзьям, Розенбахам, просить приютить нас на несколько

дней. На тротуаре перед гостиницей по-прежнему то здесь, то там лежали тела убитых. Я узнала жену помещика, она упала на мужа, раскинув руки, словно хотела защитить его своим телом.

Семья Розенбах жила в тихом переулке. Они слышали выстрелы, но не видели солдат. Нас приняли очень доброжелательно. Горячий кофе с молоком, которым нас угостили, вернул мне чувство действительности, и мало помалу я утратила ощущение нереальности происходящего. Они предоставили нам две комнаты в своем доме. Мы обедали вместе с ними и четверьмя их сыновьями, двое старших из них были уже студентами. Во время одного из этих обедов произошел инцидент, объяснить который можно только всеобщим нервным переутомлением.

За столом говорили о русской литературе, сравнивая ее с немецкой. Розенбах-старший сказал, что русские писатели слишком мрачно изображали жизнь при царском режиме, и аморальное поведение их героев не способствовало смягчению нравов, что привело к нынешней катастрофе. В качестве примера он привел известный роман Толстого «Анна Каренина». Розенбах восхвалял святость брака, супружеской верности и противопоставлял их развращенным нравам и эмансипации женщин. Сфера жизни женщины, сказал он, сводится к трем понятиям: дети, кухня, церковь. Это был конек его убеждений. Папа же хотел искренней любви и отказа от социальных ограничений. Он, который был так строг к «экзальтированности» моей натуры, горячился, когда дело касалось защиты идей гуманизма. Разговор принял бурный характер. Я видела, что мама и миссис Розенбах пытались повернуть разговор, но эти двое мужчин больше не контролировали себя и даже, казалось, утратили простую вежливость.

Когда мы вернулись в свои комнаты, мама упрекала папу за вызывающее поведение по отношению к людям, которые так любезно оказали нам гостеприимство, но папа возразил, что уважающий себя человек не может промолчать перед высказываниями, способными исказить мировоззрение молодых людей. «Ты, по крайней мере, поняла, что я говорил?» – спросил он меня. В то время я думала, что из уважения к себе всегда должна говорить правду, если спрашивают мое мнение. Я сказала, что мне очень понравились все романы Толстого, но я не люблю Анну Каренину, потому что она была плохой матерью; если бы у меня был ребенок, я никогда не покинула бы его ради красивого молодого человека. Конечно, это было только наивная точка зрения, и у меня не было никакого намерения оскорбить маму, которая оставила моего отца, чтобы второй раз выйти замуж,

но инстинктивно я была солидарна с ребенком, потерявшим одного из своих родителей.

Последовал длинный выговор, который показался мне несправедливым, потому что я только искренне ответила на вопрос, и, в конце концов, у меня было право на личное мнение. Я даже не слушала рассуждения папы, я следовала за своими мыслями, сама удивляясь их жестокости. Сегодня мне кажется странным, как между родственниками и друзьями, которые прошли через большие опасности и жили в мучительной неуверенности в завтрашнем дне, мог вспыхнуть такой конфликт во имя философии и морали.

Этот наш случай не был уникальным, такие конфликты возникали в самых любящих семьях и иногда даже приводили к разрывам. Ничто больше не было стабильным, любое разногласие раздражало, и многие связи распадались.

Спор об Анне Карениной никак не сказался на наших дружеских отношениях с Розенбахами, и мы еще несколько дней оставались у них дома.

Дом консула

В Екатеринославе оставался только один иностранный консул, но он тоже собирался уезжать. Узнав, что мы ищем жилье, он встретился с папой и предложил ему занять его квартиру до его возвращения. У него было много дорогой мебели, и он боялся, что его ограбят, если никто не будет там жить. Для нас это было неожиданной удачей, и мы переселились к нему, на Полевую улицу возле утеса, нависающего над Днепром. Квартира была роскошно обставлена. Стены гостиной обтянуты шелком цвета слоновой кости, а кресла покрыты золотисто-желтым атласом.

Я жила в одной комнате с Наташей. Свой стол я поставила около окна, откуда открывался широкий вид на другой берег Днепра. Вечером я не закрывала ставни и, увидев мерцание первых звезд и появившиеся огоньки на противоположном берегу, зажигала лампу, и мне нравилось думать, что ее видно издалека. Для меня это было знаком в ночи, знаком моего присутствия на этой земле, маленькой дружеской весточкой огромному миру: может быть, кто-то увидит его и утешится. В то время я была очень романтична и придавала поэтический смысл самым обыкновенным вещам повседневной жизни.

Однажды вечером я услышала громкий треск, окно разлетелось вдребезги, и позади меня на середину кровати упал камень. С этого дня мне запретили зажигать свет раньше, чем я закрою ставни.

Среди различных предметов, оставленных консулом, была небольшая стеклянная лупа, которая вращалась на штативе. Я ставила ее на стол и, всматриваясь в свое отражение в зеркале, проникала в тайну той незнакомки, которой была я сама. Что бы я ни делала, мои глаза время от времени обращались к этому маленькому стеклышку.

Я жила тогда в двух очень разных мирах. Один из них был связан с тревогой и страхом за следующий день, в нем жили и все окружающие; другой мир был моей тайной, моей внутренней жизнью, связанной с моими собственными мыслями, мечтами, чтением,

моей дружбой со Сфирой.

Той осенью 1918 года Наташе было десять лет, а мне пятнадцать. Наташа занималась с учителем дома. Она была маленькой решительной личностью, сообразительной не по годам; она быстро выносила суждения и приспосабливалась к любым обстоятельствам. С такими же сине-голубыми глазами и длинными изогнутыми ресницами, она все больше и больше походила на маму.

Когда мы переехали в дом консула, я стала жить по соседству с одной из моих одноклассниц. Это была крупная и сильная девочка, простая и добрая. Ее звали Инна. Мы привыкли вместе ходить в школу и обратно. Утром я видела через окно свет в ее комнате, когда он гаснул, это означало, что Инна выходит, и я как раз успевала спуститься и присоединиться к ней.

Направляясь к Инне, я проходила через сад, потому что наша общая стена начала рушиться, и было легко проскользнуть через пролом. У нас с Инной была еще одна подруга, Наточка. Она была миниатюрной круглолицей блондинкой, веселой, грациозной, всегда в хорошем настроении, покладистой и очень доброжелательной. Мы с Инной ее очень любили.

Жизнь шла своим чередом. Покидая Мариуполь, я расстраивалась, думая, что буду жить в полном одиночестве, но теперь я опять нашла новых друзей.

Вскоре после нападения банд Махно, как мы и опасались, город без боя был занят красными, но они были еще малочисленны.

Власти применяли бюрократические меры, часто абсурдные, и вводили бесконечные изменения. Например, жильцов заставляли убирать снег на тротуарах перед своими домами; они не имели права никого нанять для этой работы. Нас эта несправедливость не беспокоила, скорее это было физическим упражнением, но дворник, который прежде отвечал за уборку всей улицы, пошел узнавать, кто лишил его работы. Ему сказали, что это сделано по постановлению властей, и он удалился, ворча, что беднякам не дают заработать на жизнь.

На заводе то и дело требовалось составлять детальные отчеты по состоянию складов,

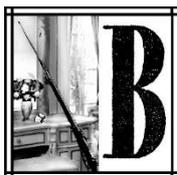
производственных мощностей, и т.д. Папа и Иван Иванович тратили много времени на составление этих отчетов, которые вместе с другими складывались в конторах и никем не читались.

Наш дом, как и в Мариуполе, отличался гостеприимством; к нам часто приходили друзья и соседи, потому что в эти переменчивые и тревожные времена нам хотелось быть вместе. Некоторые завсегдатаи нашего дома были молодыми людьми. Один из них, Альфонс, был родом из Прибалтики. Он был высокий, хорошего телосложения; вероятно, он считал себя очень красивым, потому что любил принимать величавые позы, но на самом деле, это было нелепо. Мои друзья подсмеивались над ним и прозвали его «Альфонс V, Кожаные сапоги» из-за его больших военных сапог из рыжеватой кожи.

У Альфонса было несколько столкновений с комиссарами из коммунистов. Чтобы избежать неприятностей, он вступил в германскую коммунистическую группу «Спартак», которая состояла из немецких дезертиров, оставшихся в России после ухода их армии. Альфонс целые дни проводил в дежурном помещении группы.

Другие молодые люди искали случая уехать и присоединиться к Белой армии. Вечером к нам часто приходил эстонец тридцати лет по имени Эрнест. Он был таким скучным и тупым, что мои родители предпочитали удаляться в свою комнату, когда он приходил, и посылали меня составить ему компанию. Он медленно говорил о незначительных и хорошо всем известных вещах. Он и спартакист Альфонс особенно запомнились мне, потому что они оба пришли к нам на помощь в трудные времена.

Страшные времена

В моей комнате стоял большой деревянный сундук, закрытый на ключ. Консул сказал, что в нем дорогой хрустальный сервиз, и просил нас не пытаться его открыть и не передвигать на другое место. Скрытый под множеством подушек, этот сундук служил нам диваном.

Однажды красные пришли к нам с обыском. Дома были только мама, Наташа, я и моя подруга Наточка. Молодой комиссар с красной повязкой на рукаве, в сопровождении двух милиционеров, представился и сказал: «Обыск, вы прячете в своей квартире оружие». Мама ответила, что у нас не было оружия. «Это мы сейчас увидим», – сказал комиссар. Он пошел прямо в мою комнату и остановился перед деревянным сундуком.

— Что там внутри?

– Хрустальный сервиз, мы никогда не открывали этот сундук, он принадлежит прежнему владельцу квартиры.

Милиционеры взломали сундук. К нашему великому изумлению, в нем было много металлических шаров.

«Гранаты, – сказал комиссар, – вот ваш красивый хрустальный сервиз».

Затем он подошел и открыл бельевой шкаф, содержащий, по словам консула, технические книги. За первым рядом книг комиссар нашел огнестрельное оружие и боеприпасы.

«И здесь тоже хрустальный сервиз, – язвительно заметил комиссар, – вы прячете оружие и готовите заговор против народной власти».

Мама, при всей своей беззаботности, обладала замечательным хладнокровием и находчивостью. Она стала утверждать, что не знала, что в нашей квартире было спрятано оружие, что она может это доказать и что она знакома со спартакистом высокого ранга.

Комиссар согласился подождать прибытия Альфонса. Наточка, которая знала улицу, где находился дежурный пункт, пошла туда вместе с Наташей, чтобы Альфонс сразу понял, что она пришла за ним по поручению мамы.

Как истинная светская дама, мама попросила комиссара пройти с ней в гостиную и там привычно начала один из тех незначительных и легкомысленных разговоров, которые дают человеку возможность порисоваться и выставить себя в лучшем свете.

Когда пришел Альфонс, комиссар пожал ему руку и сказал: «Если вы поручитесь за эту семью, вашего слова мне будет достаточно, товарищ спартакист». И обратился к милиционерам: «Если кто-то из вас украл что-нибудь в этом доме, пусть вернет, иначе получит от меня пулю в лоб». Тогда один из милиционеров достал из кармана мамин маленький театральные бинокль, инкрустированный перламутром, который она держала на столе.

Комиссар ушел, шагая гордо и решительно. Он был очень молод, и у него была мания, напустив на себя важность, проверять все самым серьезным образом. Можно сказать – комиссар из оперетты, и это было бы смешно, если не знать, что эти опереточные комиссары сеяли смерть и ужас.

Очевидно, кто-то донес, что у нас есть оружие, но кто? И почему консул спрятал оружие, как он мог подвергнуть нас такой опасности?

Альфонс остался с нами до вечера, и когда вернулся папа, посоветовал ему уничтожить все вещи, фотографии и документы, которые указывают на нашу бывшую принадлежность к правящему классу. В гостиной мы развели огонь в камине и сожгли все документы, которые могли бы скомпрометировать нас перед коммунистами. Затем пришла очередь портретов предков. Поскольку большинство из них были в украшениях и мундирах, было необходимо, чтобы портреты исчезли. Одну за другой картины вынимали из рам и клали в огонь. Масляные краски на старых картинах вздувались, трескались, и черты лица исчезали в пламени. Я взяла овальный портрет моей бабушки Аносовой и попросила отдать его мне: он был маленький и без рамки, его легко было спрятать. Но художник так тщательно изобразил там драгоценности, что решили сжечь и его. Так я увидела, как огонь стирает это, похожее на мое, лицо.

Потом Иван Иванович и папа распилили позолоченные рамы и также сожгли их.

Однажды я сидела перед своим окном и увидела большого тучного человека,

бегущего по крыше дома напротив. Он бегал от одной стороны к другой, явно пытаясь спрятаться. Он остановился, посмотрел на наш дом и заметил меня. Я чувствовала, что должна что-то сделать для него, другой на моем месте наверняка нашел бы способ помочь ему скрыться. Я молилась: «Боже, сделай так, чтобы я что-то придумала!» Человек бросился бежать, а затем снова остановился. Не раздумывая, я сделала широкое крестное знамение в его сторону. Не знаю, как он истолковал мой жест, но он убежал и скрылся за трубой.

Много раз я останавливалась на тротуаре напротив, пытаясь представить себе, как тот человек мог увидеть и понять мой жест. Я терзалась от мысли, что, может быть, из-за меня он плохо спрятался и был пойман.

В тот период мама сильно изменилась. У нее появились глубокие круги под глазами, и ее озабоченный взгляд все время переходил от одного предмета к другому. Она, которая никогда не работала своими руками и говорила о себе, что была бездельницей и легкомысленной женщиной, в эти тревожные часы испытывала потребность действовать. Она перекладывала свою одежду с места на место, наводила порядок в ящиках, из поношенного белья она вырезала маленькие кусочки батиста, разглаживала и делала из них платочки, обшивая кружевом, рисунок которого придумала сама. Ей говорили, что почти все они слишком маленькие и тонкие, и ими невозможно пользоваться как носовыми платками, но она возражала, что, напротив, они очень хорошие.

Утром, как всегда безупречно причесанная, она приготовилась выйти из своей комнаты и привычным жестом прикоснулась пробочкой от флакона с духами за ушами, но уже долгое время все ее флакончики с духами были пусты. Тогда она села в гостиной в золотисто-желтое кресло и взяла из корзинки для рукоделия свои маленькие платочки и кусочки кружева. Ей только что исполнилось сорок лет. В день ее рождения, Эрнест, который никогда не упускал возможности совершить бестактность, сказал ей: «Поздравляю Вас со вступлением в пятое десятилетие». Это задело ее.

Мама часто говорила о своей молодости и рассказывала нам, что происходило тогда в Саратове. О Петрограде она не вспоминала, а только о Саратове и своих поездках за границу с Ефимом, моим отцом. Она описывала нам Ниццу, Канны, Монако, итальянскую Ривьеру и Венецию.

Была зима, у нас не было отопления. Улицы были завалены снегом. Часто отключали электричество. Мы жили в тоске и страхе за завтрашний день, но моя мать, в окружении

батиста и кружева, создавала искусственный рай, наполненный солнцем и цветами на фоне сверкающего моря, вызывая в памяти рафинированную обстановку, красивые летние туалеты, легкие вечерние платья, которые восхитительно сидели на ней, рассказывая о своих прихотях красивой женщины и своих бесчисленных успехах в свете.

Многих наших знакомых арестовали. Никто не знал, что с ними случилось дальше. Мы никогда больше не слышали о них.

Люди говорили, что есть списки тех, кого арестуют, но никто не знал, из чьих имен они состояли: в них были люди, занимавшие высокое положение при прежнем режиме, но также и другие, в которых, казалось, не было ничего из ряда вон выходящего. Так пришли арестовать заводского бухгалтера. Это был высокий худощавый человек, с узкими плечами, который держался неуверенно, словно всегда хотел остаться незамеченным. Кто мог внести в роковой список этого безобидного и мягкого человека? В день, когда арестовали некоторых из его друзей, стало ясно, что все они были членами партии умеренных социалистов, от которой большевики хотели избавиться. Арестовали некоторых директоров заводов. Господин Розенбах спрятался на острове, образованном рукавами Днепра, где летом был трактир.

Нам стало не хватать угля и дров для отопления. Печь разжигали только в столовой, которую было легче нагреть, чем большую гостиную, и проводили там вечера, сидя вокруг единственной керосиновой лампы. В течение дня к нам приходили друзья, но вечером мы оставались одни, потому что с наступлением темноты никто не выходил на улицу. Чтобы скоротать эти долгие и грустные зимние вечера, мы просили Ивана Ивановича почитать нам. У него был приятный голос и спокойная, располагающая манера чтения. Теперь, когда библиотека консула была открыта, у нас был большой выбор книг. Казалось, что мирная жизнь, о которой читал нам Иван Иванович, ушла безвозвратно, и навечно обрушились на нас зима и запустение.

Однажды вечером мы, как обычно, сидели в столовой, когда послышался стук в дверь.

Я подумала: «Вот, это случилось! Коммунисты пришли арестовать папу, или, может быть, убить нас всех». Каково же было наше облегчение, когда мы узнали Карпова с двумя рабочими с завода. Узнав, что подготовлен новый список, где фигурировало имя папы, они

пришли защитить его.

«Спасибо, братцы, – сказал папа, – я знал, что могу рассчитывать на вас, но как нам вас разместить?»

В конце концов, в гостиной положили друг на друга несколько ковров, и Карпов со своими ребятами спали у нас много ночей, пока они не нашли человека, который пообещал, что имя папы будет вычеркнуто из списка, и он может не беспокоиться.

На первом этаже в одной из комнат для прислуги жила старая служанка консула, Анисья, высокая угловатая женщина с маленьким тугим узлом волос на макушке и крючковатым носом. Поговаривали, что она колдунья. С некоторых пор она стала проявлять признаки умственного расстройства, и, кроме того, она пила. Вечером, а иногда глубокой ночью, она выходила в сад, выкрикивая угрозы и сквернословя, или пророчествовала, что конец света совсем близко, а коммунисты слуги антихриста. Ее пытались утихомирить и уговорами, и угрозами, но она продолжала кричать в ночи, призывая весь мир в свидетели, что Божий суд неминуем, и декламируя отрывки из Откровения.

В глубине нашего сада был небольшой сарай для инструментов. Пономарь приходской церкви пришел предупредить нас, что в этом сарае от угрозы ареста прятался священник. Его матушка ночью приносила ему горячую пищу, пробираясь через дыру в ограде за сараем. Пономарь просил, чтобы никто из нас не говорил со священником, чтобы не привлекать к нему внимания.

Ночью страшно было слышать вопли Анисьи, думать о бедном священнике, лежащем на голой земле в сарае, и знать, что по темным длинным улицам ходят комиссары, неся смерть и опустошение.

В нашей школе учились пять девочек из одной семьи, по одной почти в каждом классе. Они были настолько похожи, что их часто путали. У них был очень хороший характер, и они никогда не обижались, если одну из них принимали за другую. Рассказывали – было ли так на самом деле? – что однажды учитель спросил одну из них: «Это Вы или Ваша сестра?»

Их отец был полковником царской армии. Он присоединился к Добровольческой армии в начале ее формирования. Красные пришли к ним с обыском. Они спросили у

матери, где ее муж, и она ответила: «Он в командировке».

– В командировке у белых, – сказал комиссар.

Это происходило в коридоре их квартиры. Перепуганные девочки окружили свою мать. Комиссар вынул револьвер и расстрелял всех, одну за другой. Рассказывали, как их служанка, бывшая свидетелем этой сцены, плача, повторяла: «Они упали, как карточный домик, одна на другую, бедные маленькие ангелочки, бедные невинные малютки».

В школе все мы были потрясены и не могли осознать, что они зверски убиты, и мы больше никогда не увидим их.

Жизнь была мрачной. Отныне казалось невероятным, чтобы коммунистический режим мог закончиться. Мы были как бы в оцепенении, в бесконечном ожидании окончательной катастрофы.

В эти ненадежные времена, мне запретили уходить далеко от дома, туда, где жила Сфира, и я проводила много времени с Инной, так как, чтобы увидаться, нам достаточно было пробраться через брешь в садовой ограде, не выходя на улицу.

Инна была набожной, она принадлежала к одной из тех семей провинциальной мелкой буржуазии, которые хранили все старые обычаи и традиции, добросовестно соблюдая памятные даты, праздники и посты, предписанные Церковью, никогда не пропуская утренние и вечерние молитвы, которые они совершали все вместе.

В то время распространился обычай всегда иметь при себе текст 90 псалма Давида. Его переписывали на тонкую бумагу, чтобы сделать крошечный рулончик, который затем зашивали в кусочек ткани. Его носили как святыню.

По примеру Инны, я сделала маленькие рулончики с этим псалмом для всей своей семьи и часто повторяла в течение дня:

«Живущий под кровом Всевышнего
Под сенью Всемогущего покоится,
Говорит Господу: “Прибежище мое и защита моя,
Бог мой, на Которого я уповаю!”»

Для Инны Православная Церковь действительно была Телом Христовым, и она очень почитала всех святых. Такое отношение было для нее совершенно естественным, оно пришло к ней с воспитанием, полученным с самого раннего детства.

Для меня, чья семья не принадлежала к какой-либо отдельной Церкви, это было не так просто, и критический дух не прошел мимо моих религиозных чувств. У меня была тоска по тому земному раю, в котором должно быть полное принятие святости Церкви, к которой мы принадлежим. Я жалела, что не имею такого безусловного воодушевления, как у моей подруги.

В субботу я часто ходила с Инной к вечерне. Благодаря отцу Василию я хорошо помнила ход службы и знала, в какой момент литургии услышу любимые псалмы, которые ложились мне прямо в сердце.

Меня глубоко трогало пение хора: «Господи! к тебе взываю: поспеши ко мне, внемли голосу моления моего, когда взываю к Тебе. Да направится молитва моя, как фимиам, пред лице Твое...»

Я также очень любила гимн, который называется «Свете тихий»; он поется, когда открывают центральные врата иконостаса и показывается освещенный алтарь. В древней Церкви II века этот гимн пели, когда вечерело, и приносили лампу. Основная символика первых веков проводила аналогию между этим светом и Светом Христа. Этот гимн поется тихо: в то время, когда опустившееся на западе солнце оставляет на небе свет вечерней зари, мы прославляем Свет Отца Небесного, Иисуса Христа.

Старославянский язык, на который переведены богослужебные книги, оставался неизменным с девятого века и никогда не был разговорным языком в России, сохранившись исключительно в литургии и древних религиозных текстах для чтения. Таким образом, каждое слово получило мистическое значение, которое нельзя выразить мирским языком.

Пасха 1919 года

концу зимы в школе ко мне уже вполне привыкли, и меня приняли в компанию друзей, которые любили собираться вместе.

Часть школ реквизировали под административные конторы, нашу библиотеку решили перевести в школу для мальчиков, и учениц попросили помочь при этом переезде. Почти все из нашего класса вызвались добровольцами. Это вносило разнообразие в нашу монотонную и печальную жизнь.

Воскресным утром мы собрались в школе. Каждая девочка брала столько книг, сколько могла унести, и маленькими группами мы курсировали между двумя школами, болтая и переключаясь с другими. Погода была хорошая. Таял снег, первое весеннее солнце заставляло нас щуриться. Тротуары были уже сухими, но на проезжей части между лужами лежали островки мокрого слежавшегося снега, на которые мы ступали, переходя улицы.

Заботы и тревоги нынешнего времени создавали в наших семьях гнетущую атмосферу, но когда мы были в своем кругу, юность брала верх, и на какое-то время мы забывали свои невзгоды.

У моей подруги Наточки были две старшие сестры, которых я уже знала, и брат двадцати пяти лет, с которым я еще никогда не встречалась.

Наточка много раз говорила нам об этом брате: он был добрым, они с сестрами могли попросить его о чем угодно, и он всегда был готов им помочь. Когда он решил пойти в судебное ведомство, уже закончив изучать право, они сказали ему, что его миролюбивый и покладистый характер не очень подходит для такой деятельности, но он ответил, что именно там необходимо присутствие доброжелательных людей.

Пасха в тот год была очень рано, в начале апреля. В Святую Субботу я пошла с семьей Инны в церковь на пасхальную всенощную. В конце бдения, согласно обряду, нам раздали свечи. Неся зажженные свечи, мы вышли и направились крестным ходом вокруг

церкви с пением: «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангели поют на небеси...» Тишина ночи, трепещущее пламя свечей, поднимающееся к звездному небу пение, несравненная красота обряда наполнили меня легкой грустью. Я посмотрела на Инну; она пела своим чистым голосом: «Ангели на небеси», и в ее взволнованном лице тоже было что-то ангельское.

По традиции, вернувшись к входу в церковь, процессия останавливается, и священник воспевает Воскресение Христово: «Христос воскрес из мертвых, смерть поправ и сущим во гробех живот даровав». Священник произносит эти слова трижды, и всякий раз ему вторит хор. Затем он приветствует присутствующих словами: «Христос воскрес», и все отвечают ему: «Воистину воскрес». После этого каждый поворачивается к своим близким и друзьям и три раза говорит им, целуя в щеку: «Христос воскрес», и они отвечают: «Воистину воскрес». Когда я поцеловала Инну, ее глаза были полны слез. Она обняла меня в ответ горячим порывистым движением.

В это пасхальное воскресенье я проснулась поздно, все еще под впечатлением от замечательной ночной службы. Я тщательно оделась, расчесала волосы так, что они начали блестеть, вплела в косы шелковые ленты, похрустывавшие под пальцами и которые я берегла для самых важных случаев. Мы давно уже не могли покупать одежду, и мои старые платья становились короткими и поношенными. Мне приходилось проявлять чудеса изобретательности, чтобы удлинять и обновлять их и незаметно штопать чулки черными нитками.

После полудня быстрым шагом я направилась к слегка наклонной улице, где жила Наточка. Солнце припекало, но воздух был еще прохладным. В садах цвели вишни.

Обычно Наточка поджидала меня у окна и сама бежала открывать мне дверь. Как только дверь открылась, я с ходу сказала: «Христос воскрес». Войдя с солнечного света в слабо освещенный вестибюль, я не сразу осознала, что передо мной стояла не Наточка, а ее брат. Совсем близко перед моими глазами я увидела два карих глаза, почувствовала две мужские руки на своих плечах и губы, слегка коснувшиеся моей щеки. Он ответил: «Воистину воскрес». Помогая мне снять пальто, он добавил: «Я думаю, Вас зовут Нинуся».

Так в мои шестнадцать лет началась грустная романтическая история моей невероятной любви, которая в это время страха, печали и слез сделалась патетической.

У него был добрый взгляд. Прошло так много лет, и я смутно помню черты его лица, но ясно вижу открытый и добрый взгляд его карих глаз.

После полудня к Наточке пришли другие друзья, и в тот день мы обменялись с ним только несколькими словами в общей беседе. На дороге, ведущей к их саду, в колее я нашла подкову. Я сказала, что это принесет счастье их дому, но Наточка заявила, что подкова принадлежит мне, потому что я первая ее увидела, и настаивала, чтобы я унесла ее с собой.

Я вернулась домой, не чувствуя под собой ног от счастья, сжимая в руке подкову.

Возле дома я встретила Эрнеста. Он спросил: «Что с вами случилось, Нинуся? Как Вы хороши сегодня!» Я не удивилась: все настолько изменилось в это короткое полуденное время, что, возможно, я стала хорошенькой. Можно было сказать мне, что я теперь ангел, и я не увидела бы в этом ничего странного, потому что переживала самое настоящее чудо.

Когда я облокотилась на подоконник в своей комнате, солнце уже почти село. Церковные колокола звали к вечеру, вдали зажглись мерцающие огоньки.

Я ничего не ждала, ни на что не надеялась. Как можно было представить себе, что он обратит на меня внимание, нескладную и застенчивую школьницу? И все же, пока звезды одна за другой загорались на темном небе, мое сердце переполнялось робкой и трепетной радостью.

В последующие недели я видела его время от времени, когда приходила к Наточке. Обычно она принимала меня в своей комнате, а затем мы шли в столовую пить чай со всей семьей. Именно там я видела ее брата. В то время разговоры всегда вращались вокруг тревожной политической ситуации. Мне особенно запомнился один из них. Говорили о Добровольческой армии, и брат Наточки сказал, что, должно быть, это страшно – стрелять по солдатам, насильно мобилизованным в ряды Красной Армии. Одурманенные коммунистической пропагандой, они по-прежнему оставались нашими храбрыми русскими солдатами. С грустной полуулыбкой он сказал также, что не имеет никакого воинского рвения и ему претит брать в руки оружие, но он не знает, имеет ли право оставаться в бездействии, когда столько людей умирает каждый день, чтобы освободить свою родину от власти большевиков.

Освобождение Екатеринослава

В те дни у нас было мало вестей о Добровольческой армии, и мы даже не догадывались, как скоро она придет освободить нас. Однажды утром мы проснулись от выстрелов и галопа лошадей. Кавалерийский отряд промчался по нашей улице, и мы узнали казачью форму; мы знали, что почти все казачьи полки присоединились к Добровольческой армии. Мы не могли поверить своим глазам, видя их высокие папахи. Люди выскакивали на улицу с криками: «Это казаки! Слава Богу, это казаки!» Вскоре зазвонили все церковные колокола, и люди побежали к Соборной площади, где собрался отряд. Казаки, подбоченясь, гордо сидели на своих конях и улыбались во весь рот. Им несли поесть и попить, лучшее, что было. Я помню женщину, которая плакала от радости, уткнувшись головой в сапог всадника.

Жизнь постепенно возвращалась к своему нормальному ритму. Больше не пугались, услышав шаги на улице, и ночью спали спокойно, не опасаясь обысков и арестов.

На стенах появились плакаты, сообщающие нам, что отныне у всех антибольшевистских армий есть единое командование, что союзники обещали прислать достаточное количество оружия, и волонтеры будут двигаться на север.

Через несколько дней после прихода казаков мы с Наточкой были в саду Инны. В какой-то момент Инна оставила нас одних, и Наточка сказала: «Брат записался добровольцем, он ходил вчера, — и, делая вид, что рассматривает что-то в глубине сада, добавила: — Он попросил меня сказать тебе, что вступил в армию». Это было больше, чем я смела надеяться. Эта фраза была для меня свидетельством, что он думает обо мне перед отъездом, и была лучом солнца в грустных воспоминаниях о моей юности.

Почтовая связь с грехом пополам была восстановлена, и однажды, спустившись за корреспонденцией, я узнала на конверте почерк Маруси. Я была так счастлива получить от

нее весточку, и мне так не терпелось узнать новости, что я села на ступеньке лестницы, чтобы скорее распечатать письмо.

Строки поплыли перед глазами, когда я натолкнулась на страшную фразу «все, кто пошел добровольцем, убиты». Маруся перечисляла имена многих лицеистов нашей группы, и среди них я нашла имя Коли. Это казалось абсурдным и невероятным, что-то во мне возмущалось и отказывалось это принять. Все они были чуть старше меня, такие горячие и полные жизни. Я долго сидела на ступеньках лестницы, как оглушенная, прежде чем продолжила чтение письма. Маруся приводила имена наших знакомых, арестованных красными, в том числе тех, о которых ничего не было известно. Она писала также, что красные разграбили дом Хараджаевых и всю нашу мебель увезли или сломали.

Друзья из Мариуполя, который был освобожден раньше Екатеринослава, пришли повидаться с нами, когда проезжали через наш город. От них мы узнали много подробностей об обстоятельствах смерти моих товарищей.

При формировании Добровольческой армии, сотни школьников и студентов пришли со всех сторон, чтобы вступить в ее ряды. Некоторые были в лохмотьях, пройдя долгий путь пешком. Часто они говорили неправду о своем возрасте, представляя себя старше, чем были. Все они, опасаясь красных, уничтожили в пути свои документы. Эти молодые мальчишки охотно отправлялись в самые опасные экспедиции. Артиллерии было крайне мало, и бронепоездов не было вовсе. Тем не менее, с самого начала и до окончания войны контроль над железными дорогами имел первостепенное значение.

Как и вся их техника, поезда Добровольческой армии, которые они называли «бронированными», были только самодельным приспособлением. На вагонных платформах стеной ставили мешки с песком, оставляя бойницы. Такая импровизированная броня недолго держалась под огнем противника, но эти поезда успешно противостояли красным, мешая им полностью захватить территории, где формировалась Добровольческая армия.

Коля погиб на одном из таких поездов во время поездки, упав среди изрешеченных мешков, сжимая в руке спусковой крючок пулемета.

Однажды в нашу дверь позвонил офицер. В этом огрубевшем и осунувшемся от усталости военном мы с трудом узнали молодого человека из Мариуполя, который работал в папиной конторе чертежником. Мы приютили его у себя. Он так устал, что почти все

время спал. Его белье и военную форму выстирали на кухне и починили, насколько это было возможно.

Пока он жил у нас, из разговоров мы узнали обо всех страданиях, выпавших на долю добровольцев в ходе боев в степях Кубани страшной зимой 1917-1918 годов, оставшихся в памяти моего поколения как героическая эпопея «Ледяного» похода.

Возвращение Ксении

Добровольческая армия триумфально продвигалась в сторону Москвы; казалось, победа над красными предрешена. В Екатеринославе все было спокойно, снабжение становилось более регулярным, и в начале лета Ксения сообщила нам, что возвращается вместе со своей семьей.

Мы сделали перестановку в квартире, чтобы принять их. Ксения с мужем должны были жить в гостиной, а старый Хараджаев в одной комнате с Иваном Ивановичем.

В день приезда родители пошли встречать их на вокзал. Я ждала у окна, и когда увидела, как экипаж останавливается у нашего подъезда, выбежала им навстречу.

Я очень радовалась возвращению Ксении, говоря себе, что теперь, когда я повзрослела, мы можем стать ближе друг другу. Но я сразу поняла, что она сильно изменилась. У этой элегантной, одетой по последней моде женщины, в маленькой замшевой шляпке, натянутой до бровей, в длинном ровном жакете и узкой юбке, были совсем другие манеры, чем у «очаровательного создания» из Мариуполя. Она и Аля были парой, и она вела себя соответствующим образом. Я думала: один и один – получается двое, но если разделить этих двоих, больше не найти того, что было прежде. Вопрос не в том, хороша или плоха эта перемена. Главное – само изменение. Я жила в ожидании, что она вернется такой, как прежде, и была разочарована.

С приездом Хараджаевых наш дом ожил. Ксения принесла с собой жизнерадостность, элегантность, партитуры модных французских оперетт. Она играла с листа на пианино аккомпанемент солдатской песенки, где речь шла о том, как французский капрал надевает оригинальную кепи, чтобы пойти на свидание с девушкой по имени Мадлен.

Возобновились занятия в школе. Опять, как и в прошлом году, произошли изменения: украинский язык отменили, геометрию заменили маркшейдерской съёмкой. Нас учили делать измерения и чертить планы.

В один из прекрасных осенних дней нас повели в сквер перед собором для практической съёмки. Сидя на траве, на пологой лужайке, мы смотрели на учителя, объяснявшего, как пользоваться различными инструментами.

Мы были уже взрослыми девушками. Многие делали прически. Несколько раз я пыталась завязать волосы в пучок, но безуспешно, дело всегда заканчивалось тем, что мои тяжелые косы выскользывали.

Наточка, сидевшая рядом со мной, с ее светлым цветом лица и сверкающими глазами, казалась мне очаровательной. И все остальные одноклассницы вдруг показались мне красивыми, как распускающиеся летом цветы. Полукруг, который они образовали на лужайке, был словно излучающий свежесть букет цветов. Черные кудри Сфиры были перехвачены вокруг головы широкой синей лентой, она походила на Мадонну. Ее широкая юбка лежала на траве, как венчик цветка.

Я рассеянно слушала учителя и думала, что все эти девочки — это мой класс, девочки, которые приняли меня к себе. Каждая отличалась от других, у каждой был свой характер, но все они были хорошими друзьями. Я любила их.

Это лето и начало осени были только короткой передышкой в нашей беспокойной жизни.

Вооруженные банды

В июне 1919 года командование Добровольческой армии констатировало, что ее численность и вооружение позволяли, наконец, начать всеобщее наступление на Москву.

Надо было спешить, потому что введение красными всеобщей воинской повинности давало им возможность значительно увеличить свою армию, и первые воинские части красных из Сибири уже противостояли добровольцам.

Со стратегической точки зрения, быстрое продвижение Добровольческой армии, которая не могла обеспечить свой тыл достаточным количеством воинских подразделений, было очень рискованно. Но после тщательного рассмотрения армейское руководство единогласно решило предпринять это молниеносное наступление, поскольку взятие Москвы, главного русского железнодорожного центра, позволило бы контролировать всю европейскую часть России. Также можно было рассчитывать на психологический эффект, который окажет на армию и все население освобождение исконного исторического и религиозного центра России.

Необходимо было взять Москву до наступления зимы, которая неизбежно приведет к остановке всех наступательных действий и позволит красным укрепить свои позиции.

В октябре 1919 года у нашего города не было никакой защиты. Добровольческая армия была теперь далеко на севере, продвигалась к Москве и была вынуждена бросить в наступление все свои силы. У нас не было никакого стабильного управления, на время хозяевами положения становились вооруженные банды Махно и Петлюры, а также красные партизаны.

Начинало не хватать еды. Дороги не были безопасными, фермеры ничего больше не привозили в город, и рынки пустовали.

Долгое время у нас не было ни сахара, ни чая, ни кофе: мы пили настой из тонко нарезанной и высушенной в духовке моркови, которую продавали с рук маленькими

пакетиками. Он был сладковатый, но не хотелось пить просто теплую воду. Пили также заменитель кофе, сделанный из желудей, он был горьким, но, в конце концов, к этому привыкли. Питались мы своими запасами картошки и гречихи.

Вооруженные банды грабили и терроризировали местных жителей. Это были сборища молодых людей, всех городских и сельских отбросов, но так как они были вооружены, они полностью господствовали над населением. Страх перед добровольцами и соперничающими бандами делал их нервными, и при малейшем сопротивлении они стреляли.

Папа запретил Карпову приходить защищать нас, потому что риск столкновений был слишком велик: лучше попытаться договориться и дать денег. Мы попросили соседей с первого этажа, чтобы они открывали, как только к нам будут стучаться, потому что иначе это всегда заканчивалось выламыванием дверей или проникновением через окна, что еще больше ожесточало бандитов.

Когда они пришли первый раз, их было много, но на наш этаж поднялись только двое, остальные караулили внизу. Они заставили нас сесть за стол в столовой, и один из них ударил о землю прикладом винтовки, крича: «Выкладываете 18 000 рублей». У нас не было этой суммы. Ксения, которая вела домашний бюджет, хранила деньги на текущие расходы в своей дамской сумочке. Она пошла за ней и высыпала ее содержимое на стол. Было немного серебра и большое количество мелких купюр, которые образовали впечатляющую грудку. Эти два человека заграбастали деньги в карманы и убежали.

В другой раз их вошло больше, и папе велели снять сапоги. Это были высокие прилегающие сапоги, и чтобы снимать их, папа пользовался маленькой скамеечкой с выемкой. Один из бандитов грубо схватил их. Другой закричал: «Все женщины – туда!» и, затолкнув нас в мамину комнату, закрыл ее на ключ.

Мы спрашивали себя, почему они сняли с папы сапоги. Ходили слухи, что они пытаются людей, выкручивая или прижигая им ноги, чтобы узнать, где спрятаны деньги или драгоценности, и мы были напуганы до смерти. Ксения начала нервно смеяться, сгибаясь пополам. Я подумала, что у нее нервный срыв, и вспомнила, что в этом случае нужно дать хорошую пощечину. Итак, я наотмашь ударила ее, после чего она упала на кровать и заплакала. Наташа, бледная и дрожащая, сидела на полу. Мама с каменным лицом

прижалась ухом к двери, но не было слышно, что происходит в столовой. Вероятно, все это продолжалось только минут десять, но они показались нам бесконечными.

Бандиты хотели взять папины сапоги, но они были слишком маленькими, и никто не смог их надеть. Они взяли кое-что из мужской одежды, деньги, которые нашли в бумажнике, и ушли.

Впоследствии мы старались всегда иметь на руках деньги, потому что знали, что когда их не дают, бандиты стреляют, не колеблясь. За пару недель было десять таких визитов.

Кто-нибудь из нас всегда наблюдал в окно за улицей и, видя их приближение, кричал: «Они идут, они идут».

По ночам меня часто преследовал один и тот же кошмар: я в Красном Куте внизу железнодорожной насыпи. Вдали виден приближающийся вечерний поезд. Со мной не Алиса, которая всегда была рядом, а вся моя семья, и мы знаем, что на самом деле огромная масса локомотива с грохотом мчится на нас и неизбежно перемелет нас под своими колесами. Мы парализованы страхом и не можем пошевелиться. Локомотив приближался. Я видела перед собой его черную массу, на меня наваливалась тяжесть, и я просыпалась, сердце бешено колотилось, в ушах еще звучал грохот поезда.

Одна из банд, грабивших население, состояла из монгольских солдат. Мобилизованные во время войны в азиатских провинциях, теперь они воевали то за большевиков, то сами за себя. Они вошли в город со стороны вокзала. Послышались отдаленные выстрелы, затем поднялся дым, и небо покраснело над кварталом, где жила Сфира.

На следующий день наша кухарка, выйдя, чтобы попытаться раздобыть какие-нибудь продукты, нашла рынок опустевшим. Она узнала от соседки, что монголы разгромили и ограбили квартал Сфиры, были мертвые и изнасилованные, а красное зарево, что мы видели в небе, было от пожара, который они разожгли, уходя.

У меня была только одна мысль в голове: пойти к Сфире и убедиться, что с ней ничего не случилось, но мне не разрешали выходить на улицу. Затем пришла Инна. Когда она вошла в мою комнату, я увидела ее лицо и спросила: «Сфира?» Она кивнула и, всхлипывая, произнесла: «Она умерла».

Мы долго сидели бок о бок на краю моей кровати, не говоря ни слова, а затем она ушла. Для меня больше не имело значения, жить или умереть. В мире, который окружал меня, жить было невозможно, и я стала безразличной ко всему, бесчувственной, порой слушающая и не понимая, о чем говорят вокруг.

К тому времени все молодые люди, которых мы знали, уже уехали, чтобы присоединиться к Добровольческой армии. Спартакист исчез, никто не знал, куда. Один только Эрнест по-прежнему регулярно приходил к нам. Его длинное лицо, его светлые зачесанные волосы и тягучий голос стали настолько привычными, что мы больше не замечали его присутствия. Мы предлагали ему морковный чай и не обращали на него внимания.

Из-за того что нам пришлось столько платить бандитам, наши денежные запасы были исчерпаны, дома больше совсем не было денег. Эрнест предложил нам привести посредника, который купит ювелирные изделия, чтобы перепродать их коммерсанту, желающему вложить свои деньги. Посредник пришел с дочерью лет пятнадцати. Брошь, которую хотела продать Ксения, он приколот к подкладке меховой шапочки своей дочери. Затем они с дочерью вернулись, чтобы принести нам оговоренную сумму, спрятанную таким же образом.

Бегство из Екатеринослава

В целом ситуация опасно обострилась. Стало известно, что битва за Москву обернулась катастрофой, так как красные прорвали фронт, их бронепоезда и кавалерия проникли в эту брешь. Один из их передовых отрядов дошел до окрестностей Екатеринослава на другом берегу Днепра и бомбардировал вокзал. Из окна моей спальни мы видели вспышки и вслед за ними слышали звуки выстрелов и разрывы снарядов.

Вместе с Хараджаевыми и Иваном Ивановичем, мы решили попробовать укрыться в Мариуполе.

Поскольку красные были на другом берегу Днепра, казалось, что сейчас не время уходить, но Эрнест сказал, что если мы хотим покинуть Екатеринослав и добраться до еще занятой Белой Гвардией области, это пока возможно, потому что на другом берегу Днепра ниже по течению, не было ни патрулей, ни красных, ни бандитов. Железнодорожная линия проходила возле Екатеринослава, нужно было пешком перейти через мост, а затем добраться до первой станции за пределами города.

Мы приняли решение очень быстро. Условились, что Эрнест заедет за нами утром на рассвете, чтобы показать дорогу, которая огибает город и выведет нас прямо к мосту.

Папа позвал Карпова и рабочих с тележками и отдал им спрятанные в подвале коробки с нашим столовым серебром и самовар с позолоченными дубовыми листьями, сказав, чтобы они продали это и разделили деньги между всеми рабочими и служащими завода.

Когда рабочие с тележками ушли, Карпов сказал папе: «Что же это делается? Мы все жили, иногда хорошо, иногда плохо, но мы жили, и все кто хотел, работал и никого не трогал. Теперь неизвестно, почему людей убивают, и все идет вкривь и вкось». Карпов потерял свое насмешливое выражение лица, казалось, он внезапно стал меньше. «Почему

вы должны покинуть нас сейчас? Кто выдумал такие законы? Все это происходит от беспорядка и путаницы в уме».

Я хотела сбегать к Инне, предупредить ее о нашем отъезде и попрощаться, но папа сказал, что мы должны оставаться все вместе, не время выходить из дома. Поэтому я написала Инне письмо и попросила одного из наших домашних отдать его ей после нашего отъезда.

До позднего вечера я пришивала мамины украшения к ее и своему корсету, нитки жемчуга вдоль косточек, а спереди я зашила брошки, серьги и кольца. Ночью мы услышали взрывы, мост был взорван, мы не могли больше перейти через реку пешком, и отъезд был отложен.

Тогда Эрнест раздобыл две лодки, чтобы перевезти нас на другой берег Днепра, и сказал нам, чтобы к ночи мы были готовы.

Мы взяли с собой по две смены нижнего белья и по два платья, и мама сказала слугам забрать себе все, что мы оставим. Мы захватили только легкие вещи, у каждого был один чемодан или корзинка, которую он мог унести. Из муки, которая у нас оставалась, повариха испекла нам лепешки, положив в тесто немного соды вместо дрожжей.

Эрнест пришел за нами глубокой ночью. Он повел нас по крутому и скалистому берегу. Мы шли в полной темноте среди ежевики и подлеска, как можно тише, молча, чтобы не привлекать внимание грабителей. Говорили, что на людей часто нападали и обворовывали.

У подножия скал едва различимо поблескивала вода. наших перевозчиков не было в условленном месте. Позвать их — значило бы выдать наше присутствие. Мы сели на траву, и Эрнест исчез в темноте. Потом мы услышали плеск весел, и подошли две большие лодки. Эрнест сказал: «Не разговаривайте, не кричите, даже если будут стрелять». Две тяжело нагруженные лодки скользили с бортами почти вровень с водой, и мне казалось, что переправа длилась очень долго. Оказавшись на другой стороне, мы сначала шли по берегу, затем через поля: в то время копали картошку, земля была перерыта, наши ноги погружались в мягкую почву. Маме, которая никогда не носила другой обуви, как только на высоких каблуках, идти было очень трудно. На рассвете мы достигли железнодорожного пути, и нам оставалось только дойти вдоль него до станции, где заканчивали формировать

поезд. Он был последним, отправлявшимся с этого вокзала. Он был зарезервирован для семей железнодорожников, но там оставались свободные места, и мы смогли сесть на него без затруднений.

Тогда Эрнест сказал нам: «А теперь позвольте мне попрощаться с вами».

– Как, Вы не поедете вместе с нами? Зачем же Вы шли до сих пор?

– Это, Нинуся, мой секрет, я желаю вам большой удачи, и будьте счастливы.

Почему он столько трудился и рисковал, организуя наш отъезд, и сопровождал нас? Мы никогда не узнали этого, как и не поняли, почему он так часто приходил к нам, в то время как принимали мы его не очень любезно.

Поезд долго оставался на станции, потому что, как нам сказали, ждал кого-то из отъезжающих. Когда он, наконец, тронулся, мы все вздохнули с облегчением.

Первая станция, где мы остановились, охранялась отрядом Добровольческой армии. Среди вооруженных солдат мы увидели двух молодых людей, с которыми были знакомы в Екатеринославе. Они советовали нам продвигаться к югу как можно быстрее, потому что не были уверены, что добровольцы смогут долго удерживать этот район.

Мы ехали по-прежнему медленно еще час или два, когда прозвучала серия сильных взрывов; вскоре после этого наш поезд остановился в поле; дальше дороги не было, только груды железа и щебня в результате взрыва.

Мы вышли, каждый снова взял свой чемодан, и зашагали по узкой тропинке вниз по склону. Моросил дождь. После нескольких часов ходьбы мы продрогли. Я чувствовала струйки холодной воды, текущие по моей спине. Мы шли гуськом, глядя под ноги, по возможности обходя лужи и большие камни. Наташа шла впереди меня широким шагом, как всегда бодрая и прямая, однако я видела, что чемодан бил ее по лодыжкам на каждом шагу, и она часто меняла руку.

Тифозный поезд

Мздали мы увидели грузовой поезд, стоящий у длинной платформы. В вагоны садились люди, но неизвестно было, скоро ли он отправится. Они со страхом думали, не проникли ли уже красные на юг, и не лучше ли будет остаться на месте, потому что красные безжалостно расстреливали тех, кого считали дезертирами.

С трудом забравшись в товарный вагон, мы уселись на пол, радуясь возможности отдохнуть после изнурительного перехода. В противоположном углу на соломе лежал совсем молоденький мальчик. Одет он был в солдатскую шинель. Возле него сидел высокий худощавый офицер с рукой, обмотанной грязной повязкой.

Видя, что мы смотрим на мальчика, офицер прошептал: «Тиф». Потом он рассказал нам, что госпиталь, где они залечивали свои раны, был окружен красными и не мог быть вовремя эвакуирован; те, кто мог идти, ушли пешком, не зная, куда и в каком направлении податься. Он увидел этого мальчика, лежащего в придорожной канаве и бредившего, заставил его подняться и дотащил до поезда.

— Это ребенок. Какие страдания. Кто придумал брать в армию таких детей? Ему едва ли есть шестнадцать. Какая жалость!

Он продолжал ворчать, время от времени вливая несколько капель воды в потрескавшиеся губы больного, с бесконечной нежностью поддерживая его голову. Темнело. При свете фонаря, что зажгли на платформе, мы смогли лучше рассмотреть мальчика: он был красным от лихорадки, блестящим от пота, мокрые волосы прилипли вокруг его мальчишеского лица.

Офицер говорил без остановки, несомненно, ему трудно было так долго находиться в полумраке вагона, и тишина тяготила его. Промокшая одежда мешала нам, но было слишком холодно, чтобы ее снять. У нас стали чесаться шеи, ноги и руки. «Вши, – сказал офицер, – весь вагон ими кишит». Мы с ужасом смотрели на грязный и плохо пригнанный пол вагона. Эти вши были настоящим бедствием, их называли «платяные вши». Они

поселялись в складках одежды и, особенно, в проймах, вызывали покраснение и зуд. Они были заражены тифом.

Мои ноги, воспаленные и отекавшие от долгой ходьбы, горели. Я хотела снять туфли, но папа сказал, что лучше оставаться в них. Если бы нам внезапно пришлось сойти с поезда, мы потеряли бы много времени, снова обувая наши распухшие ноги.

Постепенно наш вагон наполнился людьми, но никто не знал, отправится ли когда-нибудь поезд. Время от времени кто-нибудь спрыгивал на землю, чтобы убедиться, что локомотив все еще под парами. Когда поезд начал двигаться, все перекрестились, и на этот раз, я полагаю, с большой набожностью, потому что воистину доверились милости Божией.

Рядом со мной сидела пара с маленьким ребенком. Женщина была очень молодая, красивая, стройная и изящная; он, напротив, некрасивый и простой; у него был сломан нос. Мне показалось, что у него пробивалась седина.

Женщина положила своего ребенка в большую картонную коробку с шалью. Она поддерживала ее рукой, чтобы та не соскользнула от тряски вагона, но сама она так устала, что ее голова постоянно падала на грудь, и каждый раз она просыпалась от толчка. Я сказала ей: «Устраивайтесь удобнее, положите голову мне на колени, а я подержу ребенка». Она поблагодарила меня с облегчением, доверила мне ребенка и тотчас заснула. Ритмичное постукивание колес пробудило во мне воспоминания о других путешествиях, и моя жизнь представилась мне вдруг вереницей перемещений: едва я укоренялась на новом месте, как мне нужно было уезжать. А теперь я даже не знала, куда иду. Возможно, так будет всегда, может быть, и в будущем меня всегда будет кидать с места на место.

Мы ехали медленно, с продолжительными остановками. Так длилось почти два дня, и мы, в конце концов, познакомились со всеми пассажирами вагона. В какой-то момент поезд остановился в поле. Послышались призывы, шаги людей по земле назад и вперед, стук в двери вагонов: тех, кто может, просили помочь из ограды сожженного хутора нарубить дров для локомотива. Почти все мужчины вышли и направились к локомотиву. Свежий воздух из открытой двери разбудил ребенка. У его мамы больше не было чистого белья на смену, и кто-то дал ей вместо пеленки рубашку.

Молодая женщина рассказала нам свою печальную историю: ее первый муж, офицер, был расстрелян большевиками в то время, когда она ждала ребенка.

Она поклялась вырастить своего ребенка, чего бы ей это ни стоило. Оставшейся в одиночестве, без денег, в городе, где жизнь была полностью перевернута вверх дном, ей представился единственный выход: выйти замуж за человека, который сейчас является ее мужем. Он заботился о ней до рождения ребенка, а потом обещал отвезти ее за границу к ее отцу, который занимался торговлей на экспорт и накопил крупную сумму денег. Она сказала, что за границей, в один прекрасный день бросит своего второго мужа. Когда он вернулся, я заметила, что он был очень предупредителен с молодой мамой и смотрел на нее восхищенными и покорными глазами преданной собаки. Я начала постигать весь трагизм жизни, ее печали, ее предательства, ее невидимые драмы и ложь.

Во время поездки в наш вагон сели и другие пассажиры, так что пришлось прижаться друг к другу, чтобы можно было закрыть раздвижную дверь.

Всякий раз, когда поезд останавливался на станции, люди стучали в дверь и через щель над полом пытались увидеть, что происходит внутри. У нас было так тесно, что не было никакой возможности позволить им войти. Они проклинали нас, упрашивали и пытались открыть вагон силой. Мужчины из вагона блокировали дверные ролики каблуками сапог, чтобы ее не взломали. Кто-то предположил, что, может быть, мы могли бы взять еще одного или двух человек, но ему ответили, что это было бы опрометчиво; приоткрыв дверь при нашей тесноте, мы не смогли бы ее больше закрыть, а в случае драки при отправлении поезда мы могли бы вывалиться на дорогу. Сквозь щели в двери мы видели людей, бегающих от вагона к вагону, умоляя позволить им войти. Наш поезд был, вероятно, их последним шансом. Другие устраивались на крышах вагонов. В момент отправления их заставляли спуститься, крича: «Немедленно спускайтесь, вы убьетесь; вас снесет в первом же туннеле». Ребенок плакал, его мама говорила, что он голодный, потому что у нее не хватает молока. Больной тифом мальчик бредил. Меня охватило полное безразличие, голова была пустой, мне казалось, что мы ехали так несколько недель. Небольшое количество еды, которое мы могли захватить с собой, закончилось, и мы были голодными. Люди жаловались на головную боль и головокружение: симптомы тифа.

Чтобы добраться до Мариуполя, нам надо было сделать пересадку. На железнодорожной станции, где мы вышли, было спокойнее, поездов было больше, но они были заполнены: голод в городах начинал сеять панику даже на юге, и люди отправлялись искать пропитание в деревнях, откуда они возвращались с рюкзаками, полными продуктов.

Мы нашли место, втиснувшись друг против друга на открытой платформе бывшего пассажирского вагона.

Было холодно, ледяной ветер гулял по платформе. Он задувал в рукава и за ворот одежды. Ноги у нас замерзли. Много времени спустя мы задавались вопросом, как в одежде, полной тифозных вшей, и после долгих разъездов в таких условиях мы не подхватили ни тиф, ни воспаление легких. Мама сказала: «Бабушка была права, несомненно, молитва наших предков еще раз защитила нас!»

В Мариуполе мы пошли прямо в дом Ивана Ивановича, где жили также две его сестры и моя подруга Маруся, которая была его племянницей. Хараджаевы остановились у другого своего родственника. Маруся сразу же устроила нас на своей большой кухне, и для нас приготовили много горячей воды, чтобы помыться. Всю нашу одежду прачка прогладила очень горячим утюгом, чтобы убить вшей. Мои волосы были грязными, спутанными и пахли поездом. Я вымыла их, и Маруся принесла мне в пиале немного уксуса для ополаскивания. Наверное, она сделала это украдкой, потому что уксус становился редкостью. В то время вымытые марсельским мылом и не ополоснутые уксусом волосы очень трудно было расчесать.

Внезапно жизнь перестала быть кошмаром. Мы снова жили в вежливом и добром мире, культурном, без вшей, в мире, где уступают место, извиняются, по дружбе приносят уксус для ваших волос. Другой мир, черствый и опасный, где заклинивают двери, чтобы не дать людям войти, был совсем в другой жизни.

Мы приготовили настоящий обед с горячим супом и свежим хлебом. Для всех нас нашлось место. Мы с Марусей спали рядом друг с другом на полу, на матрасе. Восхитительно было раздеться и проскользнуть между свежими простынями; это было самое простое присущее жизни счастье: возможность помыться, поесть горячего супа и вкусного хлеба, раздеться перед тем, как лечь спать на чистые простыни! Мы слышали, что в столовой обсуждали, в каком направлении лучше идти. Папа и Хараджаевы хотели уехать за границу немедленно, потому что пришли вести о полном поражении на фронте и приближении авангарда красных, бывшего не более чем в ста километрах от города.

Другие предпочитали остаться: в конечном счете, все утрясется, невозможно, чтобы этот режим, основанный на терроре и лжи, продолжал существовать; и что станет с людьми, уехавшими за границу? Я наполовину спала, но время от времени прислушивалась к тому, что говорилось за дверью. Затем все погрузилось в тишину. В середине ночи я проснулась

и разбудила Марусю, чтобы сказать ей, что приняла решение остаться в России. Я попрошу ее родителей приютить меня на некоторое время и буду искать работу. Я была еще слишком молода, чтобы быть учительницей; я попытаюсь найти место сиделки в госпитале, или я могла бы делать работу по дому. Работать, быть свободной и остаться в России — казалось единственным решением. Может быть, я также могла бы наладить связь с моим отцом Ефимом в Баку.

Утром у меня все было продумано и решено, но я еще должна была сказать маме о своем желании остаться, и боялась, что она очень огорчится от мысли, что я хочу расстаться с ней. Ее реакция удивила меня. Она просто сказала: «Я спрошу об этом папу». Папа и слышать не хотел разговоров о том, чтобы я осталась одна: если мы уедем, то уедем все вместе. Марусины родители не оставят меня против воли моих родителей, они не могут взять на себя эту ответственность. Что означало – взять на себя ответственность? Это я хотела остаться, это касалось только меня.

В какой-то момент во время отъезда у меня была мысль уйти из дома через садовую калитку, чтобы меня не нашли, но страх, что родители потеряют драгоценное время на поиски и не смогут больше уехать, остановил меня. С сокрушенным сердцем я забралась в двуколку, которая должна была отвезти нас в порт в нескольких километрах от города.

В тот день в Ейск по реке и Азовскому морю шло только одно маленькое грузовое судно. Мы поднялись на него.

Мы сели на палубе, где находились другие путешественники, закутавшиеся в свои пледы, потому что было очень холодно и ветрено. Местами море было покрыто тонким слоем льда.

Волны разбивали его на пластины, увлекали за собой и наваливали их вокруг друг на друга. Оказавшись в толстом слое льда, наше судно не могло продвигаться вперед, и ветер относил нас к западному берегу моря, занятому красными. С одинаковыми интервалами слышался рев бортовой сирены; затем мы увидели ледокол, покинувший порт и медленно направляющийся к нам. Он расчищал в сером ледяном покрове просвет, который, по контрасту, казался черным.

Зима в Ейске

В Ейске мы с грехом пополам разместились на частной квартире, и у нас было несколько месяцев передышки. Вскоре после нашего прибытия Азовское море покрылось льдом, и мы были вынуждены провести там зиму. Продовольствия в городе еще было достаточно, главным образом, вкусной и питательной простокваши, которую продавали на рынке в больших глиняных кринках. Наша пища в основном состояла из этой простокваши и ситного хлеба. Добравшись до Ейска истощенными, мы быстро восстанавливали силы.

Перед тем как покинуть Мариуполь, папа предложил родителям Маруси отправить ее с нами, но они отказались доверить ее нам. На следующий день после нашего отъезда, при приближении большевиков, они испугались за нее и попросили дядю Альфреда, решившего уехать, сопроводить ее до нас. Он ответил, что, будучи старым холостяком, не может взять на себя ответственность за молодую девушку. Мне было очень жаль. Дядя Альфред прибыл в Ейск сразу после нас, и со мной могла бы быть моя подруга.

В кабинете нашей хозяйки я нашла учебники, которые давали мне возможность не потерять учебный год. Я упорно изучала один предмет за другим. Среди всеобщей разрухи в ожидании неизвестного будущего смутная тревога побуждала меня любой ценой и как можно быстрее окончить среднюю школу.

В то время Ейск был очаровательным старомодным провинциальным городком. Мы жили на широкой улице в маленьком невысоком доме с окнами, закрывающимися ставнями из цельного куска дерева, кроме отверстия в форме сердечка посередине каждой створки. Когда наступал вечер, надо было выходить на улицу, чтобы закрыть ставни, которые затем запирались изнутри. Когда выпал снег, закрывать ставни было для меня восхитительным занятием. В сумерках снег, казалось, окутывал весь город синеватым покрывалом, а свет, просачивающийся сквозь ставни, расцвечивал его золотом. Я нарочно ступала так, чтобы снег хрустел под моими ногами, а затем задерживалась на крыльце подышать морозным

воздухом, в котором чувствовался легкий аромат горящих дров. Город молчал. Лишь изредка слышалось сухое постукивание ставней, которые закрывали соседи в то же самое время, что и я. Этот городок, казалось, создан только для мирной и счастливой жизни простых и добрых людей.

Ейск, защищенный с севера Азовским морем и Добровольческой армией, был в стороне от зоны боевых действий. Тем не менее, в декабре в его окрестностях появилась вооруженная банда. Ее вожака звали Зеленый, поэтому и банду называли «зеленые».

Однажды утром нас разбудила хозяйка: зеленые были здесь, и нам не стоило выходить на улицу, так как они считали всех беженцев буржуями, которых нужно уничтожить. Поэтому несколько дней мы прятались в нашей единственной комнате. В эти печальные дни нас очень выручал Иван Иванович. Как всегда, он пытался ободрить и отвлечь моих родителей. Вечером он читал нам исторические романы, которые одолжила хозяйка.

Зеленые были в городе уже несколько дней, когда патруль, проходивший возле дома, где жил дядя Альфред, увидел на пороге дома девушку. Они спросили ее: «Кто там живет?» Она не знала, что ответить, потому что не хотела называть имя своего отца, занимавшего высокий пост в городе при старом режиме. Она произнесла первое, что пришло на ум: «Приезжие».

«Беженцы?» – спросили патрульные. Войдя в дом, они убили дядю Альфреда и его друзей.

Девушку привели к нам, чтобы привести ее в чувство, и чтобы она не была там, когда придут забирать тела. Его лицо распухло от слез, она стояла, согнувшись, и не прекращала повторять что-то вроде «это моя вина» или «это не моя вина». Ей дали успокоительное и попытались уложить в постель, но она не могла оставаться на месте и все время вставала.

Однажды ночью зеленые покинули город так же внезапно, как его заняли, и снова все стало мирно. Только несколько свежих могил свидетельствовали о том, что случилось здесь в течение нескольких дней.

В Ейске было много беженцев, и мы нашли несколько своих знакомых. Однажды я очень обрадовалась, услышав, как произнесли фамилию Лиды.

Я пошла повидаться с ней. Дверь мне открыла высокая дородная дама. Я с трудом узнала Лидину маму, так постарела она, пока мы не виделись. Она тепло приняла меня и

проводила в комнату, где за столом сидела Лида с ребенком на руках, которого она кормила кашей. Мы были счастливы снова увидеться и очень взволнованы, что это произошло в таких печальных обстоятельствах. Лида сразу рассказала мне обо всех событиях, случившихся в ее жизни после моего отъезда из Мариуполя.

Ее отец, начальник порта, умер в прошлом году. Ее брат, который был офицером, вступил в Добровольческую армию по призыву генерала Алексеева. Жена этого брата умерла после родов, поручив ребенка своей молодой золовке Лиде. У ребенка был большой выпуклый лоб, взгляд его светло-голубых глаз показался мне слишком серьезным для ребенка такого возраста. Ему должно было быть не больше шести или семи месяцев. Когда Лида вышла из комнаты, где он находился, ребенок заплакал и успокоился только тогда, когда она взяла его на руки. Лида обожала его. Я восхищалась, какими мягкими и уверенными становились ее движения, когда она занималась им.

Лида рассказала мне, что когда красные были в нескольких километрах от Мариуполя, друг ее отца, который был капитаном торгового флота, прибыл на своем корабле, чтобы забрать их и увезти в Ейск, потому что им было опасно оставаться в Мариуполе: красные часто расстреливали семьи офицеров Добровольческой армии.

Теперь мама Лиды сокрушалась, не зная, следует ли оставить Ейск, пока это возможно, или остаться и подождать, пока обстоятельства не прояснятся. Она говорила: «Как мне узнать, что хотел бы мой сын, чтобы я сделала; всегда муж или сын решали за меня, что я должна делать. В мое время девушек не готовили самим ориентироваться в жизни». Затем, мало-помалу, она повернула разговор к временам своей молодости. Она говорила: «Мои бедные девочки, вы знаете только утраты и грустную и унылую жизнь вместо яркой и веселой жизни моего времени». Затем она еще вспоминала свою молодость и первую встречу с молодым мичманом, который должен был стать ее мужем. Как и многие люди в это тяжелое время, мама Лиды находила спасение и убежище в своих воспоминаниях.

Я наблюдала за Лидой. Ни у нее, ни у меня не было никаких воспоминаний о благополучии, безопасности, ничего, что не было бы не запятнано болью. Мы смотрели в лицо суровой реальности, без мечты, без надежды. Я понимала, почему именно Лиде, а не ее маме, доверила золовка своего сына.

С некоторого времени по городу ходили тревожные слухи и, в конце концов, мы узнали о масштабах поражения разгрома Белой Гвардии. Союзники не выполнили своих

обещаний по отправке оружия; обескураженные казаки перестали сражаться и вернулись в свои дома. Генерал Врангель, преемник генерала Деникина, больной, пытался спасти положение, перегруппировать в Крыму то, что осталось от Добровольческой армии. Часть ее была отброшена к Кавказу: она отступила, сражаясь с превосходящими силами неприятеля, и стремилась взять Новороссийск, чтобы сесть на суда и вернуться в Крым.

Как почти всегда в этой гражданской войне, не было никакой сплошной линии фронта между противниками. Несколько отрядов красных уже появлялись в окрестностях Ейска, и оставаться в городе становилось опасно.

Ни одна лодка не отправлялась из Ейска к еще не занятому большевиками порту. Дороги, напротив, когда потеплело, стали подсыхать. Поэтому решили ехать по дороге на юго-запад и попробовать добраться до другого порта. Местные жители не хотели рисковать своими лошадьми, выводя их из конюшни, так как опасались реквизиции красными или белыми, но, наконец, два крестьянина, которые возвращались в свою деревню, согласились взять нас в телеги при условии ехать ночью.

Я знала, что Лида и ее мама не могли ехать, было еще слишком холодно, чтобы рискнуть отправиться в путь с маленьким ребенком, не зная, где уложить его спать и как накормить.

Понимая, что меня могут не отпустить, я ушла из дома без разрешения и помчалась к Лиде сказать ей, что мы уезжаем. Я прибежала на одном дыхании и спешила вернуться, пока никто не заметил моего отсутствия. Лида сказала, что очень рада снова увидеть меня всего через несколько недель. У меня было тяжело на сердце. Ее мама проводила меня до ворот и, плача, обняла.

Когда я обернулась, чтобы в последний раз взглянуть на их дом, сквозь запотевшее оконное стекло я увидела Лиду. Я унесла с собой нечеткий образ нежной и слишком молодой мамы, таким знакомым жестом поддерживающей головку младенца у своего плеча.

Через степи Кубани

наступлением темноты мы пошли по дороге, которая углублялась в степь, и в нескольких километрах от Ейска сели на телеги. Утром мы прибыли в деревню. Нас приютили на один день, и мы нашли там другие телеги, чтобы продолжить путь.

Теперь надо было попытаться любыми средствами как можно скорее уехать за границу, потому что разгром Добровольческой армии казался совсем близким.

Мы ехали ночью, днем мы спали на полу в крестьянском доме, затем вновь пускались в путь, делая двадцать или тридцать километров за ночь. На рассвете нам приходилось сходить с телеги, иногда раньше, чем мы добирались до деревни, и идти пешком, потому что люди всегда боялись, как бы ни реквизировали их лошадей.

Крестьянам, которые везли нас, платили очень дорого, но иногда они отказывались от денег – неизвестно было, сколько стоили новые выпущенные банкноты, и в ходу ли они по-прежнему – и требовали ценные вещи. Тогда с ними рассчитывались украшениями, давали за переезд кольцо или брошку.

Ночью небо было необъятным. Звезды сияли так ярко, что казались живущими более реальной жизнью, чем мы, прижавшиеся друг к другу в скрипящих телегах, тяжело трясущихся по разбитым дорогам.

Я научилась узнавать признаки, предвещающие рассвет. Теперь я забыла названия деревень, все неудобства нашей поездки, как мы были одеты, о чем говорили, но я помню эти восходы каждого дня, каждый день разные, такие величественные. И каждый день вместе с первым восторгом от рассвета заново рождал во мне один и тот же вопрос: «Какой смысл для нас теперь в красоте и великолепии вселенной, для наших сердец, тяжелых и мрачных как гробницы?»

Каждый вечер папа разворачивал старую дорожную карту, которую всегда носил в кармане куртки, чтобы попытаться определить, где мы находились. Мы хотели следовать

ближе к побережью, но крестьяне говорили, что идти тем путем опасно. Итак, согласно выбранному ими маршруту, мы были вынуждены отклоняться к востоку по обходным дорогам в степях Кубани.

Однажды утром мы прибыли на хутор, где нас отказались везти дальше. Напрасно искали мы в окрестностях телеги и лошадей, никто не хотел рисковать на дорогах. Это приводило в уныние – проделать весь этот долгий и трудный путь, избежать стольких опасностей, чтобы в конце быть пойманными красными на этом затерянном хуторе. Мы пробыли там несколько дней. Обитатели хутора с утра уходили работать в поле и возвращались только вечером; мы оставались одни и сидели без дела в пустом доме, время тянулось медленно.

Я помню один день. Мы с Ксенией и Иваном Ивановичем сидели на скамейке за оградой хутора, рядом с воротами. Внутри дома было еще холодно, тогда как снаружи потихоньку начинало греть солнце. Я следила глазами за маленькими барашками облаков, медленно скользившими по голубому небу. Перед нами лежали поля и пастбища. Вдалеке на холме виднелась деревня и колокольня небольшой церквушки. Такой мирный пейзаж. Трудно было представить, что вокруг, чуть дальше, шла война, и насилие и смерть подстерегали нас каждую минуту.

Печальные мысли теснились в моей голове. Я спросила Ивана Ивановича: «Как получилось, что мы к этому пришли? Почему пала Россия? Как это объяснить? И чья в этом вина?»

Иван Иванович ответил, что, наверное, будущие историки это поймут. Возможно, они выстроят более или менее точные теории. Чья в этом вина? Без сомнения, русской интеллигенции, которая не смогла вовремя объединиться и не увидела признаков неминуемой катастрофы. Самые способные и реалистичные люди были отстранены от власти, среди них были люди, которые могли помочь одному из великих князей взять власть в свои руки, но в решающий момент ни у одного из великих князей не нашлось необходимой силы характера, чтобы действовать быстро и эффективно.

Социалисты вообразили, что достаточно поступать либерально, чтобы их противники делали то же самое. Они были далеки от реальности и не умели бороться с маленькой группой людей жестоких и полных решимости взять власть любыми средствами, бездушные машины революции. Действуя от имени Свободы, они ввели террор, и от имени Демократии установили диктатуру.

Иван Иванович говорил долго. Он повторил еще раз: «Чья в этом вина? — и сказал: — Лично я чувствую себя в высшей степени ответственным. Я считаю, что все русские мужчины должны чувствовать прямую или косвенную ответственность». Устав говорить на эту мучительную тему, он сделал жест отчаяния и затих.

Вскоре мы увидели на дороге папу и Алю, которые снова ходили искать лошадей. Они издали подали нам знак, что не нашли.

В тот вечер мы приняли решение оставить все свои чемоданы и отправиться к порту пешком. Сказали: «Будь что будет, это не хуже, чем оставаться здесь». Мы легли спать рано, чтобы уйти на рассвете. Ночью нас разбудили сильные удары в ставни комнаты, и мы подумали, что это уже красные, но в действительности это были крестьяне из соседней деревни, которые вызвались проводить нас немного дальше на восток до железнодорожной платформы: по их словам, по этой ветке еще ходили поезда.

Эти люди выглядели сурово, но крестьянин сказал: «Они кажутся неприветливыми, но вы можете доверять им, они честные люди».

Мы еще раз открыли карту и увидели, что если бы нам удалось сесть на поезд, можно было бы доехать до небольшого порта в Ахтарске.

На железнодорожном полустанке, где нас высадили крестьяне, после нескольких часов ожидания мы смогли сесть в поезд и устроиться в бывшем почтовом вагоне. Там было несколько скамей, на которые мы сели. Когда поезд тронулся, я сразу же уснула, а когда он резко притормозил, я упала на пол, прихватив с собой Наташу, чья голова покоилась на моем плече.

На протяжении всего нашего тяжелого пути Наташа, которой было в то время только одиннадцать лет, держалась стойко и мужественно. Быстро вставала, легко просыпалась, когда нужно было идти ночью, никогда не жаловалась, живя надеждой уехать за границу и вырваться из большевистского кошмара. По мере нашего приближения к цели, она всякий раз была готова выдержать новые трудности.

Море в Ахтарске было беспокойным и серым. Корабль, капитан которого согласился нас взять, шел в Феодосию, порт на побережье Крыма, бывший еще в руках добровольцев. Корабль была маленький, ветхий и грязный, капитан выглядел подозрительно и казался полупьяным, но у нас не было выбора, надо было уехать как можно скорее.

Мы поднялись на борт и уселись в защищенном от ветра месте, за мешками и ящиками, которые загромождали палубу. Именно в этот момент Иван Иванович объявил нам, что решил не ехать за нами за границу. Папа был изумлен: «Полноте, Иван Иванович, вы шутите! Это невозможно, Вы прекрасно знаете, что сделались частью нашей семьи. Вам не избавиться от нас теперь, когда мы вместе пережили такое тяжелое время?» Но Иван Иванович упорно повторял, что не может уехать. Что он будет делать за границей? Там он сможет жить только за чужой счет. В России он разделит судьбу всех. Он останется с нами до нашего отъезда, а затем постарается вернуться в Мариуполь.

Мы прождали весь день, капитан все время откладывал отправление: «Минутку», – говорил он. Вечером корабль, наконец, покинул порт. Его двигатель оглушительно шумел, корпус дрожал и стонал так громко, что, казалось, в любой момент он готов развалиться и пойти ко дну.

Тем не менее, той же ночью мы высадились в Феодосии. Там мы проспали до рассвета на сходнях перед пакгаузом.

Феодосия

Утром мы нашли квартиру. Мой зять немедленно обратился к греческому консулу, чтобы получить необходимые документы, позволяющие нам отправиться в Афины. Имя Хараджаевых было известно во всех портах Черного моря; более того, их предки были выходцами из Греции. Консул дал Хараджаевым пропуск и посадочный билет на греческий корабль. Но нам он отказал, потому что поступал в обход закона и не мог сделать этого для всех нас.

Мы пережили вместе с Хараджаевыми много опасностей и тревог, и нам было грустно от необходимости расстаться с ними и Ксенией, не зная, встретимся ли мы однажды снова. Мы проводили их до трапа корабля и долго оставались на пристани, глядя, как он медленно удаляется.

Именно на этой пристани я поняла, как постарел папа, его волосы стали совсем седыми. Впервые я дала себе отчет, что мой папа стар, мама совсем не приспособлена к практической жизни, Наташа еще только ребенок, и сама я растеряна, слаба и уязвима.

В Феодосии мы узнали подробности трагического поражения Добровольческой армии: красные бросили все свои силы в контрнаступление, в котором им удалось прорвать фронт в центре и разделить на две части армию добровольцев. У тех больше не было резервов для исправления ситуации и, в конечном счете, две части армии были вынуждены отступить с боями, одна в сторону Крыма, другая к Дону, затем на Кубань, чтобы, сев на суда в Новороссийске, отправиться в Крым.

Итак, наше долгое странствие по степям Кубани прошло между продвижением красных и отступлением добровольцев. Мы спрашивали себя, каким чудом здоровыми и невредимыми мы прибыли в Крым, чтобы высадиться именно в Феодосии, которая была маленьким портом в стороне от боев.

Чтобы отправиться за границу, мы должны были иметь паспорта, выданные властями России. У нас их не было, для запроса нужны были фотографии для идентификации личности, и мы пошли к фотографу. Это был симпатичный старик, разговорчивый и предупредительный. Он предложил маме сделать также мою и Наташину фотографии крупнее, значительно сбавив цену. Эти фотографии — наш последний сувенир из России.

Везде был беспорядок, непонятно было, кто и за что отвечает в городе, но тяжелый административный аппарат работал с прежней медлительностью. Получение паспортов заняло у нас около двух недель.

Папа часто ездил в префектуру и возвращался раздраженный бюрократической медлительностью. Шли дни, мрачные и грустные. Утром я ходила на рынок. Там еще можно было найти еду, если брать то, что было. Я часто возвращалась с мелкой рыбой, с бычками, которых ловят недалеко от берега, у них крупная голова, но мало мяса. За хлебом нужно было стоять в очереди. Наша хозяйка научила меня жарить рыбу и варить суп из того, что можно достать на рынке.

Как-то днем мы с Наташей бродили вдоль моря и сели у низкой стенки с подветренной стороны. Насколько хватало глаз, море было покрыто маленькими белыми барашками. Волны, разбиваясь о берег, перекачивали гальку туда и обратно. Я думала о том, что мы приехали сюда, на край России. Дальше, за этой передвигающейся галькой, находилась черта, откуда нет возврата, и начинался другой мир, который представлялся мне холодным и враждебным.

В отличие от родителей, которые думали, что позже мы сможем вернуться в Россию, у меня было предчувствие, что если мы уедем, то больше никогда не вернемся.

Наконец такие долгожданные паспорта были выданы. Из Феодосии можно было отправиться в Константинополь или в Варну, в Болгарию. Первый корабль, который отправлялся, шел в Константинополь. Мы решили сесть на него.

Накануне нашего отъезда мама велела мне приготовить еду в дорогу. Я решила купить яйца и копчёное сало и принялась варить яйца вкрутую. Я сидела на корточках перед огнем, который не хотел заниматься. Я закашлялась от дыма, и глаза мои наполнились слезами. Итак, уезжаем. Я думала обо всех друзьях, которые останутся в ужасной буре, которая гуляла по России.

Был такой дефицит всех товаров, что даже ношеную одежду покупали за большую цену. Мы остались без денег и решили продать наши пальто; они были в таком плохом состоянии, что мы не хотели их хранить, тем более что мы направлялись на юг и думали, что больше они нам не понадобятся. Во второй половине дня пекарь из нашего квартала пришел их купить. Мы долго торговались, и, наконец, он дал нам хорошую цену и пообещал еще две большие буханки хлеба для поездки. Он велел нам забрать их прямо из пекарни, даже если там будет очередь.

Вечером я пошла туда. Возле магазина было много людей, но мне все же удалось проникнуть внутрь, сказав, что я пришла к пекарю по личному делу. Я прошла в дверь сквозь протестующую очередь. В этот момент пекарь заметил меня и вышел, чтобы отдать мне хлеб, добавив большой крендель. Люди не хотели выпускать меня, ругали, пытались отнять хлеб. Кто-то схватил меня за юбку. Я вырвалась изо всех сил и бросилась бежать, обхватив хлеб руками. Мне было стыдно. Там были бедные старики, часами стоявшие в очереди, надеясь добыть хлеб.

Дома уже были готовы чемоданы. Вечером мы, как всегда, легли спать на голый пол. Я привыкла к этому и обычно засыпала довольно быстро. Но в этот вечер мысль о нашем отъезде не давала уснуть.

Перед моим воображением прошли все те, кого я любила и кого никогда не увижу вновь: моя дорогая Василиса, Лиза, моя первая подруга, тетя Женя, Митрофан Петрович, Костя, который открыл мне глаза на огромный мир и заставил полюбить Россию глубокой любовью, Маруся, Соня, которой я обязана лучезарными летними днями, Анюта, такая достойная в своем несчастье. Вот моя дорогая Матреша, глубоким голосом читающая мои сочинения. Вот лицеисты, столь увлеченные идеалом свободы, с их пламенной верой в возрождение русской общественной жизни, почти все умершие в ходе первой и страшной «ледяной кампании» в рядах добровольцев.

Вот Сфира, Боже мой, Сфира с ее черными локонами и прекрасным лицом, склоненным над пианино. Инна, поющая в дивной пасхальной ночи: «Ангели поют на небеси...» Вот мой последний взгляд сквозь запотевшее оконное стекло на Лиду, грустно улыбающуюся мне и обнимающую младенца. Вот Наточка, ее сдержанная и беззаветная дружба. Вот ее брат, его карие глаза со слегка насмешливым и в то же время внимательным выражением, когда его взгляд останавливался на моем лице. Все это уже окутывалось дымкой, как в густом тумане.

В горле стоял комок, сердце сдавливало так, что было трудно дышать, впервые я испытывала жалость к самой себе. Эгоистично, глупо, я плакала над своей юностью и над своими несбывшимися надеждами. Жгучие слезы, не переставая, струились из моих глаз и текли за уши. Лежа на полу, я думала, что, может быть, именно в эту ночь, в одну только эту ночь, мне позволено поплакать о себе.

Я вспомнила отца Василия. Что бы сказал он, увидев меня плачущей о себе? Я начала читать вечерние молитвы, машинально повторяя знакомые слова. Я видела нашу классную комнату, залитую солнцем, красивое и серьезное лицо батюшки, одновременно строгое и доброе, я вспомнила, как настойчиво говорил он нам, что во времена великой скорби нужно напрячь все свои силы, чтобы возопить к Богу.

Я позволила своему сердцу кричать к Богу, и этот внутренний вопль, казалось, вышел за пределы нашей комнаты и отозвался вдали.

Я бодрствовала всю ночь и только на рассвете забылась таким тяжелым сном, что меня пришлось сильно трясти, чтобы я проснулась и приготовилась, наконец, к отъезду.

Корабль, который должен был доставить нас в Константинополь, отправлялся утром. Иван Иванович проводил нас и помог донести чемоданы. Он был мрачен. Все молчали. Нам нечего было больше сказать, между нами все уже было обговорено много раз. Матрос возле трапа крикнул нам, чтобы мы поспешили.

– Попрощаемся, – сказал папа, – я бы так хотел, чтобы ты поехал с нами.

– Я думал, что никогда не оставлю вас... – сказал Иван Иванович, он не мог продолжать, черты его лица болезненно исказились, и голос сорвался.

На борту было уже много людей, которые, подобно нам, отправлялись искать убежище за границей. Они очень быстро познакомились и разговаривали между собой. После долгих маневров корабль покинул порт и вышел в открытое море. Мы с группой отъезжающих стояли на корме и смотрели на медленно удаляющийся берег. Кто-то сказал: «Может быть, в последний раз мы видим Россию, нашу Святую Россию».

Вскоре мы не могли уже различить портовые сооружения. Затем исчезли из вида городские дома, и контуры Крымских гор стали размытыми. Опираясь на борт, я с грустью смотрела, как их гребни превращаются в одну волнистую линию и исчезают в тумане.

Оглавление

Часть первая. ПЕРЕД БУРЕЙ

Аносовы
Раннее детство
Семья Керн
Наше воспитание
Наша Василиса прекрасная
Наша религия, наш патриотизм
Мама
Путиловские верфи
Мой дядя Николай
Жорж революционер
Наш постоялец Артур
Лето 1914
Начало войны
Я – революционерка
Путешествие в Красный Кут
Дом тети Жени
Школа в степи
Жизнь в Красном Куте
Лицей
Мои новые друзья
Наша кухарка Анюта

Часть вторая. БУРЯ

Помолвка Ксении
Мои сверстники
Карпов
Первые аресты
Отец Василий
Отъезд из Мариуполя
Бандиты
Дом консула
Страшные времена
Пасха 1919 года
Освобождение Екатеринослава
Возвращение Ксении
Вооруженные банды
Бегство из Екатеринослава
Тифозный поезд
Зима в Ейске
Через степи Кубани
Феодосия